

*Валерий Сергеев*

*Виктор Хорошулин*

## **ХВОСТ ЯЩЕРИЦЫ ТАЙНЫ РУССКОГО КЁНИГСБЕРГА**



*Калининград 2016 год*

Во времена Семилетней войны столица Восточной Пруссии город Кёнигсберг 4 года находился в составе Российской империи. Им руководили генерал-губернаторы, одним из которых был отец великого полководца Василий Суворов. В те времена в Кёнигсберге действовала масонская ложа «Три короны», чья деятельность подчинялась Фридриху Великому. Тайные масонские заговоры велись в том Кёнигсберге, ведутся они и в наше время...

### **ПРЕДИСЛОВИЕ**

В 2004 году на Северном молу города Балтийска открылся историко-культурный комплекс «Елизаветинский форт», центральной фигурой которого стал поражающий своей мощью и великолепием четырнадцатиметровый медный памятник императрице Елизавете Петровне работы скульптора Г.В. Франгуляна. Российская государыня изображена верхом на гарцующем коне, в платье полковника лейб-гвардии Преображенского полка. Её гордый взгляд устремлён навстречу всем ветрам и штормам, вдаль Балтийского моря. Данное изваяние даже выше, чем памятник Петру I в Санкт-Петербурге. Величественный комплекс был сооружён здесь, на самом западе Великой России в ознаменование побед русской армии в Семилетней войне и присоединения

Восточной Пруссии к Российской империи. Место для него выбрано не случайно, ведь все корабли, входящие в Калининградский залив и порт, проплывают рядом с этим местом, и Елизавета Петровна своей правой рукой приветствует морские суда и приглашает их в свои владения ...

Так о чём хочет нам рассказать медная статуя царицы? Наверное, о том, как в январе 1758 года, русские войска под всеобщее ликование немецкого населения вступили на празднично украшенные улицы Кёнигсберга. После такого триумфа Манифестом императрицы Елизаветы от 6 (19) марта 1758 года российским генерал-губернаторам Восточной Пруссии предписывалось: «среди самой войны пецись сколько можно о благосостоянии невинных худому своему жребию земель, потому торговлю их и коммерцию не пресекать, но защищать и вспомоществовать». Государыня поведала бы и о том, что после вхождения в Кёнигсберг последовало славное для русского оружия сражение при Кунерсдорфе, взятие Берлина и Кольберга...

Прусский король Фридрих II никогда бы не вышел с честью из сложившейся ситуации, если бы не вступивший на российский престол в декабре 1761 года император Петр III, самовольно вернувший Фридриху все земли, занятые русскими войсками. К этому времени Восточная Пруссия уже почти четыре года была частью России и глубоким тылом русской армии...

Таким образом, два с половиной столетия назад Восточная Пруссия имела все шансы навсегда остаться одной из провинций Российской Империи. И не случилось бы тогда катастрофы 1914 года под Танненбергом, и не пришлось бы нашим солдатам штурмовать здесь укрепления нацистов в 1945-м, потому что сама милитаристская мощь Германии, послужившая причиной двух мировых войн, вряд ли была бы возможна без обладания Восточной Пруссией. Но сколь часто наши правители пускали по ветру плоды русских побед, чтобы потом собирать их по крупицам, вновь оплачивая русской кровью!

Вот о чём нам следует помнить.

Итак, мы отправляемся в Кёнигсберг времён Семилетней войны, когда генерал-губернатором Восточной Пруссии был Василий Иванович Суворов, отец знаменитого полководца. В городе было полно шпионов Фридриха II, действовала масонская ложа, которая подчинялась ложе, руководимой самим прусским королём («Три глобуса»). Как здесь не родиться зловещему заговору? Многие историки, описывая те времена, не могут обойти стороной факт посещения Александром Суворовым масонской ложи «Три короны», и тут же «записали» его в масоны. Правда, потом недоумевали: как мог истинный патриот, глубоко православный человек, «природный русак» опуститься до общества «вольных каменщиков»?

Мы отвечаем и на этот вопрос.

О русском Кёнигсберге и периоде правления губернатора Василия Ивановича Суворова, о «масонстве» Александра Суворова и готовящемся здесь покушении на жизнь императрицы Елизаветы Петровны, а также о планах и масштабах масонства сегодня – наша книга.

# ЧАСТЬ I. ОРДЕН «ЧЁРНОГО ОРЛА»

*(Орден «Чёрного орла» - высший орден Королевства Пруссии. Фридрих II наградил им Петра III за то, что тот предал интересы государства Российского и аннулировал все завоевания русской армии в Семилетней войне)*

## Глава 1. Профессор Альбертины и губернатор Пруссии

Недобрый январский ветер уныло завывал в трубах домов на северном берегу Прегеля, в районе Кёнигсберга, называемом Альтштадт. Зима, наконец, собралась силой и устроила настоящий штурм древнего города. Позёмка шипящими белыми змеями, струилась по узким улочкам. Печально поскрипывая, раскачивались масляные фонари, птицы попрятались под островерхими крышами зданий, кошки и собаки забились в тёплые закутки дворов. Прегель «надел» ледяные доспехи, поверх которых «накинул» белый рыцарский плащ.

Поздним вечером 15 января 1761 года в дверь дома 7 на улице Хлебных лавок настойчиво постучали. Пожилой слуга профессора Майбаха Петер Вурст испуганно поинтересовался, кого принесла нелёгкая на порог их жилища в столь неурочный час.

- Здесь ли проживает профессор медицины Пауль Майбах? – послышалось в ответ.

Через минуту старый Петер тормозил своего, уже успевшего надеть ночной колпак, господина.

- Герр профессор, к вам русские! Офицер и два солдата!

- Передай, что я сейчас оденусь и спущусь к ним, - ответил Майбах, будучи уверен, что очередной недуг сразил кого-то из представителей новых властей и без его помощи, как обычно, обойтись было невозможно.

Третий год Кёнигсберг находился в руках русских (1), восточная часть королевства Прусского присягнуло на верность Российской империи и имело своего губернатора – ставленника Санкт-Петербурга. Как выяснилось позже, прибывшие военные были как раз от него – Члена Военной коллегии и сенатора - Василия Ивановича Суворова, занявшего губернаторский пост всего полмесяца назад.

Новый губернатор начал своё правление довольно необычно. Он представил всем кёнигсбергским жителям такое зрелище, какого они до того не видывали, и которое всех их премного удивило. А произошло следующее. На второй день принятия Суворовым должности, наступил праздник Богоявления господня, и губернатор решил показать жителям Пруссии всю красоту православного праздника Водоосвящения. По его приказу посреди города, на реке Прегель, напротив острова Кнайпхоф, было выбрано место, которое мог бы созерцать весь собравшийся люд. Там же во льду вырубил и украсил иордань (2), а по всем берегам реки и острова были поставлены войска в парадной форме с распущенными знамёнами. Чуть поодаль иордани расположили пушечную батарею. Все эти приготовления привлекли несметное количество зрителей. Не только улицы и берега реки, но все окна и даже кровли ближайших домов и построек были заполнены восхищёнными горожанами. Крестный ход начался от церкви, находившейся от реки на расстоянии около полумили, и был возглавлен архимандритом в сопровождении иных священнослужителей. Участвовал в шествии и сам губернатор со своими чиновниками,

проделавший весь этот неблизкий путь пешком. В момент погружения креста в воду, раздалась пушечная пальба, а затем троекратный беглый огонь из ручного оружия всеми войсками, что произвело на присутствующих неизгладимое впечатление. После же завершения церемонии, губернатор не преминул угостить всех знатных людей города праздничным обедом...

Профессор Пауль Майбах являлся потомственным медиком. Так же, как его отец и дед, он был последователем школы великого Гиппократ и Авиценны. Сам же Пауль служил в кёнигсбергском университете – Альбертине, учил врачебному искусству студентов и успешно занимался практикой. «Не нужно быть важным, важно быть нужным!» - было его жизненным правилом...

О новом губернаторе профессор уже имел некоторые сведения – в Альбертине велись разговоры, как между преподавателями, так и в кругах слушателей – русских офицеров-артиллеристов, лекции которым читал приват-доцент Иманнуил Кант. По сравнению с прежним губернатором Кёнигсберга, Николаем Корфом (3), самолюбивым и взбалмошным вельможей, которого с трудом терпели его приближённые, Суворов был добр, внимателен и справедлив. Он избегал излишней пышности, был скромным и крайне трудолюбивым человеком, а вставал так рано, что в два часа пополудни бывал уже обычно одет и занимался делами. Того же он требовал и от подчинённых. Впрочем, кое-кто поговаривал о его якобы непомерной скупости, но эта черта характера здесь, в Пруссии не считалась пороком. За короткое время новый губернатор навёл порядок на угольных складах, наладил работу дополнительных хлебопекарен в Кёнигсберге, начал ремонт фортификационных сооружений Иерусалимского укрепления, выявил расхитителей овса со складов в Хаберберге. Знаток финансов, крепкий хозяйственник и честнейший человек, Василий Иванович тонко чувствовал и политические веяния. Всею своей деятельностью он старался показать, что Россия пришла в Пруссию всерьёз и надолго. А пруссаков не нужно было приучать к порядку. Им было достаточно только чувствовать крепкую, «железную» руку.

Спускаясь по винтовой лестнице, профессор одной рукой придерживался за натянутый канат, чтобы не упасть, а другой постоянно поправлял парик – волнение всё-таки овладело пожилым человеком. Сойдя вниз, он встретился лицом к лицу с гренадерским обер-офицером в тёмно-зелёном кафтане и епанче, припорошенной снегом. Рядом с русским, держа обеими руками подсвечник, стоял Петер Вурст. Судя по унылому взгляду слуги, старика совершенно не радовал визит вооружённых людей в дом профессора.

- Чем могу быть любезен господину офицеру? – спросил Майбах, пристально всматриваясь в усталое лицо молодого человека с грустными глазами. Тот слегка поклонился.

- Прошу извинить, господин профессор, за столь позднее вторжение, – немецкий язык гостя был безупречен, – но наш губернатор нуждается в вашей помощи.

- Он болен? Какая досада... – Майбах, казалось, был действительно неприятно удивлён недугом русского губернатора. – Петер, подай мою сумку с инструментами. Мне придётся ненадолго прокатиться в Замок. Уверен, я смогу помочь господину Суворову. – Профессор надел шляпу, накинул на плечи тёплый плащ и направился к двери. – Надеюсь, ничего серьёзного с нашим губернатором не произошло?

- Как вам сказать, - туманно ответил офицер. – С одной стороны, действительно, ничего страшного, а с другой – совершенно непонятная ситуация. Впрочем, Василий Иванович вам всё объяснит сам.

Профессор обратил внимание на то, что офицер щеголяет в красных гамашах. Пауль Майбах не знал, что тот служил в Апшеронском полку, которому выдавались гамашаи такого цвета в память о сражении при Кунерсдорфе (4), поскольку полк дрался, «стоя по колено в крови».

...Жгучий морозный воздух ударил в ноздри, а мелкие снежинки тут же облепили лицо профессора. До Королевского замка, ставшего резиденцией губернаторов Пруссии, - рукой подать, но для известного в Кёнигсберге учёного и врача была снаряжена карета. Майбах забрался в неё и с удовольствием отметил, что внутри довольно тепло – в ногах стоял горшок с углями.

Пока ехали к губернатору, профессор подумало том, как много перемен произошло в его родном Кёнигсберге за последние годы. Всему причиной - война, которую в 1756 году затеяли государства Европы - Пруссия и Англия - с одной стороны, Франция и Австрия, к которым в 1757 году присоединилась Россия, - с другой (5). В январе 1758 года русские войска, не встретив сопротивления, овладели Кёнигсбергом. К тому времени боевые действия переместились далеко на запад. Фридрих II успешно противостоял французским и австрийским армиям, которые решили всю тяжесть кровопролитных сражений возложить на Россию. В 1759 году Фридрих II был наголову разбит при Кунерсдорфе. Путь на Берлин был открыт, до него оставался небольшой бросок, и война была бы завершена... Но фельдмаршал Салтыков, командовавший русскими войсками, в очередной раз был возмущён бездеятельностью союзников, их непониманием ситуации и нежеланием действовать сообща. «Раз так, - в сердцах воскликнул он, - то дальше воюйте сами!». И увёл свою армию в Восточную Пруссию. Фридрих, потерявший было надежды на спасение и уже мысленно распрощавшийся с короной и жизнью, это спасительное для него решение назвал «Чудом Бранденбургского дома». И воспрял духом. Тем не менее, в 1760 году русским отрядом Берлин был взят, правда, ненадолго. Прусский король сдаваться не собирался. Он вновь отобилизовал войска, и война продолжилась...

А здесь, в Кёнигсберге, было относительно тихо и спокойно. Город стал частью Российской империи, «оккупанты» чувствовали себя, как дома, да и пруссаки не ощущали себя порабощённым народом. Работали рынки, лавки, магазины, порты, ещё более прилежно строились дома и дороги, не прекращались занятия в университете. Пожалуй, при русских жить стало даже привольнее, несмотря на то, что война всё-таки продолжалась. Наблюдая за своими беззаботными студентами, профессор понимал, что их более устраивала русская императрица, покровительствующая наукам и искусству, любящая театры, балы и веселье, чем прусский король, готовый поставить «под ружьё» всё население Европы.

Генерал-губернатор завоёванной части Пруссии, Василий Иванович Суворов и во времена Анны Иоанновны, и в царствование Елизаветы Петровны пользовался при Дворе особым вниманием и расположением. Был он и военным прокурором, вёл также и «гражданские дела», но, при этом, всегда стоял на страже интересов закона и казны.

С началом военных действий за границей Российской империи, Василий Иванович постоянно находился при русской армии. Императрица поручала Суворову проведение крупных денежных операций и относилась к нему с большим доверием. В июне 1760 года он был пожалован орденом св. Александра Невского, а в августе был назначен сенатором и должен был приехать в Санкт-Петербург, однако через месяц после высочайшего назначения вышел указ о его «невывозе из армии». Наконец, в декабре Суворов получил новое задание: «Отзывая нашего генерал-поручика Корфа из Пруссии, - говорила Елизавета Петровна в своём новом указе, - Всевысочайше восхотели мы определить вас на его место точно на таком же основании и с таким же жалованием, какое он получал. Почему и имеете вы немедленно в Кёнигсберг ехать и его сменить, а мы уверены пребываем, что вы и в сем новом poste с той же ревностью службу нашу продолжать станете, о которой мы всегда оказывали вам наше удовольствие и благоволение...»

- Ваше превосходительство, профессор Майбах доставлен по вашему приказу!

- Спасибо, Фёдор Кузьмич, - по-граждански поблагодарил обер-офицера Суворов, поднимаясь с кресла. - Извините меня, уважаемый профессор, - развёл руками генерал-губернатор, - что позволил себе пригласить вас в свои апартаменты в столь неурочный час...

Василий Иванович превосходно говорил по-немецки.

- Мы - врачи, - ответил, поклонившись Майбах. - И привыкли оказывать медицинское пособие в любое время. Дабы облегчить участь страждущего...

Так близко генерал-губернатора профессору ещё не приходилось видеть. Нестарый человек, лет пятидесяти пяти... Усталое овальное лицо с отпечатком боли и отчаяния, выразительные глаза, прямой нос, высокий, чуть выпуклый лоб, покрытый бисером пота... «Лихорадка?» - сделал первое предположение врач. Но, весь вид генерал-губернатора говорил о том, что его что-то гнетёт... Одет Суворов был в военный кафтан, поверх которого он накинул шинель для нижних чинов. В русской армии уже появилась эта новая форма одежды, взятая, как пример, из прусской армии. Однако в помещении было достаточно тепло, и шло оно, похоже, от подогреваемого пола. Впервые такая новинка в Королевском замке появилась ещё при герцоге Альбрехте (6).

- Прошу вас, - генерал-губернатор сделал приглашающий жест к столу. - Я распорядился приготовить для вас, профессор небольшое... *régalade* (7). Вам, привыкшим во многом отказывать себе, особенно во время войны, надеюсь, не помешает необременительный для желудка ужин?

- Простите, ваше превосходительство, - учтиво произнёс профессор Майбах. - Но я прежде всего ожидал увидеть здесь больного человека, которому необходимо моё искусство...

- Вы и видите его, профессор. Только услуга мне требуется не совсем медицинского характера. То есть, не столько медицинская, сколь... Впрочем, я вам всё сейчас объясню. А вы уж, не откажитесь отужинать со мной. Рекомендую начать с зайчатины...

- ...Поверьте мне, дорогой профессор, - произнёс Суворов после получаса спокойной трапезы, - что я не стал бы отрывать вас от ваших дел, если бы меня беспокоила... банальная мигрень. У нас тоже есть доктора, и они своё дело, я полагаю, знают.

- Но я уверен, что вас что-то серьёзно мучает, - осмелился возразить губернатору Майбах. - У вас - нездоровый цвет лица, хотя, отчасти тут играет роль неважное освещение... Обильная испарина... Ощущаете ли вы боли в области груди или живота? Насколько хорош ваш сон?..

- Вообще-то, я здоровый человек и все недуги до недавнего времени счастливо обходили меня стороной, - улыбнулся генерал-губернатор, видя, с каким удовольствием профессор Майбах отрезает себе кусок ветчины. - По делам службы мне доводилось часто ездить. Я побывал во многих областях России, даже в Сибири. И всюду чувствовал себя вполне сносно. Но здесь, на меня словно навалилось... нечто невообразимое... Боли здесь, - он указал на брови, - и здесь, - он потёр ладонью скулы. - Боли в груди и плечах, в низу живота и в спине, которые появляются ночью и проходят к утру... Но это не столь важно, - тут он нахмурился и замолк.

Профессор прекратил жевать, всем своим видом показывая, что он внимательно слушает собеседника.

- У меня стали появляться видения, - тихо промолвил Суворов, - словно нехотя выдавливая из себя каждое слово. - Причём, я вижу их настолько явственно, что начал думать, уж не схожу ли с ума? Поэтому, будучи наслышан о вас, дорогой профессор, как о человеке, сведущем не только в обычных хворях, но и тех, которые можно отнести к... непонятым, необычным и вызванным душевными расстройствами, я решил попросить помочь мне преодолеть эту болезнь.

Говоря это, генерал выглядел совсем растерянно и даже испуганно.

Несколько минут Майбах молчал, сосредоточенно разглядывая висящие на стенах картины итальянских мастеров, стоящие на столике рядом статуэтки Пресвятой Девы Марии и апостолов, на доспехи и оружие, развешенное на фламандских гобеленах...

- Боли, - наконец, ответил Майбах, - можно унять... а вот видения... И когда это у вас началось?

- Совсем недавно, - ответил Василий Иванович. - Не более недели назад. Сначала наступают боли, они постепенно перемещаются по всему моему телу сверху вниз... Аследом... Приходят тревожные, словно чужие, мысли... Это сложно объяснить, и ещё труднее пережить... Иногда мне кажется, что я должен лечь и уснуть... Надолго... На годы. А может, и до конца своих дней... Затем, я начинаю замечать, как оживают вот эти статуэтки, - он кивнул на фигурки Девы Марии и апостолов, - и раскачиваются деревья на картинах и гобеленах... Они словно шепчут, что всё закончится лишь тогда, когда я покину свой пост. Я стал бояться приближения ночи, своих покоев и этих мыслей...

Профессор слушал и молча покачивал головой.

- Захар! - позвал Суворов денщика. - Поддай-ка нам чаю, голубчик!

- Сию минуту, ваше превосходительство. Самовар уже готов!

- И это происходит каждый божий день, вернее – ночь, – дрогнувшим голосом закончил генерал-губернатор. - Я вижу, вы задумались. Уж не считаете ли вы, что я действительно схожу с ума? Или это такой недуг, о котором мы просто не знаем? Можно ли его вылечить?

- Прошу вас успокоиться, ваше высокопревосходительство, - промолвил пожилой доктор, исследовав пульс губернатора. - Я уверен, что вы находитесь в полном рассудке и... в

добром здравии. Но есть одна серьёзная проблема, имя которой – страх... Но страх непростой, поскольку он навеян извне.

Услышав такое обидное для офицера слово, генерал грозно вскинул брови.

- Возможно, то, что я сейчас вам говорю, весьма неприятно, господин губернатор, - спокойно продолжал Майбах, - но никто вам этого не скажет, кроме меня. Страх – самое сильное человеческое чувство и он, действительно, может довести человека до безумства. Насколько прочно за столь короткое время он укоренился в вас, говорят и ваши боли. Например, плечи символизируют у человека силу, а также ответственность, поэтому здесь селится страх показаться слабым... В груди гнездится страх потери близких, а в животе появляется страх в ситуациях угрозы для жизни, недаром они слова одного корня... Но ваши страхи – всего лишь следствие. Всё, что вы мне описали, очень похоже на... колдовство или сглаз. У нас, в Кёнигсберге за мастерами насылают такие, как вы изволили выразиться, «хворобы», с фонарями и собаками бегать не надо. У нас тут родились целые поколения магов и чернокнижников, за которыми нужно приглядывать очень строго... Если вы не будете возражать, я бы хотел осмотреть ваше... платье... Ту одежду, в которой вы обычно появляетесь на приёмах...

- Захар! - вновь обратился Суворов к денщику, который водрузил на стол пузатый блестящий самовар. - Принеси мой парадный мундир.

И, обращаясь к Майбаху, с грустной улыбкой изрёк:

- Я давно понял, уважаемый профессор, что получаю, пожалуй, больше полезных уроков от тех людей, которые со мной не согласны и готовы спорить, пробуждая тем мою собственную мысль, чем от единомышленников или подхалимов...

Что-то изменилось в глазах генерал-губернатора. Теперь он уже не выглядел таким потеряннным, каким казался в начале разговора. Стараясь развить свой «врачебный успех», профессор продолжил:

- Вы - слишком заметная и значимая фигура в Пруссии, ваше высокопревосходительство. А у таких людей достаточно много недругов. Да взять бы к примеру... короля Фридриха... Сейчас он пойдёт на любые ухищрения, чтобы избежать поражения в войне...

- Вы думаете, что он собирается привлечь на свою сторону чернокнижников?

- Я убеждён в этом, ваше высокопревосходительство. К тому же сам Фридрих является масоном. А эта организация не гнушается ничем... Впрочем, сейчас мы в этом убедимся.

Захар принёс чистый, выглаженный мундир генерал-губернатора. На нём, кроме иных наград, красовался орден св. Александра Невского.

- Вы позволите мне осмотреть его? - ещё раз спросил Майбах.

- Конечно, дорогой профессор. Но что вы собираетесь найти?

Кафтан генерал-губернатора не отличался особой роскошью. Да, дорогое сукно и хороший покрой. По краям и по борту он обшит золотым галуном, пуговицы были тоже золочёные. Они весело поблёскивали в свете свечей.

- Обычно, в кафтан, в самое укромное место втыкают булавку, - пробормотал профессор, тщательно ощупывая дорогое сукно.

- Посмотрите в обшлагах рукавов, - посоветовал Суворов, внимательно наблюдая за действиями Майбаха.



С нескрываемым интересом, раскрыв рот, за каждым его движением следил и денщик генерал-губернатора.

- Захар, разливай чай...

- Вот! - наконец, воскликнул профессор, демонстрируя Суворову и его денщику длинную блестящую шпильку с шестиконечной звёздочкой на конце.

- Ах, *quelle mauvaise surprise* (8)! – встrepенулcя губернатор.

- Дьявольская, прости господи, штукавина, - перекрестился Захар, с испугом глядя на безобидный с виду предмет.

- Вы считаете, что это и есть причина моих... страданий? - усмехнулся Василий Иванович.

- Убеждён, ваше высокопревосходительство. Видите, на конце шпильки имеется шестиконечная звезда? Это - масонский символ. В вашем окружении имеются масоны? Я слышал, что в русской армии тоже есть члены этой ложи...

Суворов был вынужден признать, что он лично знает нескольких офицеров гвардии, которые являются масонами. Но вслух он ничего не сказал. Однако было крайне неприятно сознавать, что в числе окружающих тебя людей, среди высоких чиновников или блестящих офицеров таится жестокий и беспощадный враг.

- Ну вот, ваше высокопревосходительство, я свой долг выполнил, - торжественно произнёс и поклонился профессор Майбах. - Надеюсь, что вы скоро забудете о терзавших вас кошмарах.

- Сам бог послал мне вас, дорогой профессор, - воскликнул Василий Иванович и обнял врача. - Захар, наливочки нам! Вишнёвой! И непременно - ветчины!

- Не стоит благодарности, - улыбнулся профессор. - Вы бы, ваше высокопревосходительство, посетили наш университет! Нашу Альбертину... Я там покажу вам кое-что интересное...

## Глава 2. «Улыбка Люцифера»

«Пресветлейшая, всеильная Государыня, Самодержица всея Руси, всемилостивейшая Государыня и великая жена! Вследствие смерти покойного доктора и профессора Кипке, должность *Professioordinario* логики и метафизики, которую он занимал в здешнем Кёнигсбергском университете, стала вакантной. Эти науки всегда составляли главнейший предмет моих занятий. В продолжение тех лет, что я находился в здешнем университете, я каждый семестр читал обе эти науки на частных уроках. Я имел в этих науках две публичные *dissertationes* и, кроме того, стремился ознакомить своих коллег с результатами моих работ в четырёх статьях, помещенных в кёнигсбергском учёном сочинении (*Intelligenzwerk*), в трёх программах и трёх других философских *tractata*. Надежда, с которой я льщу себя посвятить службе Академии наук, а главным образом всемилостивейшее желание Вашего Императорского Величества оказывать наукам высокое покровительство и поддержку, побуждают меня всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество пожаловать мне освободившуюся *professione mordinariam*, и надеюсь, что *senatus academicus*, ввиду обладания мною необходимыми

способностями, сопроводит мое всеподданнейшее прошение благоприятными свидетельствами. Я уверяю в моей глубочайшей devotion (преданности) Вашему Императорскому Величеству, всеподданнейший раб, Иммануил Кант. Кенигсберг, 14 декабря 1758 г.»

- Два года назад известный всей Европе Иммануил Кант попросил нашу государыню о предоставлении ему вакантного места профессора логики и метафизики в Альбертине, - произнёс профессор Майбах.

Губернатор Суворов по приглашению врача и учёного нанёс визит в кёнигсбергский университет для того, чтобы лично познакомиться с профессурой и обстановкой, царящей внутри знаменитого учебного учреждения, а также с хозяйственными и финансовыми проблемами последнего. Однако, в связи с неофициальностью пребывания генерал-губернатора в Альбертине, никакого эскорта вблизи него не было, и излишнего ажиотажа вокруг высочайшей персоны не возникло. Профессор Майбах сопровождал Суворова, показывая ему всё, вплоть до помещений студенческой ночлежки. Сейчас они следовали из кабинета ректора, в котором оставили озадаченного Эрнста Бирона составлять прошение на финансирование университета в текущем году.

- ...Хотя, - продолжал учёный доктор, – за три года до этого он клялся в признательности и любви к «всемогущему королю и повелителю» Фридриху II.

- Что ж, - усмехнулся Суворов, – это так свойственно философам – созерцать мир, анализировать факты и вникать в суть вещей, а затем... всё пересматривать, подвергать свою точку зрения сомнению и вовремя переходить на другие позиции.

- Пожалуй, - согласился с ним Майбах, - в этом и заключается настоящая мудрость.

- И что же, получил Кант эту должность?

- Увы. Его прошение попало к губернатору Корфу, вашему предшественнику... А в его канцелярии, насколько мне известно, было много хватких и знающих людей – секретарей, писарей, копиистов... только хорошего переводчика не было... А сам губернатор, по-русски, извините... изъяснялся с трудом. Понимать – понимал, но не писал... Вы, ваше высокопревосходительство, не удивляйтесь, что мы осведомлены о таких... деликатных деталях, но правду не скроешь... Переводил ему некий поручик Болотов, весьма любознательный юноша, симпатизирующий философским воззрениям, царящими в нашем университете...

Генерал-поручик Корф... Суворов вспомнил, с какой радостью встречали его, нового губернатора, офицеры, и как сдержанно отзывались они о его предшественнике. Вспоминали и шумные, пышные торжества, которые так любил организовывать Корф, его известную на весь город любовную связь с графиней фон Кейзерлинг, в честь которой российский генерал-губернатор Пруссии не пропускал случаев задать бал или устроить маскарад. Николай Корф был из прибалтийских немцев. Он не отличался благожелательностью к русским, имел крутой нрав, часто и непомерно бранил подчинённых, невзирая на их чины и заслуги. В ответ он не снискал себе ни любви, ни уважения, а одну лишь неприязнь.

- Андрей Болотов... Я знаю сего достойного молодого человека, - кивнул Василий Иванович. – Что же, он разделяет взгляды Канта?

- Напротив, сей офицер посещает лекции кантовского оппонента, Вейманна. А кроме университетских лекций почти ежедневно берёт у него частные уроки. Я не знаю, приложил ли поручик свою руку к прошению Канта..., но оно так и осталось без ответа.

- Кто же занимает эту должность сейчас?

- Профессор Фридрих Иоганн Бук, ваше высокопревосходительство.

- Так вы что, господин профессор, подозреваете нашего офицера в том, что он мог... отложить в «долгий ящик» прошение Иммануила Канта к нашей императрице о предоставлении ему должности профессора?

- Ни в коем случае, ваше высокопревосходительство, - поспешил с ответом Майбах. – Поручик Болотов вызывает самые добрые чувства. Ведь это именно он привёл в наш университет группу своих сослуживцев в качестве вольнослушателей! К тому же, я уверен, что он весьма далёк от наших университетских дрызг... Кстати, - указав взглядом в направлении вышедшего из аудитории худощавого человека невысокого роста, профессор Майбах, - это и есть Иммануил Кант. Ни на секунду не отступает от заведенного им много лет назад строгого распорядка. Студенты по нему сверяют свои часы. Говорят, что он подчинил себе время! – добавил учёный шёпотом.

- Надо будет непременно с ним познакомиться, - проговорил Суворов, провожая взглядом известного философа. – Кто знает, возможно, в конце жизни я с гордостью скажу своим внукам, что беседовал с самим Кантом...

- Обязательно, ваше высокопревосходительство. А ещё я бы вам порекомендовал ближе познакомиться с медицинским персоналом нашего университета. Например, с Анджеем Орловским. В этом году он, надеюсь, станет доктором медицины.

- О-о, - рассмеялся Суворов, - перед медиками Альбертины я теперь в неоплатном долгу!

- А сейчас, ваше высокопревосходительство, я покажу вам нашу гордость – университетскую библиотеку! Точнее, не саму библиотеку, для её осмотра нам понадобился бы целый день, а небольшой архив. По хранящимся в нём ценностям вы сможете судить о великолепии и самой библиотеки! Но для этого нам потребуется спуститься в подвальное помещение... Прошу вас...

Кёнигсбергский университет располагался на острове Кнайпхоф, на северо-восточной его окраине. «Пора расширять академию, - подумал Пауль Майбах, - старое здание Альбертины уже не вмещает такого количества студентов, которое, кстати, давно перевалило за тысячу»...

Крутая лестница вела вниз. Не без труда преодолев высокие ступени, профессор Майбах и губернатор Восточной Пруссии оказались перед окованной железом дверью. Толкнув её, учёный вошёл в просторное помещение, доверху заставленное стеллажами с книгами. В центре находился широкий стол, за которым сидел пожилой служащий архива кёнигсбергской библиотеки. Возле его правой руки находились пенал с перьями и чернильница. В лежащую перед седеньким архивариусом толстую книгу тот старательно вносил какие-то записи.

- Приветствую тебя, дружище Герхард! – весело поздоровался со служащим профессор Майбах. – Как твои почки, больше не беспокоят тебя?

- Иногда пошаливают, господин профессор, - оторвавшись от работы и почтительно встав со своего места, промолвил архивариус. – Особенно при смене погоды... Но, как говорится, жизнь жалует тех, кто на нее не жалуется.

- А надо меньше пить альтштадское пиво, дружище! Подай-ка мне, Герхард, ту самую книгу, которую я просил тебя запрятать подальше и никому не показывать!

- Вы о том старинном фолианте, господин профессор? Сейчас принесу... А насчёт пива, то я хорошо помню ваше предостережение... Да разве ж откажешься? Иной раз, и не захочешь, а вольёшь в себя кружку-другую... - Старик вышел из-за стола и, слегка прихрамывая, направился в дальний угол комнаты.

- М-да, впечатляет, - произнёс Суворов, оглядев книжные полки, аккуратно заставленные различной толщины фолиантами.

- Вы знаете, что меня удивило, ваше высокопревосходительство? – спросил Майбах, искоса поглядывая на генерал-губернатора. – Когда русские войска вошли в Кёнигсберг.

- Что же? Численность? Бравый вид гренадёров и драгун?

- И это тоже... Впрочем, - улыбнулся профессор, - подобное любопытство захватило не только меня – тысячи горожан лезли на крыши и едва держались на карнизах и кровлях... Граф Фермор (9) тогда вошёл через Королевские ворота и следовал по Кёнигштрассе... Стройные ряды солдат и офицеров, все подтянутые, уверенные в себе... Хотя, мы поначалу опасались... казаков и этих... - Майбах задумался, - ...калмыков... Иначе говоря, варварских орд из России, которые несут смерть европейской цивилизации и науке... А некоторые горожане со страхом наблюдали, как русские квартирмейстеры рыскают по районам Росгартена, Юдиттена, Закхайма в поисках жилья для офицеров...

- Так что же вас удивило, дорогой профессор? – усмехнулся Суворов.

- То, что русские офицеры бросились покупать книги! Конечно, кое-кто не миновал наших кёнигсбергских увеселительных заведений, но нас потрясла тяга к знаниям других, к самосовершенствованию... Тот же поручик Болотов, например, накупил целую сумку философских книг у моего знакомого торговца Кухе... А потом привёл своих товарищей к нам в университет! А в России есть университеты, ваше высокопревосходительство?

- Да, дорогой профессор. В Санкт-Петербурге действует Академический университет, в Москве – Императорский (10)...

- Вот видите... Я уверен, что приди к нам любая другая армия, например, французская или австрийская, господа офицеры не побежали бы покупать книги, а начали грабить лавки и насиловать женщин. Значит, Кёнигсберг открыл свои ворота не ордам варваров, как сейчас многие считают в Европе, но цивилизованной империи с сильнейшей в мире армией! Поэтому мы не испытываем ненависти к русским, радушно принимаем их в своих домах и по доброй воле приняли присягу на верность русской императрице.

- Вы правы, профессор, но, боюсь, что спустя какое-то время, наши враги станут вновь распускать слухи и о варварах, и о калмыках, и о загубленной культуре Пруссии ...

- Вот, - наконец, появился архивариус с толстой книгой в кожаном переплёте. Он положил фолиант на стол, достал кисточку из конских волос и тщательно смахнул с обложки многолетнюю пыль.

- Вот то, что я собирался вам показать, ваше высокопревосходительство, - шёпотом произнёс профессор Майбах. – На эту книгу я наткнулся совершенно случайно, но, просмотрев её, понял, что этот фолиант нужно держать под семью замками!

- Отчего же?

- Взгляните на название.

- «Улыбка Люцифера», - прочитал Суворов. – Что это?

- Это книга о масонской магии. Её написали известные алхимики и астрологи. Все они – масоны. Вы видите, среди авторов имена Рене Декарта, Тихо Браге, Исаака Ньютона, Баруха Спинозы, Элиаса Эшмола, Джона Ди...

- И что?

- Возьмите её, ваше высокопревосходительство. Изучите. Здесь описаны тайные ритуалы масонов, способы проникновения в масонские ложи и пути продвижения по ступеням к высшему пьедесталу. Раз вами заинтересовались масоны, у вас самих в руках должны быть ключи к этой организации! Своего врага следует хорошо узнать.

- Господин профессор, – подал голос педантичный архивариус Герхард. – Если вы намерены забрать эту книгу с собой, извольте отметить в моём гроссбухе!

Вечером того же дня, поужинав и отдохнув в своей резиденции, Василий Иванович принялся писать отчёт императрице Елизавете Петровне. Так уж было у него заведено. В отчёте, среди прочих сведений, касающихся преимущественно хозяйственной деятельности, губернатор уделил большое внимание кёнигсбергскому университету. Он написал о том, как устроена Альбертина, что за науки в ней преподаются, какие учёные и по каким направлениям ведут в ней свои исследования. Парой слов обмолвился он о делах студентов, прибывших на обучение из России. Не забыл Василий Иванович упомянуть о прошении, которое подавал на Её Августейшее имя известный философ Иммануил Кант, и о том, что оно так и не дошло до адресата.

Потом задумался. Можно было бы найти место Канту и в одном из российских университетов. Раз хочет быть профессором, то пусть им станет... По его мнению, это бы подняло престиж российской науки...

- Захар, - позвал Суворов денщика. – Сделай-ка чаю, голубчик. Но сначала помоги мне снять кафтан... Да осмотри его, не ровен час, опять что-нибудь подсунули, черти...

Рядом на столе лежала та самая книга, которую рекомендовал ему профессор Майбах. Губернатору не терпелось полистать её. Но сначала нужно отписаться императрице.

А тут распахнулись двери.

- Ваше высокопревосходительство, - доложил адъютант генерал-губернатора поручик Иван Хитрово. – К вам – гонец из Санкт-Петербурга!

- От императрицы? – оживился генерал.

- Никак нет, ваше высокопревосходительство. От его сиятельства графа Шувалова.

- Зови.

Через минуту он уже вскрывал пакет, который гонцу строжайше было велено передать адресату лично в руки.

«Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Василий Иванович, - писал глава Тайной Канцелярии Российской империи. – Очень надеюсь, что пребываете вы в Кёнигсберге в добром здравии и с честью выполняете все поручения нашей матушки, Пресветлейшей императрицы Елизаветы Петровны...»

«Ах, Александр Иванович, - подумал Суворов. – Всё-то вы о государственных делах печётесь...».

Граф Шувалов – действительный камергер, начальник канцелярии тайных розыскных дел, лейб-компания поручик, генерал-аншеф, сенатор, член конференции... Придя на смену Ушакову (11), он действовал теми же методами, что и его предшественник, наводя «ужас и страх на всю Россию» (12). Кому ещё, как не ему, начальнику Тайной Канцелярии, заботиться о безопасности Империи и лично государыни?

«Александр Шувалов не сам по себе, а по должности, которую занимал, был грозой всего Двора, города и всей Империи; он был начальником инквизиционного суда, который звали тогда Тайной Канцелярией. Его деятельность вызвала у него, как говорили, род судорожного движения, которое делалось на всей правой стороне лица, от глаза до подбородка, всякий раз, как он был взволнован радостью, гневом, страхом или боязнью», - писала о нём великая княгиня Екатерина.

Положение графа Шувалова при Дворе было крепким. Оно ещё более усилилось в 1749 году, когда фаворитом императрицы стал двоюродный брат Александра Ивановича – Иван Иванович Шувалов. К тому же, к нему благоволил и сам наследник Пётр Фёдорович.

Граф сообщал, что учинил дознание и сыск по делу о тайных масонских ложах. «Сии ложи учредились и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Они вовлекают в себя умных и образованных людей, дабы те нашли в масонстве своих тайных покровителей и руководителей, кои впоследствии будут диктовать свою волю этим людям, заимевшим к тому времени высокие посты в армии и при Дворе...»

Да, самым скверным было то, что среди этих «умных и образованных людей» состояло немало офицеров! Но то, о чём дальше сообщал ему Шувалов, было ещё более неожиданным и страшным!

«Король Фридрих, претерпевший несколько крупных конфузий от нашей армии и пребывающий оттого не столь в унынии, сколь во гневе и ярости, задумал вывести Россию из войны, замыслив злодейство против нашей Пресветлейшей императрицы. Он решил, что, буде, Елизавета Петровна умрёт, то на престол взойдёт Пётр III, с коим ему, Фридриху, станет сговориться куда сподручнее...»

Далее Шувалов писал, что масоны, к коим принадлежал и король Пруссии Фридрих II, задумали убить императрицу. С этой целью в масонскую ложу города Кёнигсберга «Три короны» прибыл тайный посланец, масон, маг и колдун, способный умертвить человека без помощи ножа или яда.

«Найдите достойного и надёжного человека, - закончил своё послание граф, - и тайно внедрите его в ложу сию. Пусть он обнаружит злодея, а тот, коли поедет в Санкт-Петербург, уж будет находиться под нашим неусыпным оком».

Суворов снял парик и только сейчас ощутил, как сильно вспотел. Книга под названием «Улыбка Люцифера» лежала перед ним, чужая, холодная и мрачная. Больших усилий стоило Суворову не сбросить её на пол.

«Так вот, значит, что... - подумал генерал-губернатор. – Стало быть, опасность угрожает нашей императрице. И исходит она отсюда, из Кёнигсберга... Из какой-то масонской ложи... Уничтожить сие осиное гнездо!..» Но, поразмыслив, решил, что разгром масонской ложи в центре Европы, где этих лож – как пескарей в Москве-реке, грозит нешуточным скандалом. А пока ещё идёт война... Тут можно не только лишиться союзников, но и настроить их против себя... Нет, тут следует действовать деликатнее... Прав граф Шувалов, надо разыскать злодея, запомнить его имя и лицо, а уж там, вблизи императрицы, всегда найдётся способ обезопасить её от козней Фридриха. А хорошо бы свернуть шею этому тайному посланцу ещё на пути в Санкт-Петербург...

- Неси чаю, Захар!

Но кого же откомандировать в эту чёртову ложу? Вокруг – достаточно преданных офицеров, прошедших огонь и воду, но не каждого пошлешь... Тут мало одной храбрости и отваги, тут нужен тонкий ум и сметливость... Болотов? Нет, тот слишком уж философ. А здесь нужен не только храбрый и решительный человек, даже не тот, кто может трезво рассчитывать ситуацию и мгновенно принимать правильные, обдуманые решения... Тут нужен человек, обладающий интуицией, который может предвидеть развитие событий... Кто же он? Где и как его найти?

### **Глава 3. У Елизаветы Петровны**

Поздней осенью 1760 года, когда в порт прибыл очередной корабль из Франции, первой, кого оповестили об этом событии, как всегда, оказалась императрица. Она тут же послала на борт судна своих приближённых, чтобы придворные модницы (в первую очередь, госпожа Нарышкина, а во-вторую – госпожа Румянцева) не успели перехватить великолепные парижские ткани или косметику. К её удивлению, посыльные привели с собой немолодого, но весьма привлекательного француза, который, галантно поклонившись, доложил, что привёз большое количество мануфактуры для столичных красавиц. Имея рекомендации от известных поставщиков подобной продукции ко Двору Её Величества, он осмелился предстать перед Нею лично и предложить свои скромные услуги. С французским ювелиром и галантерейщиком следовал целый воз багажа. В сложенных тюках, помимо всего прочего, имелись лёгкие, пушистые парики, отличные тени для глаз и краски для волос, причём, много светлых с различными оттенками. Но, самое главное – француз привёз с собой ювелирные украшения.

Императрица разрешила поселиться месье Боку у неё во флигеле в Царском Селе, но при условии – никакой торговли временно не открывать.

- Сначала я сама присмотрю себе что-нибудь по вкусу, - добавила она, кокетливо улыбаясь. – А затем пусть выбирают другие...

- В свете вашей *beauté et charme* (13), - ответил француз по-русски, но с заметным акцентом, - любая из моих безделушек меркнет. Но, я надеюсь, что они воссияют в лучах красоты Вашего Величества! - И поклонился.

Елизавета Петровна милостиво улыбнулась. Она сама знала, что недурно выглядит.

- Я поставлю в известность о вашем прибытии посла Франции в России барона де Бретея.

Наряды императрица любила. Одних платьев у неё было более десяти тысяч, и каждое новое сидело на ней как нельзя лучше. На ювелирные украшения и красивые ткани дочь Петра смотрела с нескрываемым восхищением. А к драгоценностям Елизавета относилась трепетно.

Однако, не только гардероб, косметика и золотые безделушки интересовали императрицу. Её слово в европейской политике имело существенный вес и многие события, происходящие в России, так или иначе отзывались потом в Европе. Будучи настойчивой и бесстрашной женщиной, она привыкла добиваться успеха, преодолевая любые препятствия.

Военная кампания 1760 года не принесла сколько-нибудь существенных результатов. Берлин побывал в руках русских (правда, недолго), «Старый Фриц», как во всей Европе называли Фридриха II, был занят поисками денег на комплектование своей армии, численность которой за последние два года значительно сократилась. Русские войска перешли на «зимние квартиры». Казалось, ещё немного – и европейская бойня, названная впоследствии Семилетней войной, закончится. К слову – она уже надоела всем «до чёртиков».

При Дворе Её Величества тоже не всё было гладко. Россия, как и другие державы, изрядно поиздержалась за военную кампанию. Экс-канцлер Бестужев, после инцидента в августе 1757 года, провёл под арестом 14 месяцев и в апреле 1759 года был сослан в своё имение Горетово. А дело заключалось в следующем. 8 августа 1757 года Елизавете стало дурно в церкви в Царском Селе. Был праздник Рождества Богородицы. Внезапно императрица начала задыхаться. Выйдя из храма, чтобы подышать свежим воздухом, она сделала несколько шагов и рухнула на землю, потеряв сознание. Прибывший врач пустил ей кровь, но в сознание так и не привёл. Некоторое время никто не знал, что с императрицей. Ходили слухи, что она пришла в сознание, но помутилась рассудком. В те времена к внезапной смене власти нужно было быть готовым. Вот и Бестужев начал действовать заблаговременно. Он послал гонца к командующему русской армией фельдмаршалу Апраксину с требованием вернуться в Санкт-Петербург. К тому же он тайно встретился с великой княгиней Екатериной и обсудил с ней сложившуюся ситуацию... Но Елизавета выздоровела, весть о том, что армия, вместо того, чтобы идти к Кёнигсбергу, повернула обратно, была встречена ею с негодованием. Над Бестужевым сгустились тучи. Всё, казалось бы, было ясно: императрица находилась при смерти, готовилась смена престола, канцлер позаботился о том, чтобы армия была рядом, а великая княгиня уже получила его инструкции... Всё это в целом вполне тянуло на



смертную казнь. Но, порочащие его бумаги Бестужев успел уничтожить и версия о государственной измене не подтвердилась. Поэтому экс-канцлер так легко и отделался.

Итак, талантливого и опытного государственного деятеля А.П. Бестужева-Рюмина, сейчас при Дворе не было. Теперь финансовыми делами занимался граф Воронцов. Но политическая стабильность в России, наступившая с приходом Елизаветы Петровны на престол, благотворно влияла на экономическое развитие страны и облегчала ситуацию.

Другой, не менее важный вопрос – о престолонаследии. Дочь Петра боялась смерти и старалась не думать о ней. Но она являлась государственным деятелем и должна была позаботиться о том, кому достанется престол после её кончины. Своего племянника Петра Фёдоровича императрица в качестве преемника не рассматривала. Напрасно она надеялась, что с годами он «поживёт, да выправится». Он так и остался взбалмошным, глупым мальчишкой, любителем злых, вздорных шуток, деревянных солдатиков и имеющим Фридриха в кумирах. Великий князь так и не научился чисто говорить по-русски, не раз высказывал своё неудовольствие: «Зачем вы привезли меня в эту грязную Россию?» и открыто грозил расправиться со своей супругой Екатериной Алексеевной, как только взойдёт на престол. Её место была готова занять фаворитка Петра – Елизавета Воронцова.

Императрица долго присматривалась к великой княгине. Да, умна, начитана, своенравна, хоть и голштинка (14), но русский язык выучила быстро, приняла православную веру. Девочка – себе на уме, целеустремлённая и расчётливая. Интересно, каким бестужевским «инструкциям» она следует?.. Хотя, наследника Екатерина, всё-таки, Петру подарила. Павла. И пусть, при дворе судачат, что Пётр Фёдорович – не его настоящий отец... Ребёнка императрица сразу забрала к себе, разрешив матери видеться с ним лишь изредка и по её, государыни, разрешению.

С рождением сына отношения между молодыми супругами окончательно разладились. Каждый из них жил своей жизнью и ненавидел свою «вторую половину».

Царское Село стало любимым местом проживания императрицы. Строительство Нового Зимнего дворца ещё не закончилось, старый же был деревянным, а Елизавета опасалась пожара. Поэтому дочь Петра частенько выезжала в Царское Село, привозя с собой шумную толпу придворных дам и кавалеров. Они расселялись по комнатам, в каждой из которых помещалось до пяти дам, не считая горничных. Жизнь в этом «общежитии» была ключом: сплетни, склоки, ссоры случались ежедневно. Карточная игра и... больше ничего. Даже уезжать в город и принимать гостей придворным не разрешалось. Сама Елизавета Петровна жила, уединившись в своих покоях, неделями не появляясь на публике. Здесь, на первом этаже она сидела, задумчиво глядя на сад, в котором запрещено было находиться всякому, иногда развлекая придворных обедами или ужинами. Последние, кстати, могли проходить глубокой ночью. Разбуженные придворные, зевая, садились за стол, но, помня о некоторых запретных для бесед темах, не знали, чем занять императрицу, поэтому зачастую молчали и этим невольно обижали её.

Елизавета Петровна любила театр. Она с удовольствием смотрела пьесы, особенно, трагедии Сумарокова с русскими актёрами. Иногда не только игра актёров, но и внешний

вид их вызывал у неё определённый интерес. Так повезло оказаться в фаворитах у императрицы Никите Бекетову. Впрочем, распушенности в отношениях с мужчинами дочь Петра себе не позволяла.

В царствование Елизаветы Петровны у каждого на слуху была фамилия «Шувалов». Братья Шуваловы сыграли заметную роль в истории Российской империи.

Александр и Пётр Шуваловы были родными братьями. Иван Иванович приходился им кузеном.

Про Александра мы уже вкратце рассказали. Он являлся главой Тайной Канцелярии. Ещё старик Ушаков присмотрел его в качестве своего преемника. Он сводил Александра Ивановича в свой небольшой домик, размещавшийся в Петропавловской крепости, где и ознакомил с основными методами дознания. Преемник молча постоял под дыбой, посмотрел на раскалённую печь, на инструменты заплечных дел мастеров: щипцы, клещи, плети, на залитый кровью топчан и... принял дела. Грозная слава Тайной Канцелярии продолжала распространяться по России, но никто не знал, что в этой страшной «Службе» было занято всего одиннадцать человек.

Кроме работы в Тайной Канцелярии, по совету канцлера Бестужева, на Александра Шувалова «свалилась» другая, на сей раз, деликатная обязанность. Он должен был присматривать за «молодым двором» - великими князем и княгиней. С той поры Екатерина начала испытывать к Шувалову только страх и отвращение, а Пётр Фёдорович - искреннюю симпатию. Возможно, именно это и сыграло роковую роль в последующих, описываемых нами, событиях.

Пётр Шувалов, за годы пребывания у власти, а он достиг званий: генерал-фельдмаршал, конференц-министр, камергер, сенатор, отметился кипучей реформаторской деятельностью. Некоторые его реформы, несомненно, можно поставить в заслугу Петру Ивановичу, другие же - нанесли, скорее, вред и ввели казну в убытки. Но, уничтожение внутренних таможенных пошлин, учреждение первых российских банков, реорганизация российской артиллерии по проекту Военной академии - всё это связано с его именем.

Иван Иванович Шувалов ничем выдающимся не отличался. Он не был ни государственным деятелем, ни полководцем, ни коммерсантом. Но его «заслуги» в определённой мере пришлось по душе императрице. Он был её фаворитом с 1749 года вплоть до последнего дня её жизни.

Елизавета Петровна оставалась дочерью русского царя и православной женщиной. Она отмечала церковные праздники, от души веселилась в святочные дни, широко гуляла на Масленицу. Как русский человек она была милосердна. Предпочтения государыни сказывались и на повседневной еде. Гречневая каша, щи с говядиной всегда украшали её стол. Но, кроме этого, она одевалась по европейской моде, любила французские платья и украшения. Поэтому прибытие мэтра Боку она встретила благосклонно и даже с радостью. Тот, заняв одинокий флигель в Царскомельском дворце, распаковал свой багаж и вскоре дал знать приближённым Елизаветы Петровны, что он готов показать имеющийся у него *large assortment* (15).

Примерно около часу дня 3 ноября 1760 года императрица наведлась в его, как она назвала, «новую модную лавку». Её сопровождал великий канцлер Воронцов, Иван Шувалов и две фрейлины. Француз, издали заметив важную процессию, галантно раскланялся и отворил им двери, приглашая войти.

- Рад видеть ваше величество в добром здравии! Надеюсь, мои товары заинтересуют ту, пред именем которой любой европеец сразу снимет шляпу. - Видимо, мэтр Боку знал, что Елизавета не выносит разговоров о Фридрихе, а ему хотелось сказать в его адрес нечто язвительное. - Что желаете, Ваше Величество? Могу предложить самые лучшие *produits* (16) из Европы!

- Сначала покажите мне ваши ткани, мэтр Боку, - произнесла дочь Петра, оглядывая аккуратно разложенные товары. - Я вижу, у вас и французский, и английский текстиль... Хочу взглянуть на расцветку.

- Вот, пожалуйста, - француз проворно раскинул первый рулон. - Есть ткани для костюма повседневного, парадного, а также, карнавного. Вот, перед вами лионский шёлк. Самые известные образцы из этого материала находятся на панелях в летней комнате Марии Антуанетты и в спальне Марии-Луизы в Версале. А это, - он прикоснулся к другому рулону, - английский ситец, здесь - другие хлопковые ткани... В прошлом году во Франции на них разрешили набивать рисунок. Наши художники постарались, и парижские модницы - в восторге! - А это - шинц! Взгляните, какой рисунок! Прошу вас, выбирайте!

- Вам пойдёт, ваше величество, - шепнул на ухо императрице Шувалов. - Как раз под цвет ваших великолепных глаз...

Елизавета с удовольствием осмотрела предложенные ткани, полюбовалась их расцветкой, пощупала предложенный товар, проверяя на «приятность для тела и рук». Она пока ничего не выбрала, но уже задумалась. К слову, государыня никогда не торопилась с принятием решения, касалось ли это покупок модных товаров или государственных задач.

Потом её вниманием были удостоены расставленные на полке пузырьки из тёмного стекла.

- Это, - старался изо всех сил мэтр Боку, - самый популярный парфюмерный товар! Я имею в виду *Eau de Cologne* (17), «Кёльнскую воду», изобретённую Жаном-Мари Фарина. А в этих фарфоровых баночках, изготовленных известной Севрской мануфактурой, - французская косметика.

Граф Воронцов, наморщив лоб, смотрел на кружевные перчатки, склянки с духами и ароматической водой, пудрой и помадой для волос парика. Охи и ахи придворных фрейлин его только раздражали. Он уже прикидывал, насколько уменьшится государственный бюджет за сегодняшний поход.

- А что поделать, - как бы отвечала на его сомнения императрица. - Без косметики сейчас никуда. Не правда ли, граф?

- Да-да, - кивнул головой Шувалов. - Особенно для красавицы-императрицы...

- А здесь - достал небольшую склянку француз, - жемчужный порошок, косметика для королей!

Он объяснил, что для его получения настоящие жемчужины растворяют в лимонном соке (иногда - в уксусе), а полученный раствор высушивают до образования

белого порошка. Его отбеливающий эффект вроде бы незначителен, но, благодаря перламутру, он способствует выравниванию тона кожи. При этом морщинки на лице становятся незаметны.

Государыня усмехнулась. Шувалов присмотрелся к торговцу. Его немолодое лицо «маскировал» толстый слой косметики, губы напомажены, на щеке прилеплена мушка. Парик тоже был натёрт каким-то масляным составом, а пахло от мэтра Боку довольно приятной ароматической водой. «Кафтан из английского сукна», - подметил высокий чиновник. «Всё по французской моде», - пришёл к заключению он.

Наконец, Елизавета Петровна обратила внимание на ювелирные товары.

- Эта новинка называется «Большой букет», - произнёс мэтр Боку, подавая императрице драгоценное изделие. - Он выполнен из золота и серебра, с добавлением бразильских бриллиантов и колумбийских изумрудов.

- Прелестно, - восхитилась государыня. - До чего же мило!

В ажурную оправу бутона был вставлен редкий нежно-фиолетовый кристалл чистой воды.

- Это единственный цветной бриллиант «Большого букета», - пояснил мэтр Боку. - Другие камни только кажутся разноцветными. Под прозрачные бриллианты мастер подложил раскрашенную фольгу, оттого камни и кажутся многоцветными.

Елизавета Петровна обратила внимание на то, что «Большой букет» выглядит как настоящий. Цветы и листья были прикреплены к стеблям подвижно, мастер посадил их на пружинки. Государыня слегка тряхнула драгоценный «Букет». Головки цветков закачались.

- Они кажутся живыми! - воскликнула дочь Петра.

- А вот, перед вами диадема и пара серёг, - предложил следующий товар француз, как только государыня налюбовалась «Букетом». - Здесь тоже пришлось придать цвета бриллиантам при помощи фольги разных оттенков.

- Чудесно, - воскликнула императрица.

- Особую прелесть изделию, - продолжал ювелир, - придают пчёлки, которые, как может показаться, были привлечены запахом цветов и присели собрать *nectar* (18). Тельца насекомых сделаны из грушевидных бриллиантов, а крылышки изготовлены из более мелких камней.

- Какая прелесть! - не сдержалась одна из фрейлин.

- Очень мило, - согласилась императрица.

- А вот ещё одна новинка, ваше величество! - поторопился француз. - Уверен, что она вас не оставит *indifférent* (19)! - И продемонстрировал государыне эгрет с длинной шпилькой-булавкой, которой он должен крепиться к высокой причёске.

- Этот гарнитур, ваше величество, был изготовлен знаменитым французским мастером Франсуа Голле. Основное украшение эгрета – бриллианты и крупные сапфиры.

- Ну-ка, ну-ка, - Шувалов подошёл ближе, рассматривая любопытное изделие.

Оно казалось асимметричным. С одной стороны его украшали страусовые перья, которые помещались в трубочку. Сюда же можно было вставить цветок или даже букет. Сам же эгрет был выполнен в виде струй фонтана, где крупные сапфиры играли роль капель воды. Далее, продолжая «водяной каскад» сияли капли-сапфиры серёжек.

Создавалось впечатление, что они упали сверху, скатились с эгрета и повисли на уровне щёк и мочек ушей.

- Поистине чудесная вещь, - с восхищением произнесла императрица.

- Удивительная красота, - подтвердил Шувалов.

- А вот ещё, - суетился мэтр Боку. - Прошу взглянуть на украшение женского корсета. Оно также может крепиться на пояс платья. Изделие называется «Букет нарциссов». Стебельки цветков изготовлены из золота и покрыты зелёной эмалью. Сами цветы сделаны из прозрачных бриллиантов. Цветки к стеблям прикреплены тончайшими пружинками. Вот, смотрите, - он очень легко дунул на цветы и они зашевелились.

Фрейлины захлопали в ладоши.

- Воистину, вы - добрый волшебник, мэтр, - произнесла довольная Елизавета. А это у вас что за диковинка?

- Это, ваше величество, миниатюрная «шляпка». Она изготовлена из золота, серебра, эмали, рубинов и изумрудов. Это такой головной убор для кукол. Например, для тех, которыми пользуются белошвейки, прежде чем начинать шить платье для знатной дамы.

Они провели в модной лавке почти два часа, осмотрели весь товар предприимчивого француза и остались довольны,

- Вы можете сделать себе подарок, в виде украшения, - добавил тот в самом конце экскурсии, - а можете приобрести амулет...

Мэтр Боку был растерян. Императрица направилась к выходу, не сделав ни одной покупки.

- Вы даже не поинтересовались ценой, ваше величество, - едва не плача, произнёс он.

Но государыня осталась верна самой себе. Она не спешила делать покупки.

- Мне можно начинать торговлю, ваше величество? - спросил он, видя, что императрица собирается уходить. Граф Воронцов услужливо открыл двери.

- Ах, как студёно! - воскликнула императрица, закутываясь в мягкую душегрею из соболей. - Наверное, будет снег!.. Не спешите, мэтр. Я ещё подумаю. Сегодня вечером к вам придёт мой человек. Он обязательно купит у вас кое-что...

#### **Глава 4. Отец и сын**

В ясный морозный день, накануне Крещенских праздников, 16 января 1761 года в Кёнигсберге появился Александр Васильевич Суворов, подполковник русской армии. В Королевский замок он ворвался, словно в гущу битвы - быстрый, решительный, уверенный в себе, всё подмечающий человек. На нём прекрасно сидел кафтан, сшитый из качественной шерстяной ткани и снабженный боковыми карманами. Поверх кафтана была накинута синяя войлочная епанча с воротником, пристёгнутым к пелерине. На голове - чёрная шляпа-треуголка, обшитая золотым галуном, на ногах - ботфорты. Шею прикрывал золотистый шёлковый шарф. Левой рукой он придерживал шпагу.

В начале войны, будучи переведённым в действующую армию, Александр Васильевич исполнял обязанности коменданта Мемеля, а с 1759 был назначен офицером главной квартиры русской действующей армии (20). Своё боевое крещение Суворов получил в июле 1759 года, когда с эскадронам драгун атаковал и обратил в бегство немецких кавалеристов. Позже Александр Васильевич был назначен дежурным офицером при командире дивизии Ферморе. В этой должности он принял участие в знаменитом сражении под Кунерсдорфом. В прошлом году Александр Васильевич, будучи дежурным офицером при главнокомандующем русской армией генерал-аншефе Ферморе, принял участие во взятии Берлина русскими войсками. В нынешнем, 1761 году подполковник Суворов готовился вступить в должность командира сводных отрядов (драгунских, гусарских, казачьих), целью которых было прикрывать русские войска, и бесконечными нападениями терзать прусские тылы.

А сейчас он находился в отпуске и прибыл в Кёнигсберг, чтобы повидать своего отца, генерал-губернатора Пруссии, и поправить здоровье после ранения.

Василий Иванович с радостью принял сына. Он организовал для него прекрасную баню, угостил сытным ужином и сейчас, пригласив в свой кабинет, с интересом расспрашивал о делах в действующей армии.

Сам генерал-губернатор был одет довольно скромно. На нём ладно сидел двубортный форменный сюртук без регалий, на котором вместо пуговиц сверкали аграфы.

- Когда же, сын мой, по твоему разумению, закончится война?

- Трудно сказать, батюшка, - почтительно ответил Александр. - Всё решают политики, а не военные. А политика — тухлое яйцо! Война могла бы закончиться ещё в прошлом году, если бы после Кунерсдорфа мы сразу пошли на Берлин... Фридрих уже отдал приказ: «Всё потеряно, бегите, спасайте двор и архивы!» (21) Да только австрияки с французами задумали загребать жар чужими руками. Только загребающий жар чужими руками после свои пережжёт! В какой-то мере, можно понять фельдмаршала... Но я бы поступил иначе!

- Да, сын, - задумчиво произнёс Суворов-старший. - Генерал Берг (22) доволен тобой и прочит тебе большое будущее.

- Увы, карьер мой пока не скачет во весь опор, - улыбнулся подполковник, - но впереди меня ждёт множество других батальи и звание полковника - не за горами! Эта война немалому научила меня.

- Да уж, век живи - век учись...

- Я тут, батюшка, задумал разработать собственную систему подготовки и обучения войск, а также - организации тыловых подразделений. Я изучил русского солдата, понял тонкости его... внутреннего мира, его возможности и способности. И убеждён: с таким солдатом нам не страшен никакой враг! Там, батюшка, где пройдет олень, там пройдет и русский солдат. Там, где не пройдет олень, все равно пройдет русский солдат!

Захар принёс самовар, и отец с сыном некоторое время пили чай («твой любимый, Сашенька, чёрный. Из Москвы привезли!»), беседуя о родных. Они помянули добром Авдотью Федосеевну, жену Василия Ивановича и мать Александра Васильевича, поговорили о сёстрах подполковника, Анне и Марии.

- Ты сам-то, сынок, не собираешься ли жениться? - с улыбкой посмотрел на Александра отец.

Тот неопределённо пожал плечами:

- Брак – это, как правило, утрата части себя...

- Так же и обратное, - покачал головой отец, - обретая независимость, мы обязательно кого-то теряем. Иного не дано... Смотри, а то я тебе сам подберу невесту! Есть у меня на примете кое-кто... - но, видя, что этим заявлением поставил сына в неловкую ситуацию, мягко добавил: - А то я старею... А так хотелось бы увидеть тебя бок о бок с красавицей женой и детками на руках...

Сгущались сумерки. За окном пошёл снег. Уличные фонари красиво подсвечивали крупные и пушистые хлопья, мягко лежащие на дороге и тротуары. Внизу залаяли собаки.

- Совсем, как у нас в Москве, - вздохнул Василий Иванович, украдкой любуясь сыном. Тот возмужал, хоть и оставался худощавым и малорослым.

...Единственного сына он назвал в честь Александра Невского. В детстве наследник рос слабеньким и часто болел, поэтому отец пророчил ему гражданскую службу. Однако, с малых лет Александр проявил тягу к военному делу и, пользуясь богатейшей отцовской библиотекой, самостоятельно изучал артиллерию, фортификацию и военную историю. Решив стать офицером, сын стал закаляться и заниматься физическими упражнениями.

Большое влияние на судьбу Саши оказал и генерал Абрам Ганнибал — друг семьи Суворовых (23). Заметив, что во время игры в солдатики Александр неплохо разбирается в тактических сложностях манёвра, Ганнибал повлиял на Василия Ивановича, дабы тот избрал для сына военную карьеру. Так в 1742 году он и был зачислен мушкетёром в Семёновский лейб-гвардии полк (чтобы начать положенную законом выслугу лет для офицерского чина), в котором и начал действительную военную службу в 1748 году, постепенно повышаясь в звании. Он продолжал своё обучение, изучил семь иностранных языков, вёл полубивачную жизнь: спал на сене, даже в холода носил лёгкую одежду, не ходил, а бегал, не ездил, а скакал, постоянно обнаруживая самую кипучую деятельность. И всё, чего достиг сын, было благодаря его железному характеру и личной храбрости...

Да, теперь его взгляд стал совсем другим, взором бывалого и мудрого человека. Александр как избрал с раннего детства путь воина, так и следовал по нему, не петляя и не останавливаясь. Путь опасный, но достойный русского дворянина.

- Скажи-ка, сын, слыхивал ли ты что-нибудь про масонов? – наконец, задал отец самый главный вопрос.

- Масоны? – Александр отхлебнул из блюда чаю. – Как не слыхивал? Членами этой сатанинской организации становятся не только простые наши офицеры, но и высокие российские сановники! Князя!

- Почему, Саша, ты считаешь, что они – сатанисты?

- А кто же ещё, батюшка? По моему разумению, коль они отвергают Православие, то самые сатанисты и есть!

- Однако, они проповедуют свободу, равенство, братство, справедливость, просвещение...

- Но отвергают Христа, батюшка. А Его не заменишь ни братством, ни равенством, тем более, что всё это – пустые слова. Какие у них цели? Зачем они прячутся под покровом тайн? Наверняка, замышляют что-то худое, батюшка. Ежели ты чист пред Богом, то зачем скрываться по таинственным ломам и конспирироваться, словно шпионы? Нет, я масонам не доверяю! – отрезал Александр.

- Взгляни-ка на это письмо, сынок, - Василий Иванович достал из шкатулки лист бумаги и протянул его сыну. – Его прислал мне Александр Иванович... Шувалов.

- Шувалов? «Единороги» его братца нам отменно помогли в сражениях с Фридрихом... Но с главой Тайной Канцелярии я не хотел бы иметь дел..., - он начал читать. Со временем его лицо стало принимать озабоченный вид: брови насупились, возле переносицы возникла глубокая морщинка. Дочитав до конца, он в сердцах бросил лист на стол. – Я подозревал, что у масонов могут появиться и более мерзкие, богопротивные мысли! Но, нанести удар по нашей императрице!..

Александр Васильевич искренне уважал Елизавету Петровну. В самом начале его службы произошел один примечательный случай. Однажды в Петергофе он стоял на часах у Монплезира. Императрица проходила мимо, и Суворов отдал ей честь. Государыня обратила на юношу внимание и спросила, как его зовут. А узнав, что он сын Василия Ивановича, который был ей хорошо известен, она вынула серебряный рубль и хотела его дать молодому Суворову. Тот отказался взять, объяснив, что караульный устав запрещает это сделать. «Молодец, — сказала государыня, — знаешь службу», — потрепала его по щеке и пожаловала поцеловать свою руку. «Я положу рубль здесь, на землю, — прибавила она: - как сменишься, так возьми». Крестовик этот Суворов хранил всю свою жизнь...

- Пока это только планы врагов нашего Отечества, сын мой. Но им нужно помешать...

- Позвольте, отец, мне проникнуть в их логово!

Глаза Василия Ивановича заблестели.

- Я и сам хотел тебе предложить это... Лучшего лазутчика в стан масонов и не найти... Ведь ты сам прекрасно понимаешь, что без хорошей разведки боевые действия вести нельзя...

- А как же! Разведка – глаза и уши полководца!

- Но это слишком опасно. Здесь тебе не поле боя, где у тебя ружьё, конь и верные друзья... Тут могут вонзить кинжал в спину или набросить на шею удавку в тёмной подворотне. В Кёнигсберге полно шпионов Фридриха, Саша. Эта земля ещё не стала нашей, хотя на шпигеле Королевского замка и развевается российский флаг... Неподготовленным в это осиное гнездо лезть нельзя, сын мой. Заметь: они должны принять тебя за своего! Например, за члена такой же ложи...

- Придётся сказать, что я – масон. Член петербургской ложи... например, «Три звезды»! Каково, батюшка?

- Назваться можно кем угодно, сын. Но, для того, чтобы тебя приняли за своего, нужно иметь сведения об... устройстве этих лож, об их ритуалах, традициях, обычаях, словом, множество мелочей, которые обязан знать настоящий масон. Однако, у меня есть



книга, где многие из этих секретов раскрываются. Вот, взгляни, - отец полез в ящик стола и вытащил из него фолиант «Улыбка Люцифера».

Прочитав название, Александр Суворов поморщился.

- И тут бесовское имя...

- Тем не менее, эту книгу нужно изучить... Запомни, Саша: тебе надлежит проникнуть к масонам и выведать имя тайного посланца от короля Фридриха. Того, кто собирается ехать в Санкт-Петербург и быть поближе к нашей государыне. Уверен, что он не станет чураться офицерских компаний и светских встреч, что он – любитель карточных игр, театра а, возможно, и сам - поэт... А для того, чтобы правдоподобно сыграть свою роль, он может прикинуться и набожным, и даже святым...

- Я найду его, отец!

- Но для этого – читай книгу. Вот видишь, - перелистнул несколько страниц книги Василий Иванович, - у масонов существует свой особый ритуал приветствия... А здесь – степени их посвящения...

- Да, это надо будет запомнить...

- Сказывают, что масонство привёз из Европы ещё Пётр... Так это или нет, про то нам не ведомо. Зато известно о капитане Джоне Филиппе, который основал ложу в России в 1731 году.

...Василий Иванович рассказал сыну об этой ложе, которая принимала в свои ряды только иностранцев, живших в России. По долгу своей службы прокурором, ему доводилось сталкиваться как с настоящими масонами, так и людьми, симпатизирующими им. Прошли годы и вот, в России появились подобного рода общества, заманивающие новомодным аристократическим развлечением уже отечественное дворянство. Европейские масоны позволяли своим русским «братьям» так называемые «работы» в ложах только на первых трёх ступенях посвящения: «Ученик», «Товарищ» и «Мастер». Работами в ложах называлась деятельность по самосовершенствованию, по постижению масонских истин, а также по воспитанию в себе нового, по представлениям масонов, человека, и распространению масонских идеалов.

- Сколько же сейчас масонских лож в России? – потёр лоб Александр.

- По моим данным, - ответил отец, – не менее десяти... Вообще, масонство создано семитами. И цель его, как я понимаю, отвлечение людей от Христова учения и изменение мира в угоду всемирному еврейству...

- Поясните, батюшка...

- Наливай ещё чаю, Сашенька. Так вот... Евреи уверены в своём грядущем господстве над миром. Но они признают, что для осуществления этого господства им надо разъединить людей, как одну великую семью последователей Христа. Поэтому они стараются внести безверие в среду христиан, разрушить великую связь людей с Богом, которая делает народы сильными. Чем больше неверия, смут, беспорядков, смятений, тем сильнее хиреют христианские государства и тем значительнее укрепляется мировое еврейство. Кстати, Саша, сам Фридрих, того не ведая, льёт воду на их мельницу!

Но во всякой стране, в каждой ложе имеются свои интересы, более мелкие. И решаются вопросы местного значения. В настоящий момент, интересующие нас братства собираются убить нашу государыню, но сделать это тихо и бесшумно, не оставляя

никаких следов... Словно, они тут вовсе ни при чём... Дело в том, сын мой, что масоны отрицают свою причастность к разного рода колдунам и чернокнижникам. Но, в этой книге, – он постучал пальцем по матовой обложке «Улыбки Люцифера», – сказано совсем другое... Все известные колдуны... и другие персоны, чья деятельность вызывала известную долю подозрений, были масонами. Я и сам испытал на себе воздействие потусторонних сил, вызванных ими, пока кёнигсбергский профессор медицины, доктор Майбах, не избавил меня от этого кошмара...

- Господь уберёт вас, батюшка.

- И тебя, Саша, уберёт, если ты хорошенько подготовишься. Сколько времени тебе понадобится, чтобы изучить ритуалы и обычаи масонов? – Василий Иванович кивнул на книгу.

- Мне бы побольше свечей, – вздохнув, ответил Александр. – За ночь, я думаю, управлюсь. И уже завтра можно будет нанести визит... Как, говорите, называется эта бесовская ложа?

- «Три короны». Имеются в виду короны Пруссии, Польши и России.

- Вот и отменно!

- Это бывшая «Андреевская ложа», которая состояла большей частью из русских офицеров.

- Это скверно...

- «Три короны» подчиняется королевской ложе «Три глобуса», главой которой является Фридрих II.

- А это уж совсем дурно, – вздохнул Александр.

- Да, сын. У нас есть свидетельства, что фельдмаршал Апраксин повернул войска от Кёнигсберга после победы под Гросс-Егерсдорфом оттого, что послушался совета господина Ливена, который был **масоном** и тайным агентом Фридриха. Ливен якобы убеждал Апраксина, что «на один день два праздника не бывает». Достаточно и победы под Гросс-Егерсдорфом! А Кёнигсберг ещё дождёт своего часа.

- Похоже, вся европейская политика «варится» в тайных масонских ложах...

- Да, Саша. Поэтому и на вкус она – полное дерьмо!

Они немного помолчали, наслаждаясь чаепитием. Захар бесшумно подошёл, поставил на стол блюдо с пирогами. За окном совсем стемнело.

- Я, Саша, уже ознакомился с этой книгой и постиг следующее: тебе нужно разбираться в символах масонов. Вся их деятельность отмечена символами, которые имеют определённый смысл и, считается, что они скрывают истину в самой её природе. Например, на вопрос: «Где центр мироздания?» – будет ответ: «Здесь». Под «здесь» подразумевается сознание живого существа, ибо у него, у сознания, есть свой центр и свой горизонт, очерчивающий окружность. А теперь представь: центр и окружность – это два конца циркуля! Центр – неподвижная точка, а линия окружности – подвижная. Они скрыты двумя рейками наугольника, которые представляют собой ум и материю. Ты должен знать, что наугольник, скрытый в двух концах циркуля, есть первый, изначальный символ всякого масона, вступающего в жизнь в качестве Ученика.

- Где-то я встречал уже и циркуль, и наугольник, начертанные на бумаге, – произнёс Александр Васильевич. – Но не мог догадаться, что это – первый символ масонства...

- Кроме этого, глядя, как восходит Солнце, путешествует по небу и заходит за горизонт, а вместо него появляется Луна, масоны придумали, что это – путь развития души. Они представили круг, состоящий из верхней, золотой половины, которая олицетворяет Солнце, и нижней, серебряной. Серебро – это Луна. Солнце восходит на востоке, значит, человек, ищущий истину и стремящийся на восток, идёт к свету. Верхняя половина круга – это просветление. Нижняя связана не с мышлением, а, скорее, с «чутьём», с тем, что заложено в человека самим Создателем и хранится где-то в потайных уголках его сознания.

- Значит, батюшка, – догадался Суворов-младший, – путь человека с запада на восток – это символ его учения, получения знаний, посредством которых он совершенствует своё познание, а путь с востока на запад – его нисхождение к скрытым тайникам его разума?

- Примерно так, Саша. Всё это описано в сей масонской книге. Символы ты должен понимать, а основные ритуалы тебе нужно знать, чтобы не опростоволоситься в ложе перед важными персонами...

Профессор медицины Пауль Майбах возвращался домой. С острова Кнайпхоф, где располагалось здание университета, на Альтштадт он перешёл по старинному Лавочному мосту. Хотя кое-где по льду Прегеля уже были протоптаны дорожки, доктор не хотел рисковать – лёд на реке обманчив. Это резвящейся малышне всё нипочём – гоняют по льду, кричат, смеются... Те, кто постарше – при делах: кто занимается ремеслом, кто учится, кто торгует.

На альтштадской ратуше зазвонил колокол. Начало темнеть. С закрывающегося рынка навстречу доктору прошла группа студентов. Молодые люди учтиво поприветствовали профессора. Майбах тут же припомнил спор, возникший часом ранее между несколькими дотошными буршами и его молодым коллегой Анджеем Орловским. Причину спора он не расслышал, кажется, речь шла о способах остановки кровотечения, если рана – на шее, но те методы, о которых объявил преподаватель, вызвали бурный отклик у студентов. Обсуждение переместилось из аудитории в коридор. Профессор хотел было вмешаться и помочь коллеге, но тот блестяще справился сам.

Мимо прошли крестьянки, под войлочными плащами которых были видны стамедные сарафаны, в руках женщины держали корзинки с продуктами. За ними проследовали молодые люди в бекешах с меховыми воротниками. Один из них, уворачиваясь от проезжавших саней, едва не сбил профессора с ног, но тут же извинился и бросился догонять своих товарищей. Вот из старинного кабачка «Усы сома» вышли подвыпившие моряки в голландских бострогах (24), за ними - русский монах в чёрном мятле (25).

- Как вам нынешняя погода? – поприветствовал Майбаха его слуга Петер Вурст, принимая из рук профессора плащ и камзол. – Сейчас я подам вам стаканчик глинтвейна, господин профессор.

Учёный доктор жил один. Супруга его умерла лет десять назад, старшая дочь вышла замуж и уехала в Польшу, а сын служил полевым хирургом в войсках Фридриха II.

- Приходил ли кто-нибудь ко мне, Петер?

- А как же! Прибыл посланник от его сиятельства генерала Суворова. Он передал вам небольшой подарок от губернатора – корзину с великолепной ветчиной!

- Прекрасно. нарежь немного тоненькими ломтиками и отнеси в мой кабинет.

- Собираетесь работать, господин профессор? - Лицо слуги оставалось в тени, откуда лишь поблескивали белки глаз.

- Нет, я только хочу просмотреть план диссертации Орловского и немного почитать Джонатана Свифта.

В кабинете профессора были плотно задёрнуты шторы, на столе стоял канделябр с горящими свечами. На висевшем справа от окна гобелене был изображён всадник, пытающийся добить копьём спасающегося бегством раненого вепря. Майбах любил этот гобелен и считал его настоящим произведением искусства.

В углу кабинета напольные часы пробили восемь раз.

Тёплый глинтвейн, уютные огоньки свеч, тишина и прекрасные ломтики ветчины сделали своё дело, совершенно расслабленный и умиротворенный профессор задремал...

Разбудил доктора Майбаха посторонний звук. Он открыл глаза и с изумлением обнаружил, что... вилка, находящаяся на столе, слегка постукивает о краешек тарелки, в которой недавно лежали ломтики ветчины. Вилка сама по себе стучала о тарелку!!! А нарисованная на её дне голова копчёного поросёнка вдруг открыла глаза и... состроила мерзкую гримасу! Сердце ёкнуло в груди доктора. «Спокойнее, - машинально подумал он, - не поддавайся... Это всего лишь мираж...»

Он поднял глаза и с ужасом увидел, что всадник на гобелене тоже ожил. Он нёсся прямо на профессора, волосы его развивались на ветру, глаза горели адским пламенем, а копьё нацелилось Майбаху прямо в грудь. Страх, дикий животный страх, который, казалось, невозможно пережить, охватил профессора!

## Глава 5. Циркуль и наугольник

Поздним вечером 17 января 1761 года в двери роскошного особняка, расположенного в северной части Королевского пруда, настойчиво постучали.

- Что вам угодно, сударь? – спросил привратник, приоткрыв дверь.

- Я провёл много лет в пути, двигаясь с запада на восток, к солнечному свету, - туманно объяснил путник. – Надеюсь, что я попал к своим братьям, вместе с **которыми** мы достигнем тех вершин, с **коих** светлый лик Великого Архитектора будет наиболее близок и ясен...

- Проходите, сударь, - широкоплечий привратник отстранился от дверного проёма, впуская позднего гостя. – И подождите немного. Сейчас господин Вейлис спустится к вам.

Вошедший снял шляпу и стряхнул на пол налипший на неё снег.

- Благодарю вас, - ответил он. – Смею ли я надеяться, что судьба доставила меня в известную всей Европе ложу «Три короны»? – И огляделся.

Обычная прихожая, стол с креслами, справа – дверь, в которой, похоже, оборудовано караульное помещение... На стене, при неярком освещении можно было разглядеть висящие портреты неизвестных персон и чёткое изображение циркуля и наугольника по самому центру.

Привратник пожал плечами и сделал три шага назад.

- Кто там, Густав? – послышался голос сверху и торопливые шаги.

Наконец, в сопровождении слуги, несущего подсвечник с горящими свечами, появился и сам господин Вейлис. Был он большого роста и крепкого телосложения. По сравнению с невысоким гостем, сошедший с лестницы человек выглядел настоящим голиафом. Высокий лоб, сверху на который ниспадала зачесанная набок непокорная седая прядь, мохнатые брови, из-за которых почти не было видно глаз, крупный нос... Не утруждаясь разглядыванием позднего визитёра, важный господин протянул ему свою огромную руку:

- Приветствую тебя, брат...

Тот пожал её по всем правилам масонства, коснувшись соответствующих точек на кисти господина Вейлиса. Он надавил пальцем на третий казанок, показывая тем самым, что сам является Мастером.

- Приветствую тебя, брат!

- О, я вижу, что ты не Ученик, и даже не Подмастерье, - улыбнулся господин Вейлис. – Назови же своё имя и причину появления в нашей скромной ложе.

- Я – подполковник русской армии Александр Суворов, - чётко ответил вновь прибывший. – Мой отец является генерал-губернатором Кёнигсберга и всех завоёванных Россией прусских земель. – Я давно разделяю взгляды вольных каменщиков и не один год являюсь членом петербургской ложи «Три звезды». Я только что прибыл из Санкт-Петербурга и прямоком явился к вам на штаб-квартиру, ибо теперь буду служить в Кёнигсберге и желаю быть своим среди братьев ложи «Три короны»!

- Прекрасно, - произнёс господин Вейлис.

«Рыба заглотила наживку! – мысленно порадовался Суворов. – Сразу, слёту!»

Но он ошибся. Масон не решался распахнуть двери своей ложи даже перед офицером с таким именем, предварительно не проверив его.

- Достойное желание, брат мой. Приходи завтра в это же время. Мы соберём братьев и проведём собрание, на котором представим тебя и примем в нашу компанию. Я же не могу самостоятельно принимать важные для ложи решения, ибо... «обещал и клялся перед лицом Господа Всемогущего и этого достопочтенного собрания...» - тут он сделал паузу и многозначительно взглянул на Суворова.

- «...что буду всегда прятать и скрывать, - нисколько не изменившись в лице, продолжил тот, - и никогда не раскрою тайн и таинств масонства и масонов, которые будут доверены мне сейчас или в любое другое время в будущем...»

- «...кроме тех случаев, когда я говорю о них с верным и совершенным братом после соответствующего испытания или же в достопочтенной и совершенной ложе...»

- «...если меня должным образом примут её братья» (26).

- Прекрасно, брат мой! – воскликнул господин Вейлис. – Теперь я уверен, что могу доверять тебе. Приходи же сюда завтра в означенное время, и мы начнём...

И тут Суворов понял, что проверка вряд ли закончена. Этой же ночью масоны зашевелились, засуетятся, начнётся сбор нужных сведений... А что, если они узнают о том, что никакой ложи «Три звезды» в Санкт-Петербурге и в помине нет?..

День прошёл в раздумьях и чтении книги «Улыбка Люцифера». Александр Васильевич старался понять, чем привлекло масонство русское дворянство? Почему в масоны записываются офицеры и генералы, графы и князья? Чем, например, прельстило масонство блестящего вельможу князя Николая Репнина? (27) Может быть, Фридрих задумал победить русскую армию, если не на полях сражений, то с помощью тайных масонских лож? Но, если будет побеждена русская армия, что тогда станет с Россией?

За весь день он удосужился поесть всего раз, перекусив ухой и расстегаями.

Когда Суворов вторично появился перед дверью особняка, являющегося штаб-квартирой масонской ложи «Три короны», было уже темно. На небе сияли россыпи звёзд. Возле дома горели масляные фонари, а испуганные кошки тарацились на подполковника из тёмных подворотен, по-дьявольски сверкая своими зелёными глазами.

Привратник Густав услужливо отворил перед русским офицером дверь, другой слуга уже ждал его с подсвечником в руках.

- Прошу вас, - шёпотом сказал он и повёл Суворова по коридору.

Было темно, несколько свечей в руках слуги не давали достаточного света, чтобы офицер смог рассмотреть что-нибудь досконально, впрочем, этого и не требовалось. Вскоре они оказались перед массивной дверью.

- Вам – сюда, - с поклоном произнёс слуга и посторонился.

Александр Васильевич толкнул дверь рукой и вошёл в такое же сумрачное помещение. Первое, что бросилось ему в глаза – тускло горящие свечи, расположенные треугольником, стоящие на столе в инкрустированном неразличимыми эмблемами подсвечнике. На большом блюде находились бутылки с напитками, возможно, вином или пуншем, рядом располагались бокалы и тарелки с закусками. За столом восседал человек, видимо, Мастер. На голове его была надета шляпа, тень от которой закрывала лицо. Но Александр Васильевич понял, что роль Мастера играет не господин Вейлис, а кто-то другой. Перед главой ложи лежала раскрытая Библия. На книгу положили циркуль, концы которого были накрыты наугольником. Напротив Мастера находилось ещё два человека, как догадался Суворов, - Старший и Младший Надзиратели, которые имеют своих помощников, Старшего и Младшего Диаконов, при которых состоят Стюарды. Александр Васильевич уже знал, что стол и стул главы ложи располагается к востоку от неё, а Надзиратели рассаживаются на западе и на юге. По обе стороны от Мастера стояли, по меньшей мере, два десятка человек. Это были члены ложи – «братья». На каждом из них был надет белый кожаный передник - запон. Расположиться «братья» должны были по старшинству - в зависимости от степени посвящения.

- Все в сборе, - раздался голос одного из ассистентов Мастера, Секретаря. Другим ассистентом был Казначей, он же - Хранитель сокровищ. Но, в полутёмном помещении разглядеть обоих, среди обилия народа, было невозможно. Впрочем, он тут же определил их, увидев, как они, вместе с Мастером, надевают на шею голубые ленты треугольной формы.

Суворов заметил, что у Мастера на ленте висят циркуль и линейка, а у ассистентов - лишь один циркуль.

Наконец, все расселись в надлежащем порядке. Настала пора приступить к открытию ложи. Всё происходило по старинному ритуалу, о котором Суворов узнал из книги «Улыбка Люцифера»:

- Какова первая обязанность масона? - задал вопрос Мастер. Согласно протоколу, этот вопрос должен быть адресован Младшему Диакону.

- Смотреть, чтобы ложа была покрыта (28), - ответил тот.

- Исполните свою должность, - тут же отдал приказ Мастер, искоса наблюдая за подполковником русской армии.

Младший Диакон ударил три раза в дверь, с другой стороны ему ответили также тремя ударами. Это была работа «покрывающего», одного из «братьев». Диакон доложил Мастеру:

- Достопочтенный, ложа покрыта.

«Как тут всё чётко организовано, - подумал Суворов. - Вот бы наши отряды во время боя действовали так же слаженно!»

- Скажи, - продолжал церемонию Мастер, - где место Младшего Диакона в ложе?

- Позади Старшего Надзирателя или по правую руку от него, если он позволит, - отвечивал «брат».

- В чем состоит твоя обязанность?

- Передавать поручения от Старшего Надзирателя Младшему, чтобы они могли быть сообщены ложе.

Всё это происходило в полутёмной обстановке, под покровом таинственности и торжественности. «Да, - думал Суворов, - изнеженным, не обременённым никакими обязанностями, никакой ответственностью князькам такая комедия пришлась бы по душе...»

Затем Мастер начал задавать те же вопросы и Старшему Диакону. Тот ответил, что его место позади Мастера или по правую руку от него, добавив при этом: «если он позволит». Когда Мастер задал вопрос об обязанностях Младшего Надзирателя, то за него, по соображениям масонской этики, ответил сначала Старший Диакон, ранг которого ниже Младшего Надзирателя, а потом уже сам Младший Надзиратель. Все это делалось, как понял Александр Васильевич, для того, чтобы в конце ритуального опроса, когда заходит речь об обязанностях Мастера, за самого Мастера мог отвечать его подчинённый – Старший Надзиратель. «Всё это смахивает на военную субординацию, - подумал Суворов. - А как же иначе?.. Всё, как в армии: у командира должен быть заместитель, который мог бы в случае чего исполнять его обязанности...»

- Где место Младшего Надзирателя в ложе? - спросил Мастер. Голос его был глухой, хриплый, казалось, что глава ложи простужен.

- На юге, - отвечал Младший Надзиратель, - судя по голосу (лица Суворов не мог разглядеть достаточно точно), это был совсем ещё молодой человек.

- Почему на юге?

- Чтобы было удобней наблюдать за солнцем, - не замедлил с ответом Младший Надзиратель. - И не пропустить момент, когда оно стоит прямо на полудне. Это время для того, чтобы звать людей от работы к отдыху и следить, приходят ли они в должное время... Для того, чтобы Мастер получал от этого удовольствие и прибыль.

Глава ложи, хоть и слышал это множество раз, казалось, был весьма удовлетворён таким ответом.

- Где место Старшего Надзирателя в ложе?

- На западе, - ответил Младший.

- Какова твоя обязанность, брат? - обратился Мастер к Старшему Надзирателю.

- Как солнце заходит на западе, - ответил тот, - чтобы окончить световой день, так и Старший Надзиратель стоит на западе, чтобы вовремя закрыть ложу, уплатить людям их заработок и отпустить с работы.

- Где место Мастера в ложе?

- На востоке, - ответил Старший Надзиратель.

- В чём состоит его обязанность?

- Как солнце восходит на востоке, чтобы открыть день, так и Мастер стоит на востоке, чтобы открыть ложу и поставить людей на работу.

Наконец, Мастер снял шляпу и торжественно произнёс:

- Эта ложа открыта во имя святого Иоанна. - Он оглядел всех присутствующих в зале тяжёлым, как показалось Суворову, взглядом. - Отныне я запрещаю всякую брань, клятвы или шёпот! А также все профанирующие разговоры какого бы то ни было рода под страхом того наказания, которое сочтет нужным наложить большинство.

В зале наступила тишина.

- Я хочу представить вам нашего брата из Санкт-Петербурга, состоящего в ложе «Три звезды», который возжелал присоединиться к нам и стать членом нашего братства... Это подполковник русской армии Александр Васильевич Суворов, сын генерал-губернатора **Восточной** Пруссии Василя Суворова. Кто из братьев знает его? Кто хочет высказаться? Кто имеет протест по поводу вступления в нашу ложу Александра Суворова?

Как и надеялись отец и сын Суворовы, масоны ложи «Три короны» встретили Александра на удивление радушно, и позже, не досаждая петербургскому гостю вопросами, провели тайный ритуал. В результате, ложа «Три короны» пополнилась новым членом. Подполковника русской армии сразу же возвели в пятую степень посвящения. Ему присвоили почётное звание «шотландский мастер».

Когда были проведены все запланированные работы, Мастер закрыл ложу по всем правилам ритуала. Затем братья хором запели:

Нет Ничего Невозможного!

Нет Ничего Невозможного!

Нет Ничего Невозможного!

Так проповедовал Всевышний!

Таково его слово!

Бывает, что лист тонет, а камень плывёт,

Бывает, что огнём поливают сады,

И собирают дивный урожай,

Бывает, что вода горит ярким пламенем -

Случается всё, что захочет Всевышний!



Чтобы ни случилось,  
Что бы ни произошло -  
Беда, горе, радость -  
Такова воля Всевышнего!  
Вознеси же хвалу Ему!  
За все благодари Всевышнего...

Когда же исполнялся последний куплет, «братья» собрались вокруг стола, взяли за руки, создавая масонскую цепь: человек, стоящий справа, взял правой рукой левую руку соседа, тот – левую руку следующего, и так далее. Они пели, одновременно поднимая и опуская руки и стуча в такт ногами:

За все благодари Всевышнего...  
За все благодари Всевышнего...  
За все благодари Всевышнего...

После этого Мастер распорядился: всем отдыхать. С этого момента ложа уже считалась закрытой.

Слуги добавили свечей, и сразу стало светлей. Гости словно сбросили с себя маски. Несколько человек подошло к Суворову, и протянули ему свои руки в приветствие:

- Капитан Штейлинг...  
- Барон фон Тротт...  
- Полковник Половинкин...  
«О, - подумал Суворов, и сюда уже наши затесались!»  
- Граф Валевски...  
- Выпейте с нами, господин Суворов!..

- Позвольте, господин Суворов, - обратился к офицеру невысокий пожилой человек, - подскажите, пожалуйста, каково ваше звание?

«Секретарь, что ли?» - подумал Александр Васильевич и ответил:  
- Oberstleutnant (29)  
- Благодарю вас...

А тот, видимо, плохо расслышав, записал: «Oberleutnant (30)». Не знал, масонская морда, что в русской армии нет ни младших лейтенантов, ни лейтенантов, ни старших...

- Так, батюшка, и стал твой сын масоном пятой степени посвящения. «Шотландский мастер»! – смеялся Александр Васильевич. Но вдруг посуровел: - Вся эта клоунада, отец, имеет глубокий смысл. Первые камни в «здание масонства» закладывались ещё века назад... Уже тогда всё было продумано до мелочей...

- Захар, подай-ка нам чаю! – спокойным и даже ласковым голосом распорядился Василий Иванович.

Денщик Захар, стоя за его спиной, поскрёб пальцем глубоко в носу. Ему вспомнился рассказ губернатора о том, что тот являлся крестником самого Петра Великого и, когда Василию Ивановичу исполнилось пятнадцать лет, то царь взял его к

себе денщиком и переводчиком. А «денщик» Петра I, по сути, являлся его адъютантом и порученцем - очень важная должность, почти как у него теперь...

- Извольте, Василий Иванович... Да вы давеча уже почти весь самовар выпили!

- Ничего... Неси! Да, Саша, повезло тебе, я не чаял, что тебе удастся так быстро проникнуть в логово масонов и так блестяще справиться со своей задачей.

- Только больше я туда – ни ногой!

Василий Иванович улыбнулся и кивнул головой.

- Так удалось ли тебе, Саша, выяснить что-нибудь по делу о предстоящем покушении на императрицу?

Александр Васильевич взглянул в светлые глаза отца.

- Вы знаете, батюшка, у меня сложилось впечатление, что масоны с радостью приняли меня в свою ложу именно оттого, что вы – мой отец. Поэтому, после окончания церемонии, ко мне подошло много человек, чтобы выразить свою признательность! Мне было к кому присмотреться!.. От сего... представления, веяло какой-то фальшью, какой-то иноземщиной, русского в сём не было ничего! Кроме некоторых членов ложи, наших офицеров... Прошу, отец, свяжитесь с командованием армии... Пусть разберутся, возможно ли офицерам-масонам пребывание в **оной**... В первую очередь, это полковник Половинкин. Вот он – мой первый подозреваемый.

Василий Иванович записал фамилию на листе бумаги.

- Сей человек ради карьеры пойдёт на всё, - продолжал Александр Васильевич. – Насколько мне известно, пороху он не нюхал, в сражениях не участвовал. Ошивался преимущественно при штабе. Зато имеет орден св. Анны второй степени! Молодой, всего тридцати лет, важный, словно князь, но готов и унизиться, лишь бы извлечь из сего пользу. Одновременно раним и обидчив, как ребенок... Вместе с ним – поручики Шуевич и Смольский... Оба – артиллеристы. Ну, это – мальчишки. Сунулись в масоны из любопытства. Я думаю, одумаются и покинут ложу, не их сие дело... А полковник - тот ещё фрукт! К тому же, во время разговоров он избегал смотреть мне в глаза... Я сказал, что на днях еду в Санкт-Петербург. Он тут же выразил желание составить мне компанию. Ему, видите ли, тоже надо в столицу!

- Это важно, Саша, - промолвил Василий Иванович, подставляя чашку под краник самовара. – Кроме него, я разумею, есть ещё подозреваемые?

- Есть, батюшка. Один весьма непростой немец.

- Кто же это?

- Отставной капитан прусской армии Зигфрид Хельке, раненный под Цорндорфом (31), калека с повреждённой ногой. Сильно хромает при ходьбе, но крепкий прусский солдат! Расчётлив, себялюбив и эгоистичен. Чрезвычайно силен. В том, что он – шпион Фридриха, у меня нет никаких сомнений! И он тоже собирается в Санкт-Петербург...

- Пожалуй, - подумав, ответил Василий Иванович, – сей масон больше подходит на роль погубителя императрицы... И это всё?

- Нет, батюшка. Есть ещё некто Леон Дибирье. Француз...

- Пусть это тебя не удивляет, Саша. Здесь целое поселение французов. В Росгартене много их домов. Так что это за фигура такая? Тоже тайный агент Фридриха?

- Нет, я бы не сказал, - пожал плечами Александр Васильевич. – Но те двое, вполне предсказуемы: один – предатель, другой – вражеский солдат. И никто из них не вяжется с тем предназначением, о котором вы говорили мне давеча. Я имею в виду магию и колдовство...

- Но они могут быть косвенно связаны с магом...

- Вот-вот. А Дибирье таков и есть!

- Француз - маг?

- Я не успел выяснить, кто он на самом деле. Но... что-то в этом роде. Он помешан на способах губительного воздействия на людей с помощью заговоров, «дьявольских стрел», позволяющих убить человека без непосредственного контакта с ним, и других сатанинских вещах. Он так и сказал мне: «Господин Суворов, если у вас имеется недруг, от которого вы желаете избавиться, только назовите мне его имя...»

- Он тоже собирается в столицу? – встрепнулся Василий Иванович.

- Да. Боюсь, что это – самый опасный из всей троицы, которую я выделил. Остальные масоны моего интереса не возбудили. Всыпать бы им плетей да разогнать по домам...

- Это было бы весьма полезно... Значит, ты считаешь, что среди сих троих есть тот человек, который собирается принять непосредственное участие в... убийстве нашей государыни?

- Да, думаю, так.

- Но, кто конкретно, мы сего так и не ведаем...

- Конечно, он же не признается публично, что собирается поехать в Санкт-Петербург, чтобы убить государыню.

- А нам, Саша, следует это выведать, - Василий Иванович отломил кусочек калача и макнул его в чай. – Ан, врешь, Старый Фриц! Мы твоего тайного агента всё равно выведем на чистую воду!... Что ж, тогда придётся за всеми тремя учредить слежку. Узнать, кто с кем встречается, о чём говорит... Но это – дело сыскное... А людей у нас, особенно, толковых, для этого дела слишком мало...

- Можно подобрать верных офицеров, батюшка! Многие здесь, в Кёнигсберге откровенно бездельничают, так и до греха недалеко. Пусть послужат Отечеству и... на сей стезе!

- Ты прав, Саша. Пусть послужат. Пожалуй, нужно подключить наших «учёных мужей», в том числе из тех, кто посещает университет... Того же Болотова...

## Глава 6. Охота началась

Капитан Зигфрид Хельке, бывший прусский артиллерист, **служивший в конной артиллерии, сопровождающей действия кавалерии**, под командованием генерала Зейдлица (32), героически проявил себя при сражении под Цорндорфом. Он не отходил от своего орудия и, истекая кровью, делал прицельные выстрелы по русским войскам даже тогда, когда его ногу изуродовало картечью. После битвы Фридрих Великий приблизил к себе покалеченного воина и, дав ему особое поручение, отпустил на родину в Кёнигсберг.

Дома тот вступил в масонскую ложу, открыл лавку по продаже рыболовных и лодочных принадлежностей, жил тихо и мирно, как и большинство горожан. Он исправно платил налоги, был немногословен, временами хмур и не всегда приветлив с окружающими. Иногда к нему заходили люди, с которыми он уединялся, запирал лавку и решал какие-то свои, возможно, коммерческие вопросы.

Следуя рекомендациям врачей и преодолевая боль, отставной капитан всё-таки приучил себя к ежедневным прогулкам по городу. Ногу нужно было постоянно разминать. Поэтому Хельке, сильно прихрамывая, ходил без палки, которую иной раз приятно было бы опереться в руке или опереться на неё.

Сегодня, во время очередной прогулки, отставной капитан почувствовал за собой слежку. И это немало удивило его. От своего дома в Трагхайме он дошёл до альтштадтского рынка, где купил кусок мороженой свинины, кружок копчёной колбасы и соли, потом зашёл в аптеку, что возле городской ратуши, где приобрёл мазь для больной ноги, и решил заглянуть в кабачок «Усы сома», чтобы отведать кружку местного пива. Но, странное ощущение, что за ним кто-то неотступно следует, не давало покоя. Он замедлил шаг, достал трубку, потянулся за кисетом.

«Холодная нынче зима выдалась, - подумал Хельке, набивая табак в трубку. – Много мастерских закрыто, непривычно тихо вокруг». Он прислушался. Приглушённый стук конских копыт, звон сбруи...

- Попался, гадёныш!

Карманный воришка, мальчишка, лет двенадцати, попытался что-то вытянуть сумки Хельке, но был пойман за руку. Так вот, кто следил за ним!.. Эти малолетние карманники заранее выбирают жертву, долго выслеживают и пытаются освободить её от собственных вещей где-нибудь в глухом месте, или же наоборот, действуют в толпе, в которой потом легче скрыться. Маленький оборванец с чумазым лицом попытался вырваться, но отставной капитан лишь усилил хватку. Наконец, под огромной пятернёй Хельке что-то хрустнуло, и карманный воришка взвыл от боли.

- Ступай прочь, - бросил бывший артиллерист незадачливому вору. – Если же встречу тебя снова, оторву голову! – Оглянулся – где-то поблизости возможно, прячутся его дружки... Никого. – Пошёл вон!

Всклипывая и поскуливая, мальчишка зажал сломанную руку, и побрёл обратно, в сторону рынка. Проводив его недобрым взглядом, отставной капитан похромал дальше, в сторону Кёнигштрассе. Он не заметил, как следом за ним бесшумно двинулась фигура человека в тёмном зимнем платье.

- Немецкое самоуправление с приходом русской администрации в своих правах ничего не потеряло, - объяснял Василий Суворов сыну. Они сидели в тёплом кабинете губернатора в Королевском замке. – Все городские службы работают, как и до нашего прихода. Русская же монета, чеканящаяся здесь, не в пример фридриховской, очень ходовая в Пруссии. Рекрутчину мы заменили налогом, причём, не самым высоким... Достроили восточное крыло Королевского замка... Мы даже не всех прусских орлов убрали с фасадов зданий, – усмехнулся он. – На Сиротском доме в районе Закхайм до сих пор такой висит. Да и пусть... Штайндаммская кирха сейчас используется нами как православный храм... А с

1639 года в Кёнигсберге действует полиция. Посему я обратился к бургомистру и начальнику полиции с просьбой выделить нам для обеспечения безопасности горожан... некоторых сведущих людей. Кёнигсберг же сейчас – как перевалочная база, снабжающая продовольствием наши войска, действующие в Померании и Бранденбурге. Вокруг – множество складов. Я только намекнул начальнику полиции о том, что шпионы Фридриха собираются поджечь зернохранилища, а вместе с ними и весь город, ты же знаешь, как прусский король был возмущён присягой населения Кёнигсберга на верность нашей императрице, так он тут же обещал поставить в наше распоряжение нескольких цепных псов... Я имею в виду не собак, а полицейских чиновников. Среди них имеются весьма опытные люди, со своей агентурой. Так что, наши ставки должны увеличиться.

- А я, батюшка, заинтересовался ремеслом француза Дибирье. Так и сказал ему, что мне мешают несколько человек...

- Ты был у него дома?

- Да, теперь я знаю, где он живёт, и к нему можно будет приставить людей... Но местным полицейским я не доверяю. У меня, батюшка, есть первоклассные сыскари! Из казаков-пластунов, с которыми я побывал в Берлине. Это такие люди, что выведывают всё, что угодно, а их самих даже не заметишь. Позволь мне привлечь своих знакомцев-пластунов к нашему делу!

- Твои пластуны хороши в чистом поле, - подумав, ответил Суворов-старший. – Или в лесу, на крайний случай – в горах. Здесь, в городе, боюсь, они не смогут проявить свои необыкновенные способности.... Полицейские же на вполне законных основаниях имеют право учинить обыск в доме любого горожанина, который подозревается в преступлении. Например, у того же Дибирье! А твои казаки пусть следят за нашими «подопечными», выведывают их связи.... Кто с кем встречается, какие ведут разговоры, где проживают... Кстати, что тебе ответил француз?

- Он сказал, что поможет мне расправиться со всеми...

- Ваше высокопревосходительство, - обратился к Василию Ивановичу адъютант. – К вам – офицеры, которых вы вызывали.

- Зови!

В кабинет генерал-губернатора вошли три пехотных офицера.

- Поручики Болотов и Непейцын, капитан Тригуб, - представил Василий Иванович вошедших офицеров сыну. – А перед вами – подполковник Суворов Александр Васильевич.

Молодые люди с интересом взглянули на сына генерал-губернатора. Как позже писал Болотов: «О сем удивительном человеке носилась уже и тогда молва, что он был странного и особенного характера и по многим отношениям сущий чудак». Подполковник поднялся и пожал руки офицерам. Взгляд у него был ироничен, в глазах смеялись чёртики.

- Это и есть, батюшка, ваши молодцы, коим можно доверить столь щекотливое дело?

- Они и есть. Да вы присаживайтесь, господа. У меня к вам настолько важное и секретное дело, что о нём лучше всего говорить в тихой и спокойной обстановке, за чашкой чая... Захар! Неси самовар!

25 января 1761 года выдалось воскресным солнечным и блестящим днём. Мороза совсем не ощущалось. Напротив, с облаканных светом и теплом черепичных крыш, весело

сверкая, срывались крупные капли, падая в грязный утоптаный снег. Кое-где даже появились небольшие лужицы талой воды. «Пора уже подумать о новых сапогах...» - грустно размышлял капитан Василий Тригуб, поскольку почувствовал, что его правый чулок сделался влажным... Рядом, весело переговариваясь, шагали два его товарища – Андрей Болотов и Сергей Непейцын.

Два дня назад они получили довольно неожиданное задание от генерал-губернатора Пруссии Василия Суворова. Сыск – дело полицейского, а не военного чина. Но, когда смертельная опасность угрожает самой государыне, тут уж не до служебных тонкостей. Сам подполковник Суворов, рискуя репутацией, проник в масонскую ложу для того, чтобы выведать человека, способного совершить такое страшное злодеяние. Обо всём этом генерал-губернатор строжайшим образом приказал молчать, не говорить никому, не писать в мемуарах и не рассказывать даже перед смертью.

Сегодня они играли роль бесшабашных, отдыхающих офицеров, прогуливающих по интересным городским местам, коих в Кёнигсберге в это время находилось немало. На самом деле они отслеживали одного из тех, от кого опасность могла грозить их императрице. Они шли за французом по имени Леон Дибирье, невысоким, полным человеком средних лет. Тот, одетый в серую бекешу и шляпу, шествовал из Альтштадта в сторону Лёбенихте мимо Королевского замка, который величественно наблюдал за снующими под его стенами людьми, пряча добродушную усмешку под остроконечными крышами башен.

В руках загадочного француза был чёрный кожаный саквояж. Вероятно, масон намеревался с кем-то встретиться. Дибирье не торопился. В подвале одного из домов был устроен небольшой кабачок, на пороге которого сидел подвыпивший матрос, пытающийся набить трубку табаком, но постоянно просыпавший оный мимо трубочной чашки. Из погребка аппетитно пахло жареным мясом, и доносились грустные звуки скрипки. Торговцы и ремесленники препровождали здесь своё время в пустяковых разговорах, курении табака и распитии пива. Приятели почувствовали голод и подумали, что было бы неплохо, если б Дибирье зашёл в кабачок перекусить.... Так тот и поступил. Видимо, именно тут у него и была запланирована встреча... Друзья спустились вслед за французом и заняли свободный столик, откуда продолжали вести наблюдение.

- Господа, приветствую вас! – широко улыбаясь, драгунский капитан Уфимцев шагнул к вновь прибывшим гостям. Было заметно, что он в этом кабачке – завсегдатай и находится здесь уже довольно давно.

- Если хотите хорошо и вкусно покушать, рекомендую клопсы (33)! – капитан подсел к офицерам. – А если вы не против хорошей выпивки, то кроме шнапса вам ничего здесь не нальют.

- Пожалуй, с него мы и начнём, - согласился с ним Тригуб. – У меня прохудился сапог, боюсь, без шнапса могу и простудиться.

- Конечно, Василий Егорыч! А твои друзья не будут возражать?

- Нисколько, господин капитан... - ответил Непейцын.

- Бросьте! Называйте меня по имени-отчеству... Трифон Петрович, к вашим услугам...

- Андрей Тимофеевич, - представился Болотов.

- Сергей Иванович, – учтиво поклонился Непейцын. – Что же, шнапс – это немецкая водка?

- Аннушка, - позвал Уфимцев девушку, прислуживающую в кабачке. – Нам шнапсу и клопсов!.. – И, обращаясь уже к Непейцыну: - Да, дорогой Сергей Иваныч, это ихняя водка. Не так, чтоб очень, но... старайтесь не злоупотреблять!..

Пока расторопная служанка собирала на стол, подвыпивший кавалерист рассказал о том, что шнапс производимый в Германии с начала XVI века, является весьма распространённым и популярным напитком. Слово «шнапс», как пояснил офицерам драгун, произошло от старонорвежского «snarpen», что означает «глотать, пить залпом».

- Разновидностей шнапса множество, причём, у каждого хозяина кабачка имеется собственный рецепт, - объяснил Трифон Петрович. – Обычно его делают из картофеля, свекловицы, пшеничного солода и ячменя. Я, господа, рекомендую шнапс, настоящий на травах, он слегка горчит. А фруктовый чересчур сладок...

- Господа русские офицеры будут запивать шнапс пивом? – спросила Анна, выставляя на стол заказ. – В Германии мужчины обычно так и делают, беря в расчёт: большая кружка пива на рюмку или глоток шнапса. «Если на столе находится сельдь, то без него никак не обойтись», - так говорится у нас, - она вызывающе улыбнулась и сверкнула глазками. – Если господам офицерам угодно, то сельдь сейчас же будет подана!

Дибирье, как заметили офицеры, тоже заказал «немецкую водку» и утку.

- Какой шнапс предпочитаете? – спросила Анна. – У нас, в Кёнигсберге, он имеет разные названия.

- Например? – улыбнувшись, спросил Болотов.

- Например, «Pregelgestank» (34). Такое название «навеяно»... характерной прегельской вонью, которую вызывают западные шторма и нагонные ветры в Кёнигсберге. А если хотите, могу предложить вам «Кровавую язву». Это - излюбленный шнапс наших грузчиков. Он смешивался из яичного коньяка и вишнёвого ликёра. Ещё его называют «Складская крыса»...

- А более благозвучных названий у вас нет?

- Есть. Вот шнапс «Подозрительный слон». Но он подаётся с яичницей-глазуньей. Так какой предпочитаете?

- Подавай тот, что меньше воняет, – приказал драгун и погладил служанку пониже спины.

К посетителям кабачка, коих насчитывалось десятка полтора, прибавился ещё один. Это был человек с длинными нечёсаными волосами, в чёрной шляпе, в бостроге и ботфортах, что выдавало в нём моряка. Он подсел к Дибирье и между ними сразу завязался оживлённый разговор. Новый посетитель заказал себе пива и жареных колбасок.

- Говорят по-французски.... Беседуют о скорой поездке в Санкт-Петербург, - шепнул Непейцын на ухо Болотову. Тот кивнул головой.

Двое бедно одетых подростков играли в кабачке на скрипичах, развлекаая посетителей. Они чередовали грустные и весёлые мелодии. Народу постепенно прибывало.

Вскоре Дибирье заказал себе кофе и марципан в форме сердечка, а его сосед закурил трубку и попросил серый горох с салом.

- А мне нравится Кёнигсберг, – уверенно заявил Уфимцев. - Жители этого города живут в достатке, нищих и попрошаек попросту нет... Но и излишеств себе не позволяют, а такого я прежде не замечал нигде. Это не Польша – здесь роскошь и мотовство не в чести!

- Вы правы, Трифон Петрович, - заметил Болотов. - Здесь даже знатные люди ведут жизнь размеренную и несколько уединённую. Вы заметили, что они предпочитают ходить пешком, а карет и богатых экипажей на дорогах чрезвычайно мало?

- Зато у нас в Москве всякий купчишка, дабы показать свою важность, закатит такой галоп, что только держись!

Тригуб слегка толкнул локтём Непейцына. Тот повернул голову и увидел, как Дибирье раскрыл саквояж и вытащил из него какой-то свёрток, который тут же передал соседу-моряку. Тот поднялся, спрятал полученное от француза под бострог и направился к выходу.

- Я – за ним, - шепнул своим спутникам Тригуб.

- Будь осторожен, Василий.

Едва за соседом Дибирье и последовавшим за ним капитаном закрылась дверь, засобиравшись и сам француз.

- Трифон Петрович, - обратился к кавалеристу Болотов, - нам пора! Мы прекрасно провели время. Приятно было познакомиться!

- Уходите? Так скоро?... Ну, а я ещё посижу. Аннушка, пива мне!

Дибирье не спешил домой. Он чинно шествовал по улицам города, никуда не торопясь. Два офицера следовали за ним, не забывая посматривать по сторонам. Время близилось к полудню...

Нельзя было не заметить, что дома в Кёнигсберге, даже в лучших частях города, были довольно узкие и казались очень тесными. Большинство зданий не достигали и пяти саженей в ширину. При этом окна выходили только на одну сторону, да и то - всего по два-три окошка, а боковые стены обычно оставались глухими. Но этот недостаток компенсировался высотой строений и большим количеством этажей. Дворы были не у всех зданий, и предназначались они, в основном, для хранения дров. Наружные двери домов обычно были разделены надвое, поперёк. Верхняя половина днём могла быть распахнута для освещения, а нижняя часть двери чаще всего оставалась закрытой, препятствуя входу посторонних.

Дибирье неспешно продолжал путь. Было заметно, что прогулка доставляет ему удовольствие. Дороги были вымощены булыжником, снег и лёд с них был сметён. На чистые улицы вышло немало народу, радуясь хорошей погоде в этот воскресный день.

А вот, словно трёхпалубный корабль, выплыл непотребный дом, в котором посетители за деньги могли получить любую девицу из имеющегося состава. Уж не туда ли направил стопы загадочный француз? Работы у девиц лёгкого поведения сегодня было мало, они смотрели в окна и, громко смеясь, зазывали в свои покои всех прохожих. Данное публичное заведение мало интересовало офицеров, поскольку на памяти было немало случаев, когда их сотоварищи пострадали от дурных болезней. Другое дело - нарядные благородные барышни, степенно разгуливающие между торговых лавок, с интересом и некоторым смущением поглядывающие на молодых людей в военной форме. Правда, большинство из них шествовало в сопровождении строгих мамаш или служанок, но были и исключения... Для обольщения молоденьких девушек у приятелей всегда были наготове дежурные



комплименты, забавные рассказы и шутки, а также целый арсенал иных мужских хитростей...

С одной улицы, на которой торговали картинками художников, книгами и даже газетами, и что более всего удивило - диковинными камерами-обскура (35) и мелкоскопами, для разглядывания разных букашек, офицеры узеньким кривым проулком, спугнув стаю голубей, прошли на другую, заполненную лавочками с разными съестными припасами: колбасами, сырами и булками. Следуя по ней, приятели оказались на площади перед ратушей, заполненной многочисленными торговцами и покупателями.

В этот час здесь же на дощатом помосте нелепо одетые и ярко раскрашенные комедианты давали своё представление. Они всячески кривлялись и выкрикивали в толпу свои глупые и грубые шутки. Но, несмотря на то, что они несли полный вздор, городская чернь наблюдала за ними с открытыми ртами. Тут же прохаживались продавцы каких-то сомнительных лекарств и шныряли подозрительные мальчишки, очень похожие на карманных воришек. Для тех и других такое скопление народа обеспечивало хороший заработок...

Но тут грянули трубы, и на площадь вышла торжественная, но весьма странная процессия. Зрелище было воистину впечатляющим: впереди шагали человек десять в чёрных шляпах с начищенными до блеска медными трубами, за которыми бежали и что-то кричали восторженные ребятишки. За ними важно следовали знаменосцы, и, наконец, около сотни мастеров и подмастерий вынесли на всеобщее обозрение огромную колбасу, длиной никак не менее пятисот локтей! (36). Процессия двигалась прямо к расставленным на площади столам. Видимо, здесь должно было вскоре разыгаться настоящее пиршество.

Народу всё прибывало. Шум, смех, шутки...

- Смотри! - негромко произнёс Непейцын и дёрнул Болотова за рукав.

- Вижу, - ответил тот. - Боже, какая встреча...

Неподалёку от церкви святого Николая французский чернокнижник встретился не с кем-нибудь, а с самим полковником Половинкиным! Оба офицера прекрасно знали этого штабиста. Они часто встречали его в высоких кабинетах, особенно здесь, в Кёнигсберге, однако на поле боя не видели ни разу.

Полковник с французом о чём-то потолковали минут пять, причём, было видно, что разговор их довольно серьёзен. Затем Дибирье вынул из саквояжа другой свёрток и передал его Половинкину. Тот, не разворачивая, сразу сунул его под епанчу. На том они и расстались.

- Я за полковником, - сказал было Непейцын, но вовремя остановился. За Половинкиным пошёл сам подполковник Суворов. Он едва заметно кивнул друзьям и взглядом указал следовать дальше за Дибирье.

Капитан Тригуб, сопровождая, как он назвал незнакомца в бостроге, «шкипера», оказался на острове Кнайпхоф. Преследуемый шёл неторопливо, но уверенно. Его походка, слегка косолапая, подтверждала догадку офицера о том, что перед ним - моряк. Выйдя на самую красивую улицу Кнайпхофа, Мильонную, «шкипер» зашёл в богатый особняк. Василий внимательно осмотрел его. Никаких приметных табличек над дверью не висело. Только дощечка с изображённым циркулем и наугольником. Дом был трёхэтажный с высокой черепичной крышей и остроконечным флюгером. Крыльцо дома, как заметил капитан, было изготовлено из дерева, обмазано кипящей смолой и посыпано железной

окалиной, которая застыв, напоминала изделие из чугуна. Таких крылечек, как заметил Тригуб, в Кёнигсберге было множество, они выглядели добротны и практически не гнили.

Запомнив дом, капитан отошёл к реке и стал ждать. Он был уверен, что «шкипер» скоро выйдет. Не мог он жить в таком роскошном особняке.

Зигфрид Хельке пришёл домой в скверном настроении. Не отпирая лавку, поднялся к себе в комнату, сел у окна. На душе скребли кошки. Этот паренёк-воришка вполне мог оказаться его сыном... Напрасно он так круто с ним поступил.

Восемь лет назад Зигфрид ушёл на поля Европы, которые чуть позже превратились в поля **кровавопролитных сражений**... Здесь, в Кёнигсберге у него оставались жена и годовалый сынишка. Около двух лет назад он вернулся домой, но не застал здесь никого из родственников. Что с ними случилось, никто не знал. Поговаривали, что жена его умерла, а что стало с сыном - неизвестно. Погоревав, он принялся за восстановление дома и хозяйства. Помогать офицеру-калеке согласилась соседка, Магда Таль, молодая светловолосая солдатская вдова. Она стирала ветерану бельё, готовила еду, присматривала за маленькой мастерской и лавочкой, которые вскоре заработали на полную катушку. Хельке торговал рыболовными сетями, крючками, леской, ореховыми удилищами и прочим инвентарём, популярным среди мужского населения города.

Однажды Хельке возвратился домой из кабака, где позволил себе чуть больше обычного шнапса с пивом. Увидев хлопчущую возле печи Магду, её ладную фигуру, он облизнулся и, заграбастав её в свои объятия, потащил наверх, к себе в логово. Но бойкая молодка отчаянно сопротивлялась. Сильному мужчине пришлось отступить.

- Это ещё что такое, мерзкий, противный Хельке? - вскричала Магда. - Что ты себе позволяешь, старый кобель? Если девушка из жалости помогает тебе по хозяйству, значит, её можно тащить и в постель?.. Впрочем, - сбавила она тон, отряхивая юбку и исподлобья наблюдая за обескураженным ветераном, - если ты хочешь на мне жениться, то я бы пошла за тебя. Но только я хочу, чтобы всё шло законным путём! А распускать руки не смей!

Бывалый воин смутился. Посмотрел на свои руки, постоянно испачканные смолой и клеем...

- Я женат, - глухо и обречённо произнёс он.

- Врёшь, Хельке! Ты - вдовец! Твоя Анна умерла три года назад. И я даже знаю, где она похоронена!

- У меня есть сын, - ещё более глухо добавил капитан.

- Вот и найди своего сына, - Магда под села к Хельке, слегка прильнув к нему грудью. - Скорее всего, его отвели в Сиротский дом, что в Закхайме. Отыщи его, докажи, что ты - настоящий отец! Тогда я выйду за тебя замуж, и мы заживём дружной семьёй! И, даст Бог, - у нас появятся ещё детки!

Хельке молчал. Он был настолько ошарашен, что не находил слов.

- Подумай над этим, - уходя, бросила Магда ветерану. - Найди своего сына и приходи к моим родителям. Они не станут возражать. А я - тем более!

На следующий день Зигфрид Хельке отправился в Закхайм. В Сиротском доме его встретил ленивый толстяк Фриц Фламмель, служитель при доме, ведающий финансовыми, бухгалтерскими и другими документами.

- Гент Хельке? - спросил он, прищуриваясь и открывая учётную книгу. - В каком году он к нам поступил? - и перелистнул несколько страниц.

- Года три назад, - ответил Зигфрид. - Когда умерла моя жена. Я тогда воевал в армии Фридриха...

- О, Фридрих... - вздохнул Фламмель. - Величайший воитель... Но мы сейчас все - подданные русской императрицы...

- Люди говорят, что моего сына отвели к вам. Посмотри записи, начиная с 1757 года...

- О, ты знаешь, сколько несчастных сирот прибыло к нам за это время? - ещё более тяжело вздохнул Фламмель.

- Вот тебе за труды, - Хельке положил на стол несколько талеров.

- Айн момент, - пальцы пройдохи моментально зашелестели книжными страницами.

Хельке, затаив дыхание, наблюдал за работой секретаря.

- Да, - через минуту обрадовано воскликнул Фламмель. - 14 сентября 1757 года к нам привели мальчика шести лет, сироту...

- Вот и прекрасно! - взмахнул рукой Хельке, не в силах сдержать свои чувства.

- погоди радоваться... Да, это твой сын, Гент Хельке. Но он...

- Что? Тоже умер? - лицо у капитана мгновенно потемнело.

- Нет, - испуганно произнёс Фламмель. - Но, похоже, что мальчишка сбежал...

- Как сбежал? - в удивлении раскрыл рот Хельке.

- В те времена всякое бывало... Война, присмотра за сиротами - никакого. Тогда многие убегали из Сиротского дома. Вот и твой сын, по-видимому... Тоже сбежал, спутался с мальчишками из городских подворотен...

- Где мой сын? - взревев, Хельке схватил за грудки Фламмеля, вытащил его из-за стола и сдавил ему горло. Казалось, ещё немного - и толстый секретарь распротится с жизнью...

- Что тут происходит? - чей-то строгий голос спас Фрица, разгневанный капитан едва не задушил его.

- Да вот... пришёл... - с выпученными глазами, хватая ртом воздух и глотая слова, попытался объяснить Фламмель.

- Я ищу своего сына, Гента Хельке, - ответил артиллерист, свирепо сверкнув очами. - А вы кто такой, господин?

Появившийся внезапно и как нельзя вовремя человек в чёрном камзоле, белой рубашке, чёрных панталонах и белых чулках, выглядевший на шестьдесят с лишним лет, ответил:

- Я - смотритель Сиротского дома Карл Апфельбаум! Что за бузу вы устраиваете здесь, в богоугодном заведении, сударь?

- Я ищу своего сына, - отрывисто ответил Хельке. - Которого доставили сюда, когда умерла его мать. Это случилось в сентябре 1757 года. Я тогда был на войне...

- И что же?

- Этот господин, - Хельке кивнул на Фламмеля, который понемногу приходил в себя, - утверждает, что мой сын сбежал...

- Видите ли, сударь, - мягко произнёс Апфельбаум, взяв капитана за рукав шерстяного кафтана. - Такое нередко случается с мальчишками... Я уверен, что он сбежал и присоединился к ватаге своих сверстников... Сколько ему сейчас лет?

- Девять...

- Я надеюсь, что он жив и здоров. И вы найдёте его... Но не в нашем заведении, а на улице... В подвалах домов, в порту, в церкви... Скорее всего, он попрошайничает где-то...

С той поры, вот уже больше года Зигфрид Хельке ищет своего сына. Он присматривается ко всем мальчишкам, снующим по улицам Кёнигсберга, заходит в церкви и сиротские приюты, но пока это не дало никаких результатов. Впрочем, старый солдат и не думал отчаиваться.

## Глава 7. На балу

Генерал-губернатор Пруссии Василий Иванович Суворов, в отличие от своего предшественника Николая Корфа, вёл скромный образ жизни, не затевая шумных балов и маскарадов. Зато он умело вёл дела, вникал в любой хозяйственный вопрос и никому не позволял «водить себя за нос». Впрочем, иногда происходили события, которые «взрывали» эту скучную, уединённую жизнь. К таким событиям можно отнести приезд к отцу двух его дочерей, «совершенных невест», как писали очевидцы. В подобных случаях счастливый отец позволял себе закатить настоящий бал.

- Бал! Мы немедленно проведём бал! – отдавал приказ Суворов и весь механизм подготовки к такому значительному мероприятию начинал действовать. О времени и месте проведения бала оповещалась вся городская знать. Как и в любом европейском городе, дамы начинали считать часы до столь знаменательного события, примеряя новые наряды и придирчиво разглядывая себя в зеркале. Кавалеры подкручивали усы, иногда напوماживали парики, однако, далеко не все считали бал такой уж необходимостью. А деловые люди готовились в перерывах между танцами к важным беседам с нужными и высокими чинами, и решению насущных проблем, ибо, когда же ещё, как не в лёгкой, непринуждённой обстановке можно решить оные и поставить для себя новые цели? Музыканты проверяли инструменты, переписывали свои нотные сборники. Прислуга готовила отведенные под бал помещения, в основном, большой зал в Королевском замке, повара принимали заказы на изысканные блюда, главные распорядители были озабочены приобретением достаточного количества разнообразных вин, пуншей и других горячительных напитков. А кондитеры старались удивить публику новыми изобретениями в искусстве приготовления всевозможных десертов и кремов, безе и суфле. Кёнигсбергские сладёны обожали Schmandund Glumse (37), это блюдо ещё называлось «творожный упрямец», и с удовольствием лакомились марципанами со сладким и горьким миндалём.

В Кёнигсберге отпраздновали Крещение Господне, а вскоре приехали и дочери Василия Ивановича, Анна и Мария. После радостной встречи было объявлено: начинаем готовиться к балу-маскараду!

И вот в четверг, ровно к назначенному часу в Замок начали съезжаться гости.

Приглашение на бал-маскарад получили все знатные семейства Кёнигсберга, сановники и представители прусского дворянства, а кроме того – командиры и молодые гвардейские офицеры расквартированных в городе русских частей, последние - в качестве партнёров для танцев. Приглашение получил обер-полицмейстер Кёнигсберга Иоахим Заммель и несколько его доверенных лиц, служащих в полиции. Кроме них, Василий Иванович выказал надежду увидеть на балу профессора Альбертины доктора Майбаха, а также небезызвестного Иммануила Канта. Всего же должно было собраться около пятисот человек...

Губернатор с сыном встречал всех приглашённых на парадной лестнице, устланной дорогими коврами, по бокам которой теснились тропические растения в кадках, а душистая вода струилась из специально устроенных фонтанов. Входящие гости раскланивались, и, поприветствовав губернатора, проходили в главную залу...

Здесь же состоялся очередной разговор отца с сыном.

- Видишь ли, Александр, - озабоченно говорил Василий Иванович, - я сам не ожидал, что наша затея окажется такой непростой и опасной. Врагом нашей императрицы оказалась всесильная тайная организация. От неё каждую минуту можно ожидать удара в спину. Я по роду своей деятельности приобрёл большой дипломатический опыт. А посему послушай мои предостережения: не спеши сходить на короткую ногу с новыми знакомыми. И меньше откровенничай даже с самыми близкими людьми, иначе - пожалеешь. Помни: «язык мой - враг мой»!

Александр Васильевич галантно откланялся проходящей мимо чете Каневиц. Марк Каневиц был хозяином альтиштадтского порта.

- На балу не следует утомлять присутствующих серьёзными и деловыми разговорами... – отшутился младший Суворов, - Давайте, батюшка, поговорим лучше о театре, он тут превосходный... А если оставить иронию, то не думаете ли вы, что на этом празднике нам что-либо угрожает?

- Кто знает, дорогой сын, только ухо надо держать востро. А ты, голубчик, впредь ничьими советами не пренебрегай - сначала выслушай. Право же, следовать им или нет, останется за тобой.

Дворянский бал-маскарад - это часть светской жизни, которая всегда наполнена радостями и горестями, переживаниями и страстями. Это лицедейство и игра, кокетство и ревность, страсть и любовь!

Сегодняшний праздник был устроен традиционно: самый большой зал предназначался для танцев. Он был украшен зеркалами и освещен тысячами восковых свечей. Между колоннами были расставлены «живые картины» в золотых рамах, в которых красавицы в античных туниках изображали произведения великих живописцев. В смежной комнате находились шахматы, шашки и даже бильярд; в третьем помещении - трубки и табак, бутылки с винами и закуски. Этажом выше располагались всевозможные уборные для дам, комнаты для прислуги, а также великолепный просторный зал для последующего ужина.

Музыкальное сопровождение обеспечивал духовой оркестр, состоящий из музыкантов, играющих на трубах, фаготах, гобоях, литаврах и валторнах.

Нарядные дамы в роскошных воздушных платьях, в большинстве своём это были разноцветные роброны с фижмами (38), и белоснежных шёлковых перчатках выше локтя плавно прохаживались, обмахивая себя цветастыми веерами. Военные щеголяли в парадных мундирах, при медалях, но в бальных башмаках. Господа из штатских надели новые сюртуки и камзолы с белоснежными рубашками со стоячими воротниками. Большинство гостей закрывали лица причудливыми масками, многие явились в испанских или турецких нарядах. Кто-то изображал рыцаря, закованного в стальные латы, иной – мушкетёра, третий – одноглазого пирата...

Сёстры Анна и Мария Суворовы, молодые светловолосые барышни с румяными щёчками и светящимися от удовольствия глазками, обе удивительно похожие на батюшку, держались скромно, посреди многочисленной и малознакомой публики. Однако, отчасти из-за высокого положения их отца, обе пользовались большим успехом. Их, прикрепленные к поясу ажурных робронов бальные книжечки (39), в которые вписывались имена кавалеров, желающих танцевать с ними тот или иной танец, были расписаны в течение десяти минут. Кстати, к Марии сразу стал проявлять внимание генерал-провиантмейстер-лейтенант, князь Иван Романович Горчаков.

Танцы открылись полонезом. Заиграла торжественная музыка. После ангажирования кавалерами дам, пары начали своё движение. В первой паре шёл сам губернатор с графиней Хёбе, приехавшей в Кёнигсберг из пылающей огнём Саксонии. Они и задали тон движениям, которые стала повторять вся колонна танцующих. Как известно, этот танец похож на изящную, требующую строгого ритма прогулку под музыку, но вместе с тем, он требует строгости осанки, горделивости и собранности. Сегодня он напоминал выставку блеска, пышности и знатности. Во время шествия под фанфарную музыку гости, не зависимо от своего возраста, имели возможность показать себя, свой наряд, светскость манер и благородство.

- Почему вы не танцуете? – доктор Майбах подошёл к одиноко стоящему возле столика с напитками Канту. – Губернатор настоял передать вам своё личное приглашение. Взгляните на его дочерей, чем не пара знаменитому философу? Согласитесь, что обе – хорошенькие? Вон, за Марией уже ухлёстывает русский князь...

Большоголовый, несколько сутулый и задумчивый приват-доцент явно ощущал себя на балу не в своей тарелке. Он не чувствовал к себе никакого внимания, и это несколько задевало его самолюбие. Его привычный, поношенный сюртук, на сей раз сменил нарядный камзол, в карманах которого едва ли нашлась бы пара пфеннигов.

- Вы предлагаете мне обратить внимание на Анну? – усмехнулся приват-доцент. – О чём же мне с ней беседовать, о мыслях по поводу истинной оценке живых сил (40)? О применении связанной с геометрией метафизики в философии природы (41)? Не хотите ли партию в бильярд, профессор?

- Охотно. Но зря вы не допускаете понимание женщиной математики и метафизики. То, что она не может выразить логически, она воспринимает и оценивает сердцем!

- О, вы тоже философствуете, старина Майбах, - улыбнулся Кант. – Боюсь, не пострадает ли от этого медицина?

Они с доктором пригубили токайского.

- Я готов вам проиграть в бильярд, - заявил с улыбкой Майбах, - но, уверяю вас – философский спор вы у меня сегодня не выиграете!

Они проследовали в бильярдный зал. Пока Кант осматривал кий и «проходил» мелком по его кончику, доктор встал к окну, слегка отдернул тяжёлую штору и выглянул на улицу.

- Что вы там увидели, любезный доктор? Звёзды? Понимаю вас, звёзды притягивают взгляд человека...

Майбах вернулся к столу. Взял в руки кий. Кант, между тем, приготовил шары из слоновой кости, соорудив из них треугольное каре.

- Я убеждён, дорогой коллега, что звёзды тоже смотрят на нас, только более пристально. Ночное небо напоминает человеку о том, как мы малы и слабы... Люди приходят в мир из этой необъятной бездны, в неё же и возвращаются. И время стирает наши следы, как прибой слизывает детские «куличики»...

Кант выставил на поле основной шар.

- Прошу вас, доктор. Покажите, как вы будете разбивать мои философские теории... - и вдохновенно продолжил: - А что мы знаем о времени? Если разобраться, то его вовсе не существует. Ведь промежуток между любыми событиями появляется только в результате осмысления его человеком. Следовательно, время – не природное явление, а продукт нашего разума...

- А позвольте поинтересоваться, что же тогда показывают наши часы? – спросил врач.

- Часы - это механизм, который ничего не измеряет: просто мы привыкли согласовывать свои действия и сверять их по количеству просыпавшегося песка или утекающей воды, по отметкам на циферблате. С таким же успехом можно взять за эталон вращение ветряной мельницы. Но в этом есть и некоторый смысл: по сути, иллюзия времени позволяет нам создать в жизни некий порядок: не придумай мы такое понятие, как «время», вокруг был бы полный хаос.

Майбах ударил по шару. Тот разнёс каре, его собратья рассыпались по полю, но никто не упал в лузу.

- Я убеждён, - ответил Майбах, - что в каждый миг жизни мы находимся на распутье своей судьбы и можем повернуть или изменить её... Вы не находите, коллега? Я уверен в том, что в нашей жизни нет абсолютно ничего случайного: своими мыслями, словами и поступками мы формируем свой сегодняшний день и свое будущее. Так что будете ли вы наслаждаться, или наоборот, только мучиться, целиком и полностью зависит от вас. Ведь мысли формируют события.

- Одно знаю точно, - ответил Кант, - чтобы ни случилось, нельзя смириться и покорно плыть по течению жизни. – Он нанёс удар. Неточно... - Глупо отдаваться воле её безразличных волн. Непременно стоит бороться: в первую очередь со своими слабостями. Однако чтобы перенаправить вектор жизни, необходимо приложить колоссальные усилия. Вот только, не каждый на это способен...

- Согласен...

- А искушение сдаться, - продолжал Кант, - бывает особенно сильным незадолго до победы. На всякий случай... нужно отрастить себе коготок, чтобы зацепиться или

упереться, а при необходимости и вонзить его в обидчика... И верить в Бога тоже бывает полезно... особенно в тяжёлые моменты своей жизни..., - он обошёл вокруг стола, примеряясь к удару. - А вот если бы вы стали Богом, профессор, то что бы изменили в первую очередь?

- Быть может, избавил людей от страданий и болезней..., - Майбах загнал в лузу один шар. Второй лезть туда напрочь отказался.

- ...И они превратились бы в самодовольных и неблагодарных тварей. Видите, насколько чрезмерная честность граничит порой с глупостью... Я уже не говорю, что вы бы остались без работы. Нет, человеку непременно нужны страдания и страхи, сомнения и муки совести... Их осмысление и преодоление закаляет нашу душу, заставляет следовать божьим заповедям... А если дать человеку всё то, чего он желает, он в ту же минуту почувствует, что это всё - не есть всё... Впрочем, я не собираюсь вам ничего доказывать: красоту и так видно, ум - слышно, а доброту чувствуют сердцем! И никогда не преувеличивайте любовь властителя, верность друзей и глупость врагов!

Доктор внезапно потерял интерес к игре.

- Я всегда жалел людей и желал им добра, - сказал он. – Даже не знаю, хорошо это или плохо, потому что мне это обычно приносило одни разочарования...

- Я думаю, - задумчиво произнёс Кант, - что нам следует стремиться к тому, чтобы добра на земле стало больше. Жизнь можно считать прожитой не зря, только если удалось сделать кого-то счастливым. «Светя другим, сгораю сам!» - таков девиз врача. И не только врача. Мир, окружающий всякого человека, озаряется его внутренним Светом! И чем больше мы его отдаем, тем светлее становится вокруг нас!

- Только не всегда его хватает на всех...

- Не стоит обольщаться: все мы с момента рождения начинаем медленно умирать... Однако тот, кто боится потерять жизнь, никогда не сможет ею насладиться... Доктор, что же вы встали? Ваша очередь!

Майбах ударил, впрочем, без особого успеха, и ответил Канту:

- Поэтому я считаю, что искусство лекаря заключается в том, чтобы пациент умер молодым, но как можно позже... - и продекламировал:

Давно мне хочется понять:  
Всегда ли дважды два – четыре,  
Рожден я брать или давать,  
Живём иль спим мы в этом мире?  
Кто зажигает звёзд огни,  
Чтоб ночью путникам светить?  
Куда уходят наши дни?  
Кто обрывает жизни нить?..

А бал продолжался. Следующим танцем стал менуэт (42). Он был построен на мягких, изящных и плавных движениях рук и корпуса, мелких скользящих шажках, которые перемежались поклонами и реверансами. Танцующие старались придать своим



фигурам изящные позы, причём дамы, грациозно опустив руки, слегка приподымали платье...

Александр Васильевич с некоторой завистью наблюдал за тем, как легко и непринуждённо выделывают замысловатые па его соратники и помощники: Тригуб, Болотов и Непейцын. Суворов таким умением похвастаться не мог, поскольку всю сознательную жизнь предпочитал глупым танцам строевую подготовку, а занятиям музыкой – чтение книг.

И вот настало время англеза, который представлял собой сценки ухаживаний кавалера за дамой. Последняя, в свою очередь, изображала побег и уклонение от преследований мужчины. К Александру Суворову подошёл недавний его знакомый – полковник Половинкин.

- Напрасно вы не танцуете, Александр Васильевич, - приветливо проговорил он, покручивая свой густой ус, - среди присутствующих особ имеется немало весьма недурных собой и даже неглупых дам и барышень... Так бы их всех и съел! – притворно прорычал он.

Глаза его мечтательно пробежали по стоящей вдоль стен публике, кое-где задерживаясь, губы сложились в неприятную улыбку.

- Мои ноги не приспособлены выделывать подобные кренделя, - уклончиво ответил подполковник.

- Зря, сударь, нужно брать пример с нашей императрицы Елизаветы Петровны, которая весьма искусна в бальных танцах.

- Государыня искусна не только в этом... - возразил Суворов.

- Ещё она превосходит всех в умении красиво одеваться и непринуждённо общаться, мой друг... – продолжал Половинкин.

- Всё это верно, господин полковник, - прервал его Суворов, - но величие Елизаветы Петровны в широте помыслов и неистощимом природном уме, наряду с присущей ей как женщине материнской заботой и элегантностью...

Тем временем раздались звуки французской кадрили, и полковник, взяв Суворова под локоть, заговорщицки зашептал:

- Дорогой Александр Васильевич, покорно прошу вас проследовать со мной. Я должен выполнить очень важное поручение... С вами желает познакомиться и протанцевать одна очаровательная Маска... Умоляю, не откажите... Я дал ей слово...

«Вновь начинается очередное сватовство... - с сожалением подумал Суворов, - Не по поручению ли отца он так хлопочет? Ну, что ж сейчас я вам всем покажу...»

- С огромной радостью, полковник, - широко улыбнулся он Половинкину, - только есть маленькая помеха, простите великодушно, но мне ужасно жмут новые башмаки, сейчас я их скину, и мы тотчас отправимся на свидание... - Суворов двумя лёгкими движениями сбросил свою обувь, оставшись в белоснежных чулках. – Вот так намного лучше... Ведите меня, сударь, скорее к даме!.. – поскольку последние слова были сказаны довольно громко, на реплику обернулось чуть ли не половина зала.

- Вы большой шутник, Александр Васильевич, - промямлил Половинкин, - и великий оригинал... Я, с вашего позволения, откланяюсь...

Полковник поспешно удалился, Суворов же стоял с невинным лицом и шевелил пальцами босых ног...

«Кёнигсберг – замечательный город, полный учёных людей, библиотек и книжных лавок, - думал он, обувая свои башмаки. - Здесь издаются газеты, и живут преимущественно мирные люди, не помышляющие о захвате чужих земель, а стремящиеся к добрососедству, труду и знаниям. Им в корне чужда война, они не испытывают ненависти к русским. Пленённые, они радушно принимают в своих домах победителей. Побеждённые, они по доброй воле принимают присягу на верность русской императрице. И, тем не менее, здесь находится осиное гнездо заговорщиков, желающих смерти нашей государыне...»

От размышлений его отвлекло лёгкое прикосновение к руке. Повернув голову, Александр Васильевич увидел стройную женскую фигурку в лиловом платье. Лицо незнакомки скрывала маска с перьями, выкрашенными в розовые и фиолетовые тона. Глаза её источали невыразимую тревогу.

- Берегитесь! Вам угрожает опасность! - негромко, но отчётливо произнесла она по-немецки. – Вас и генерал-губернатора решили убить!

Не дожидаясь ответа, дама упорхнула и затерялась в толпе гостей.

- Вот вам и тихий мирный город... - пробормотал Суворов, прохаживаясь между веселящихся гостей. – А батюшка-то был прав...

- Я, господин Заммель, - обратился Василий Иванович Суворов к обер-полицмейстеру Кёнигсберга, - хотел бы попросить вас предоставить мне исчерпывающие сведения о французе Леоне Дибирье и прусском офицере Зигфриде Хельке.

- Всё, что прикажете, ваше высокопревосходительство, - ответил тот. – Но могу я хотя бы узнать, чем вызван ваш интерес к этим господам?

- Конечно. Первый хвастается тем, что может, не прикасаясь к человеку, доставить ему невыносимые страдания и даже... умертвить. Согласитесь, весьма опасные заявления... Второй же, как я подозреваю, является шпионом короля Фридриха.

- Если желаете, мы арестуем обоих.

- Нет, сначала – сбор сведений, связи... Важно узнать, кто за всем этим стоит... Вполне вероятно, что мы принимаем их за совершенно других людей. Посему, действовать нужно тонко и осторожно.

- Я понял вас, ваше высокопревосходительство. Мы подключим к этому делу лучших людей и не позже, чем через два дня, у вас будут необходимые сведения.

- Я вижу, вы откровенно скучаете на балу, господин подполковник. Не желаете ли отличного французского вина? – обратился к Суворову подошедший капитан Тригуб. – Я захватил для вас бокал с бургундским...

- Не чувствую в этом потребности, капитан, - сухо ответил Суворов. - Как говаривала моя няня: «Нет молодца супротив винца». Да и вам бы советовал быть умереннее, поскольку здесь и Половинкин, и Дибирье. К тому же, нам не следует встречаться и беседовать на людях.

- Извините, Александр Васильевич, но я должен вам сообщить, что назревает нешуточный переполох. На верхнем этаже рыщет полиция.

- Что случилось?

- Одному гостю, точнее, гостье, сделалось плохо...

- Ну и что? Наверняка, - кивнул Суворов на бокал, - она переоценила свои силы.

- Полицейские утверждают, а я был случайным свидетелем их разговора, что её отравили... Дама сия имела непродолжительную беседу с вами всего четверть часа назад..., **после чего я застал её в обществе с полковником Половинкиным... И вот она – мертва... Опознать же её никто из присутствующих не смог...**

Поздним вечером гости начали разъезжаться. Кучера заголосили, защелкали кнуты, зазвенела сбруя. Ночное небо пестрело звёздами, было удивительно тихо. Русская и немецкая речь разносилась далеко за пределы Королевского замка, особенно женский смех. Дочери Василия Суворова вышли подышать свежим морозным воздухом. Их окружили мужчины в военной форме.

- Прекрасно! Прекрасно! – слышались голоса.

- Das ist wunderschön! Ausgezeichnet (43)!

- Вы простудитесь, сударыня, – заботливо говорил своей даме кавалер в драгунской форме. – Позвольте, я повяжу вам шарф...

- А ну, посторонись! – карета, запряжённая в четвёрку лошадей, совершив крутой вираж, ловко проскользнула в Восточные ворота замка.

Полковник Половинкин спустился со ступенек крыльца, одной рукой придерживая шпагу, огляделся. Видимо, он кого-то искал... Тут к нему подошёл Александр Суворов.

- Как вам бал? – поинтересовался полковник. – Мастер вы на всякие шуточки, Александр Васильевич! Я тут познакомился с одной немецкой Frau (44)..., и есть надежда на продолжение... А вы сами виноваты сударь, вместо того, чтобы шлёпать босиком по полу, лучше бы завели лёгкий амур!

- Погодите со своей фрау, полковник. Необходимо прояснить один вопрос.

- Извольте, что вам угодно?

- Одна из дам предупреждала меня об опасности...

- На балу? Не смешите меня, подполковник!

- А мне не смешно. Сразу же после нашего разговора эта дама умерла. Точнее, её убили... Отравили, всыпав в бокал с шампанским яд. И последним, кого видели в её компании, были вы, полковник... Потрудитесь объяснить!

- Что за чушь вы несёте, подполковник! Я сам требую объяснений!

- Я поясню, - подошёл к офицерам капитан Тригуб. – Я лично видел, как вы беседовали с этой дамой, но, как только ей стало плохо, быстро покинули залу. Посему, у нас зародились подозрения...

- Оставьте ваши подозрения знаете кому? Вы, верно, не осведомлены, с кем имеете честь разговаривать? Я вам не какой-нибудь пехотный офицеришка!..

- А вот это уже оскорбление! – заметил Суворов. – Извольте объясниться!

- И не подумаю! Раз уж вы прикрываетесь здесь именем своего батюшки, то и ведите себя подобающим образом, дабы не бросить тень на честь генерал-губернатора!

- То есть, вы признаёте, что вы – убийца?

- Ну, знаете... Подобных обвинений я не прощу даже вам!

- Ну что ж, – Суворов был внешне спокоен. – Тогда обнажите здесь вашу шпагу, и пусть нас рассудит бог! Или вы умеете только подбрасывать яд в бокалы и заколдованные шпильки в манжеты?

- Вы забываетесь, сударь!

- Примите вызов от пехотного офицеришки, сударь! – Суворов стянул с руки перчатку и швырнул её в лицо Половинкину.

Между тем спорщики стали обступать со всех сторон любопытствующие.

- Господа, расходимся! – Непейцын и Болотов пытались их оттеснить от ссорящихся. – Недоразумение из-за дамы... с кем не бывает... Нехорошо совать нос в чужие дела...

- ...И, если в вас есть хоть крупица чести, извольте защищаться! – С этими словами Суворов вытащил шпагу из ножен – Вы погубили даму, которая предупредила меня об опасности! Значит, вы – мой враг!

- В ложе не будут довольны вашим поступком! – прошипел Половинкин.

- Извольте отойти вон туда, дабы не мешать гостям, покидающим замок, - бросил Суворов, кивнув на пространство Внутреннего двора, огороженное от основного участка горой снега. – Там вы узнаете, что значит шага в руках пехотного офицера! Что касается ложи, то, думаю, мне не придётся с нею объясняться!

- Как хотите, подполковник, но, уверяю вас, этот поступок очень скверно отразится на вашей карьере! Боюсь, до полковника вам не дослужиться! Не лучше ли сейчас прекратить сию бессмысленную перепалку и разойтись с миром?

- Так вы не только прохвост, но ещё и трус?

- Чёрт с вами, задиристый вы петушок, извольте! Только не думайте, что штабные офицеры не держали в руках шпаги!.. Но у меня нет даже секундантов!

Они отошли немного в сторону, куда падало меньше света, и практически не было людей.

- Уж не хотите ли вы послать за Дибирье, сударь? Полноте, решим наш вопрос один на один... Так вы хотите сделать признание? Что это была за дама и почему вы её убили?

- По приказу ложи!

- Ну, что ж, теперь вы умрёте сами!

- Посмотрим! – Половинкин обнажил свою шпагу.

Звон клинков, раздавшийся в ночной тишине, свидетельствовал о том, что противники сошлись в бою.

Полковник, как более мощный и высокий, действовал быстро и размахисто. Его руки совершала более широкие взмахи, и шпага совершала пируэты по большой амплитуде. В свете факелов сталь клинков казалась тонкими молниями. Суворов был выдержан, он отвечал короткими выпадами после отражения каждого удара соперника.

- Вы так мне и не сказали, что это была за дама... - произнёс подполковник после кругового батмана, видимо, проверив мастерство противника и сделав для себя вывод.

- А я и сам не знаю! Мне, право, всё равно! Сдохла она, сдохнешь и ты... О-о-у-у!! – вдруг вскрикнул он, схватившись за плечо.

Шпага выпала из его рук, а сам он опустился на колено, склонив голову. Лево́й рукой Половинкин зажимал рану на плече, откуда хлынула алая кровь, окрашивая снег под ногами полковника.

- Честь имею, - ответил Суворов, вкладывая шпагу в ножны. – Друзья мои, - обратился он к Болотову, Непейцыну и Тригубу. - Позаботьтесь о том, чтобы сему офицеру немедленно оказали необходимую помощь!..

**Снег, легко и непринуждённо кружась, продолжал неуклонно покрывать площадь Внутреннего двора Замка.**

## **Глава 8. У Старого Фрица**

«Если вечный жид существовал, он, верно, не вёл такой скитальческой жизни, как я. Мы начинаем походить на странствующих комедиантов... Мы кочуем по свету и разыгрываем наши кровавые трагедии только там, где неприятель позволяет нам устроить театр... Мы можем назваться счастливыми, если к нам вдобавок не придёт чума. Развалины и нищета - вот презренные памятники наших громких подвигов!». Такие слова Фридрих II адресовал венецианскому учёному Альгаротти (45), подводя итоги происшедших кампаний в Семилетней войне.

За последние три года прусская армия потеряла более половины своего состава. В прошлом, 1760 году нужда в солдатах стала ощущаться наиболее остро. Фридриху пришлось пополнять свои войска за счёт пленных. Его вербовщики, действующие по всей Германии, посулами, обманом, деньгами и прямым насилием добавили ещё около 60 тысяч рекрутов. Кампанию он начал, имея под ружьём примерно 90 тысяч солдат. В этой разношёрстной армии, состоявшей в основном из неопытных новобранцев и военнопленных, всё держалось на жесточайшей палочной дисциплине.

Весь прошлый год прусский король быстро и умело маневрировал. Ему удалось по одиночке разбить две армии австрийцев, которыми командовали Даун и Лаудон, они были предназначены для нанесения по Фридриху двух одновременных ударов. Русские в ответ двинулись в Силезию и захватили Кольберг. А осенью фельдмаршал Салтыков бросил на Берлин корпус генерала Чернышёва, который торжественно вступил в прусскую столицу уже 9 октября. Русские навели в городе образцовый порядок, однако потребовали с населения 2 млн. талеров контрибуции. Все оружейные заводы были разрушены. Фридрих бросился на выручку Берлина. Однако Чернышёв, не дожидаясь прусского короля, покинул город через неделю после его захвата. Тем временем, воспользовавшись отступлением армии Фридриха, союзники заняли всю Саксонию.

Единственное, что не могло не радовать Старого Фрица, - это то, что австрийская и русская армии до сих пор не соединились. Разногласия, существующие между Россией и Австрией, были настоящим спасением для прусского короля.

Уединившись в своём кабинете во дворце города Лейпциг, король Фридрих размышлял и строил планы на предстоящую кампанию.

Честно говоря, ему было о чём задуматься. Состояние прусской армии после кампании 1760 года оказалось более чем плачевным. Несмотря на свои победы под

Лигницем и Торгау в ноябре, прусский король в наступившем, 1761 году находился даже в худшем положении, чем после Кунерсдорфа. Он уже был не в состоянии давать крупных сражений, а вынужден укрывать свою армию за полевыми укреплениями (46) и одну за другой терял свои крепости (47).

Фридрих требовал от окрестных немецких помещиков предоставить ему вновь завербованное «пушечное мясо», но никто больше не хотел иметь с ним дел. Сильнее всего короля удручало то, что некоторые немецкие князьки охотно сбывали «живой товар» более богатым покупателям. Так, например, ландграф Гессенский продал англичанам, воюющим с французами в Северной Америке, около 17 тысяч солдат за 3 миллиона фунтов! Куда там пруссакам, давно расплачивающимся простыми бумажками-квитанциями! В армии не хватало оружия и боеприпасов, дело дошло до того, что Фридриху пришлось разработать новый артиллерийский устав. Этим уставом предписывалось, в целях экономии пороха, открывать картечный огонь по противнику только с расстояния в сто пятьдесят шагов, хотя раньше огонь открывался с шестисот!

Старому Фрицу было всего 48 лет, но за последние годы он сильно сдал. Фридрих сгорбился, похудел, на сером лице появилось множество морщин. Всё это, плюс выдающийся вперёд нос делали его похожим на старого нахохлившегося ворона. Это впечатление усиливал потёртый, посеревший, латанный-перелатанный мундир полководца.

Но король не был сломлен. В течение всей войны, он побеждал и терпел поражения, а, как говорят очевидцы, неудачи делали его сильнее. «Именно в его неудачах проявлялся его гений», - сказала о Фридрихе императрица Екатерина.

Итак, Фридрих зимовал в Лейпциге. Это был город знаменитых поэтов, писателей, учёных и художников. Не напрасно считался он оплотом германского просвещения и литературы. Здесь Фридрих мог чувствовать себя «в своей тарелке», его душу ждал отдых и живые беседы с лучшими умами Германии.

Для придворных концертов король выписал из Берлина всю свою капеллу, но сам брался за флейту изредка, и лишь для того, чтобы настроить внутренний, душевный «механизм». Ещё он возился со своими любимыми собаками, коих было у него множество.

Фридрих Великий много работал. Он вставал с первыми петухами, зимой и летом, обычно поднимал тонус игрой на флейте, просматривал почту, делая пометки в корреспонденции, которая нередко представляла собой целые связки бумаг. Позже, по его пометкам секретари составляли полный ответ или резолюцию.

В 11 часов – полковой смотр. Как и по всей Германии. Затем – обед.

В еде прусский король был так же не воздержан, как в атаке: ел много и жадно. Вилка на его обеденном столе не было, он брал еду руками, порой, не обращая внимания на то, что по мундиру течёт соус. Нередко проливал на скатерть вино, сыпал табак на стол и мундир... словом, место, на котором сидел Фридрих, всегда заметно отличалось от прочих. За своей одеждой он не следил – занасивал до неприличия. И штаны его, и рубаха – часто требовали немедленного ремонта. Что ж, у великих людей могут быть свои странности, а в том, что Фридрих велик, никто не сомневался. Он был полководцем и предводителем, философом и музыкантом, экономистом и поэтом.

Фридрих потёр большой палец ноги: как же некстати разыгралась его подагра... Он закрылся в кабинете, разложил на столе листы бумаги и перья. Вчера король изучал свежую информацию от своих тайных агентов: из дрезденской министерской канцелярии, от австрийских офицеров, от саксонского резидента в Петербурге - Функа. Порадовал добрым словом великий князь Пётр Фёдорович, передал сведения курляндский камергер Мирбах, получены донесения от русского посла в Нидерландах Головкина и голландского министра при русском Дворе Сварта, а также шведского посланника графа Горна. Кроме них у прусского короля было много и других шпионов. Прежде чем браться за стальное оружие, он всегда «пускал в ход золотое».

Из полученных документов следовало, что Австрия и Россия значительно истощили свои финансовые возможности, что же касается Франции, то она, ведущая к тому же войну с Англией в Новом Свете, уже готова начать переговоры о мире. Но Старый Фриц не собирался идти на «мировую». Российская императрица тоже была готова воевать до победного конца. Это означало одно: катастрофа неизбежна. Вот если бы каким-то образом вывести из войны могучего восточного соседа... Работу в этом направлении Фридрих уже вёл.

Сегодня к нему должен был прибыть один важный человек. Исключительность его заключалась в полномочиях, которыми своего посланника наделила Верховная Массонская Ложа. Эта загадочная личность не входила в число шпионов Фридриха, она была уполномочена выполнить особое поручение в отношении русской императрицы. Ибо такова была воля членов Верховной Ложы.

С самого утра работа отчего-то не клеилась, всё валилось из рук. Флейта издавала совсем не те звуки, которые Фридрих желал услышать, собаки раздражали своим лаем, табак потерял аромат, адъютанты были непонятливы и медлительны. Огонь в камине еле тлел, не согревая, хотя полководцу, привыкшему в походной солдатской жизни, много тепла и не требовалось. Вот ещё подагра замучила... Чем меньше оставалось времени до визита загадочного гостя, тем тяжелее становилось на душе короля.

Почувствовав, что ему становится тяжело дышать, Фридрих приоткрыл окно. Уже начало смеркаться. Шёл мелкий дождь, не совсем обычное явление в январе, даже для Лейпцига. Чёрные, тяжёлые тучи нависли так низко, что, казалось, они хотят вползти в окна церкви Святого Фомы. А птицы, пролетающие над Рыночной площадью, отчего-то напоминали сов. Покрытая снегом и льдом река за городской стеной местами почернела. По мосту через Вайсе Эльстер (48) тянулись вереницы повозок.

- Ваше величество, к вам посетитель, – доложил адъютант. – Весьма странная личность...

Это солдатам, своим «детям», король позволял обращаться к себе на «ты» и называть «Старым Фрицем». Адъютанты такой привилегией не пользовались.

- Зови, - приказал Фридрих, закрывая окно.

- Здравствуй, брат, - на пороге выросла фигура человека в чёрном плаще и шляпе. Был он очень высок, но сильно сутулился. Тень от шляпы скрывала почти всё его лицо, но Фридриху почудилось, что загадочный гость надел маску, лишённую каких-либо эмоций.

Они поприветствовали друг друга по-массонски.

- Я – маг Клермон. Великий Гроссмейстер уполномочил меня передать тебе своё доброе слово и готовность оказать посильную помощь, - он поклонился, но ни шляпы, ни плаща не снял. – Скажи, что тебя беспокоит в данный момент более всего?

- Крах моих надежд и уныние, - неожиданно ответил Фридрих. – Ты знаешь, брат, историю великих держав можно сравнить с человеческой жизнью. Им также присущи детство и молодость, зрелость и старость. Когда государство проживает все эти стадии, оно, подобно человеку, умирает...

- Верно. Но так же, как и человек, оно подвержено болезням, которые лечат, обычно, кровопусканием.

- Из Пруссии уже достаточно вылили крови, брат... Ещё капля, и она не выдержит. Враг силён и многочислен. До сих пор Верховная Ложа молчаливо поддерживала меня. Сейчас наступил момент с её стороны приступить к непосредственным действиям...

Посланник в глубокой задумчивости подошел к окну... По ту сторону запотевшего стекла сгущались сумерки и, словно в гигантском аквариуме, проплывали фигуры постовых солдат...

- А ты любишь гулять, когда падает снег, брат? – неожиданно спросил он. – Без какого-нибудь дела просто так выйти на улицу, поднять голову, подставить белым хлопьям свои ладони и ловить небесную благодать? Непременно в такую минуту на твоём лице появится улыбка: смущённая, радостная, счастливая... А счастье — это ничто иное, как способность испытывать радость и, забывая все обиды и невзгоды, следовать выбранной цели.

Я сам часто так делаю... И наблюдаю, как самые любопытные и расторопные снежинки сразу устремляются к фонарям и окнам, стелятся под ноги прохожим и... погибают первыми. Другие, более дальновидные и практичные, укрывают одеялом не дорогу, а землю поодаль и так доживают до весны... Да, и вся-то наша жизнь – как след на снегу...

Маг пристально посмотрел на императора, глаза у него были чёрные, и бездонные...

- Наши неприятности, как камни: не копи их в себе, брат, иначе рухнешь под их тяжестью...

- Но мне порой становится так больно и стыдно...

- Стыд – это огонь, выжигающий грех из души! А любую боль можно вытерпеть...

- Но ты же поможешь мне, брат?

- Лучшее время, чтобы посадить дерево, было двадцать лет назад, - туманно ответил маг. - Следующее удачное время — сегодня... Все ещё можно исправить, брат.

- Но теперь, с помощью магии? – усмехнулся Фридрих. – Недавно Великий Гроссмейстер создал «Королевский орден» с великими капитулами — «Рыцарей Востока», «Императоров Востока и Запада»... И опять мы возвращаемся к магическому искусству?

- И не напрасно, брат. Сначала – удар магией. Потом всё завершит дипломатия. И, возможно, армия.

- Меня всегда беспокоил наш восточный сосед... Россия, - признался Фридрих. – Вот, где настоящая мощь! Но, пока она сокрыта и действует не в том направлении.



Поэтому мы и создаём там масонские ложи, чтобы заставить действовать императоров этой страны в наших интересах.

Поначалу я делал ставку на свергнутого Елизаветой младенца Иоанна Антоновича (49), принадлежавшего Брауншвейгской династии, к которой, кстати, относился и герцог Фердинанд Брауншвейгский, мой доблестный генерал и брат по масонской ложе. В те времена я серьёзно планировал не только отстранение от власти Елизаветы, но и ввод в Россию своей армии.

- Елизавета, – кивнул головой маг. – Вот, кто твой истинный враг... Но масонство уже давно действует против России...

- Да, брат. Сначала под чары масона Вильямса, английского посла в России, попал граф Бестужев-Рюмин. Всё шло к тому, чтобы после кончины Елизаветы Пётр вёл политику, нужную Английской короне...

- И её союзникам, - добавил маг.

Он напомнил об Уайтхоллском договоре 1756 года между Англией и Пруссией, подорвавший сложившийся в мире баланс сил. Россия на некоторое время оказалась изолированной и вынуждена была выбирать между противостоящими группировками: Австрия — Франция и Англия — Пруссия. Было известно, что великий канцлер благоволил к Англии.

- Тогда масоны пытались присоединить Россию к чуждому ей блоку, поссорив со своими прежними союзниками, - добавил Клермон. – Что ж, государства враждуют, но масоны – всегда вместе!

- Всё-таки нам удалось усилить масонское влияние в России, – произнёс Фридрих, закуривая трубку. – Особенно, среди приближённых Елизаветы. Я имею в виду великого канцлера Воронцова и графов братьев Паниных.

- К этому следует добавить и брата мужа императрицы, Кирилла Разумовского, гетмана Украины, его любимого адъютанта Елагина, а также писателя Сумарокова, учёного Адодурова и управляющего Академией наук Теплова (50), - добавил маг. – А также графа Ивана Шувалова, фаворита императрицы. У которого имеется личный секретарь – барон Генрих Чуди, виднейший масон. И не стоит забывать великого князя Петра Фёдоровича. Но и во время настоящей войны, брат, тебе из ложи поступала помощь. Поэтому, победы русского оружия – не столь блистательны, какими они могли быть. Не забывай, брат, что много русских офицеров перешло в масонство, и служение своему Мастеру для них стало превыше долга перед отечеством!

Он поведал Фридриху о том, как много масонов служило в штабах фельдмаршала Апраксина, да и сам бывший главнокомандующий Вильям Фермор был масоном, братья генералы Ливены – масоны, Захар Чернышёв, генерал, взявший Берлин, – тоже масон.

- А в Кёнигсберге действует ложа «Три короны», которая подчиняется вашей ложе «Три глобуса». Возглавляет её прусский чиновник Шредер. В неё также входят многие русские офицеры!

- Ох, не напоминай мне, брат, о Кёнигсберге, - поморщился, как от зубной боли, Фридрих. – Он слишком поспешно присягнул русской императрице! Лучше бы весь город превратился в руины, но дал бы русским отпор!..

- И это возможно, брат, - усмехнулся Клермон. – Пока там губернатором поставлен Суворов, жизнь в городе спокойна. Но если его сменит другой человек, то весьма возможны... недовольства, бунты, диверсии...

- Суворова нужно... убрать, - резко произнёс Фридрих.

- И его, и... императрицу. Я правильно понял тебя, брат? – маг снова поклонился.

- Если это в ваших силах...

- Да, в наших силах. Суворовым уже занимаются люди, в число которых входит и русский офицер. А насчёт Елизаветы..., то мы можем начать прямо сейчас!

- Что начать? – не понял Фридрих.

- Магический обряд. Считайте, что русская императрица уже проглотила нашу пилюлю. Теперь нужно сделать эту пилюлю смертельно ядовитой! Ты позволишь, брат, мне тут немного... поколдовать?

- Будь любезен, брат, - Фридрих рухнул в кресло, взял в руку бокал с мадерой и с любопытством стал наблюдать за действиями мага.

Тот зажгёт свечу от огня камина и установил её на столе, чуть сдвинув бумаги короля. Затем встал на колени, одну руку положил на стол, другую – приложил к сердцу и начал читать заклинание. Фридрих знал несколько языков. Но тот, на котором произносились слова заклинания, он никогда не слышал. Вполне возможно, что иврит. Древний иврит...

Четыре крупные чёрные крысы с горящими бусинками глаз неожиданно вылезли из-под плаща мага и уселись на задние лапки на паркетном полу кабинета. Задрав вверх свои острые мордочки с подрагивающими носами, и ничего не замечая вокруг себя, они начали плавно раскачиваться в такт произносимому заклинанию.

Старый вояка почувствовал себя неловко. Он никогда никого не боялся, разве что поражений. Но этот таинственный посланник Верховной Массонской Ложи, определённо, внушал страх. Пламя в камине вдруг вспыхнуло с необычайной силой, в трубе что-то загудело и завывало... А отсветы огня устроили страшную пляску на маскообразном лице неведомого гостя...

## **Глава 9. Главный подозреваемый**

На следующий после бала день, поздним вечером, за профессором Майбахом вновь был отправлен посыльный. Бравый гренадёр с лихо закрученными усами и палашом на боку снял шляпу, поклонился и учтиво предложил учёному проехаться к «вашему доброму знакомому и покровителю, его высокопревосходительству генерал-губернатору». Узнав, что его вновь зовёт к себе Суворов, доктор быстро собрался, захватил с собой медицинские принадлежности и выехал в Королевский замок.

Василий Иванович встретил врача в своём кабинете. Неяркий свет свечей «старил» и без того нездоровое лицо Суворова. Обложившись бумагами, он в глубокой задумчивости сидел за своим столом, но работать, видимо, не мог. Его блуждающий взгляд был рассеян и тревожен. Высокопоставленного чиновника, несомненно, что-то сильно беспокоило. Увидев Майбаха, генерал-губернатор, резко поднявшись, устремился навстречу гостю, словно своему

спасителю, и тут же заключил прибывшего профессора в свои объятия. В его глазах сверкнула искорка надежды, а на губах появилась страдальческая улыбка.

- Неужели опять началось?.. – озабоченно поинтересовался профессор, снимая с себя тёплый плащ и передавая его в руки заботливого Захара. – Всё те же видения? Одежду свою проверяли? А то я и сам недавно испытал зрительные обманы, подобные тем, которые мучали вас. И тоже нашёл у себя одну любопытную шпильку. Как видите, масоны развили здесь бурную деятельность...

- Проверяли, - кивнул головой Суворов. – Но ничего не обнаружили. И посему вновь хочу вас спросить... Вдруг я на самом деле болен, профессор?

Майбах взял Василия Ивановича за руку и исследовал его пульс, затем заглянул ему в глаза, попросил показать язык, помял пальцами живот. Захар с любопытством глядел на учёного человека, разбирающегося как в медицине, так и в других «премудростях жизни». Минуты три тот продолжал осмотр его хозяина, иногда покачивая головой и что-то бормоча себе под нос.

- Я не нахожу у вас ничего серьёзного, кроме неопасного застоя желчи, - наконец, объявил свой вердикт доктор. – Но, будет лучше, если вы сами расскажете мне о своих недомоганиях, ваше высокопревосходительство.

- Ох, – мотнул головой Василий Иванович. – Присаживайтесь к столу, уважаемый профессор. Сейчас Захар принесёт чай и калачи. А я постараюсь вам всё объяснить. Хотя, уверяю вас, эти воспоминания вызывают у меня физическую боль...

- Тогда, выплесните всё это из себя, и вам сразу же станет легче...

- Конечно, я поведаю обо всём без утайки, а уж вы сделайте выводы...

Захар водрузил на стол самовар, затем принёс чашки и блюдо с калачами.

Грустный взгляд Суворова несколько посветлел, и он неторопливо начал:

- Я возвратился в свои покои уже под утро, когда бал закончился, и открыл окно, чтобы освежиться... Затем повесил камзол на спинку кресла. Вновь повернулся к окну и увидел совершенно необычную, просто феерическую картину: на фоне чёрного неба с мерцающими звёздами в комнате парили яркие шары, размером, верно, с тарелку, очень похожие на переливающиеся всеми цветами радуги мыльные пузыри. Меня словно молотом ударили по голове... Такого просто не могло быть! Я присел на кровать и с тревогой, ничего не понимая, стал за ними наблюдать...

Майбах внимательно слушал, прищурился и кивая головой. Его пальцы гладили румяную поверхность калача.

- Вначале незваные гости, - продолжал рассказ Суворов, – не обращали на меня никакого внимания и вели себя спокойно и вполне учтиво. Медленно двигаясь по комнате, исследуя книжный шкаф от нижней полки до верхней, они чем-то напоминали мне вынюхивающих что-то собак. Несколько красивых шаров, подрагивая, тихо проплыли вдоль окна. Я глазам своим не верил... А эти великолепные - синие, малиновые и изумрудные шарики спокойно реяли в воздухе. Вскоре я с интересом отметил, что внутри моих визитёров просматриваются... как бы полупрозрачные детские личики – эдакие милые ангелочки... Они казались более яркими и излучали мягкий свет. Я невольно залюбовался необычной картиной. Несколько ангелов витало возле книг, как будто читая названия на их корешках. Помнится, что среди томиков был Сервантес... Один шарик долго висел у этой книжки...

- Очень любопытно, - произнёс Майбах. – Продолжайте, ваше высокопревосходительство.

Губернатор порывисто встал и начал расхаживать по кабинету взад-вперёд, его волнение было настолько велико, что он едва сдерживал слёзы. Лицо сделалось бледным, плечи ещё более поникли. Переживая всё заново, он шагал от стола к старому скрипучему стулу, то садился на него, то вскакивал... Захар с болью в глазах следил за мучениями своего господина. В комнате повисла кричащая тишина...

- Успокойтесь, ваше высокопревосходительство, - негромко обратился к нему Майбах, - если воспоминания столь тяжелы для вас, то мы можем сделать паузу и продолжить разговор в следующий раз...

- Нет, нет, - проговорил губернатор. - Нечего тянуть кота за хвост. С этим необходимо покончить как можно быстрее... Итак, прошло, пожалуй, не менее четверти часа, и всякое волнение внутри меня, будто бы улеглось. Мало-помалу я начал успокаиваться и приходил в себя... Но вдруг невинные выражения на лицах парящих ангелов резко изменилось: их глаза злобно сощурились, а рты безобразно оскалились хищными клыками! Раздалось свирепое змеиное шипение, грозное невнятное бормотание и дьявольские сущности с каким-то гоготом и диким визгом ринулись на меня... В моих глазах всё стало ярко-алым и мигающим, затем черным. Меня всего затрясло, а в голове стало твориться просто невообразимое. Я почувствовал свою полную беспомощность. Через мгновение мелькнула мысль, что мне конец, затем сознание померкло...

Он говорил, словно переживал всё заново, обнажая перед врачом свою изболевшую душу. Боль и страдание были на его лице. Но доктор понимал, что пациенту очень важно выговориться и поэтому, не перебивая, внимательно слушал.

- ...Когда же я очнулся, мои руки и сам я всё ещё продолжали дрожать, как осенний лист на ветру. Оказавшись у зеркала, увидел в нём своё бледное лицо с расширенными от ужаса зрачками. Тогда-то в голове и появились невесёлые мысли по поводу моего здоровья, которое, как мне кажется, было непоправимо испорчено...

- Страшен сон, но милостив бог... - после некоторой паузы изрёк доктор. – Возможно, вы будете удивлены, но с подобными симптомами я уже сталкивался. И это, уверяю вас, - не болезнь!

- А что же? – еле слышно спросил Суворов.

- Отравление. Вероятнее всего, на балу вам что-то подсыпали в бокал с вином.... Есть такие грибы, растущие на окраине Кёнигсберга, которыми издавна пользуются местные ведьмы. Они обычно вызывают подобные галлюцинации, а при случае, могут привести и к смерти... Вам надо строже следить за тем, что вы пьёте, ваше высокопревосходительство, особенно, если находитесь на балу или банкете, где много людей и очень легко незаметно от всех... подсунуть вам бокал с зельем.

- Значит, отравление! – эта весть пришлась ветерану по душе. Он облегченно вздохнул, как будто избавился от тяжкого груза переживаний.

- Несомненно, - подтвердил Майбах. – Некоторое время его симптомы ещё могут докучать вам, но уже не столь ярко и сильно... Но вскоре они прекратятся, если вы не примете следующую дозу отравы.

- А я догадываюсь, кто мог подсунуть мне эту гадость! Что ж, кое-кому скоро не поздоровится! Захар! Есть ли у нас хорошее вино из моих личных запасов?

- Медовуха, ваше высокопревосходительство...

- Что ж, неси. Сейчас, дорогой профессор, вы отведаете старинный русский напиток из тульского мёда! Захар, подай нам солёных грибочков-огурчиков и ветчину не забудь! Да приготовь один хороший кусок, который доктор отнесёт домой...

- Саша, как ты объяснишь своё очередное чудачество? Это же надо додуматься – разуться во время бала и шлёпать по паркету босиком, словно пастух по полю!

- Увы, батюшка. Новые башмаки нестерпимо жали, а мне требовалось танцевать с барышней. Я так понял, это именно вы подыскали мне невесту? Очень сожалею, что оказался несколько... смешон в таком виде, но... Вы уж простите меня, батюшка!

- Пойми, сын, тебе давно пора жениться! – нахмурил брови отец. – И обзавестись детьми. А мне – увидеть внуков на старости лет...

- Я подумаю, батюшка, - Александр улыбался, и трудно было понять, что у него на уме.

Захар, поставив на стол поднос с пирогами, произнёс с укором:

- А ведь и вправду, вам жениться пора, барин.

- Захар, - тут же ответил Суворов-младший, - вот ты всё норовишь меня сосватать, а сам-то был женат?

- Был, Ляксандр Василич. Только того, что на свадьбе со мной приключилось, я никак не мог ни придумать, ни пригадать, – вздохнул старый солдат.

- А ну-ка, расскажи, – оживился подполковник.

- Лет двадцать мне тогда было. И вот как-то решил отец меня женить, и сговорился о том с одним зажиточным соседом. На смотринах мне глянулась младшая дочка хозяина: работящая, ладная и лицом пригожая. Вот, думаю, счастье-то привалило с любой пожить! – Слуга замолчал, прикусив верхнюю губу, потом продолжил: - Только надежда меня дюже подманула и все мои ожидания да смотрения оказались напрасными...

- Так что же произошло, любезный?

- То, что привели мне не мою любую, а её старшую сестрицу, уже не такую статную...

- Ну, а ты куда глядел? – рассмеялся Александр.

- Так она же в фате была! Вот я лица её и не заметил... Да и что тут увидишь, когда от счастья голова кругом пошла... А признал я её только в церкви после службы. Меня словно варом из ведра окатили. А что прикажете делать? - Захар снова умолк. – Пришлось с нею жить...

- Вот так история, – хлопнул ладонью по колену Суворов. – И что дальше?

- А больше ничего... Через пару лет я к ней уже совсем по привычке, да только она померла, голубушка, а детишек мне так и не родила...

К концу января опять запуржило-заметелило. В городе росли сугробы, а власти едва справлялись с очисткой улиц от снега. Проведённые следственные действия в отношении подозреваемых людей, дали свои результаты. О некоторых из них прибыл доложить генерал-

губернатору обер-полицмейстер Кёнигсберга Иоахим Заммель с двумя своими помощниками.

Василий Иванович ждал их в своём рабочем кабинете. Был он одет в свой обычный сюртук, на столе высилась кипа бумаг, перья и чернильница. Несмотря на раннее утро, он уже вовсю работал.

- Присаживайтесь, господа, - встретил Суворов вошедших. – Хотите чаю? – Он с интересом всмотрелся в лица полицейских чиновников, пытаясь угадать, хорошие ли вести они принесли. – О чём хотите рассказать?

- Осмелюсь доложить, ваше высокопревосходительство, - начал доклад Заммель. – Мы учинили сыск в отношении двух господ, на которых вы указали нам лично. Первый из них, Леон Дибирье, уже арестован и отправлен в Голубую башню. Надеюсь, после следствия и суда его будет ждать палач на Фиалковой горе (51).

- Что, всё так серьёзно? – удивился Василий Иванович.

- Да, ваше высокопревосходительство. Посудите сами. Дибирье распространял среди горожан средства для «людского душегубства на расстоянии». Эдакие штучки, заговоренные им на определённую пакость или болезнь. Поначалу мы подразумевали, что он – обычный шарлатан, коих бродит по нашему городу, особенно по рынкам, множество. Но, как оказалось..., - он развернул лист бумаги, - госпожа Зеелихт применила такое средство против своего законного мужа, содержателя трактира в Кнайпхофе, и тот умер...

- Француз использовал яды? – поинтересовался Суворов.

- Не только. В его ассортименте находились «заколдованные» шпильки и булавки, которые втыкались в верхнюю одежду. Владелец таких «украшений» постепенно сходил с ума или умирал...

- Так произошло с господином Кесселем, - добавил другой полицейский чиновник, худощавый мужчина средних лет. – Он дал в долг господину Мюллеру некоторую сумму, а тот, чтобы не возвращать её, решил применить «колдовскую» пряжку Дибирье, которую и подарил Кесселю. Она и свела того в могилу в течение недели.

- В общем, ваше высокопревосходительство, имеющиеся подозрения полностью подтвердились, - промолвил другой чиновник, что пониже ростом и поплотнее.

- Так вы всерьёз считаете, что Дибирье – колдун? – усомнился Суворов.

- Ваше высокопревосходительство, колдовство у нас, в Кёнигсберге, совсем не редкое явление, - ответил Заммель. - Мы с ним сталкиваемся постоянно. В старые добрые времена за подобные дела людей вели на костёр. А теперь, в наш век просвещения,... их вешают... или колесуют.

- Так вы уверены, что француз виновен?

- В его доме был произведён обыск, - доложил Заммель. – Были обнаружены «бесовские» изделия, список покупателей и некоторые записи, полностью изобличающие деятельность сего господина.

- А что это за записи?

- Колдовские заклинания, ваше высокопревосходительство, - ответил худощавый чиновник. – На нанесение порчи со смертельным исходом. Плюс – детальное описание всех манипуляций...

- Выполнение ритуала, - пояснил второй чиновник.

- Осмелюсь доложить, ваше высокопревосходительство, - продолжал Заммель, - что среди покупателей подобных «колдовских штучек» находился офицер русской армии полковник Половинкин!

«Ну вот, круг и замкнулся» - подумал Суворов. Вслух же сказал:

- Благодарю вас, господин обер-полицмейстер. Ваши сотрудники действительно - мастера в своём деле!

Генерал-губернатор промолчал, что очень похожие сведения о деятельности Дибирье накануне доложили ему офицеры, которых он определил для сыска. Главное он уже знал: француз, конечно, преступник, но к подготовке убийства Елизаветы Петровны отношения не имеет.

- Пришлось развязывать целый клубок, ваше высокопревосходительство. Мы пошли исследовать всю цепочку покупателей у Дибирье и столкнулись с... большим количеством преступлений и умышленных убийств, которые, на первый взгляд, никаких подозрений у нас не вызывали, - Заммель усмехнулся. – По правде говоря, гнусное дело. Я буду рад, когда проклятым французом займётся палач!

- Ну, а что вы поведаете о господине Хельке, герр обер-полицмейстер?

- Это весьма подозрительная личность, ваше высокопревосходительство. Вполне возможно, что он и есть шпион Фридриха, но прямых доказательств у нас пока нет. Он живёт одиноко, ему прислуживает молодая вдова, соседка Магда Таль. Мы допросили и её, но единственное, что она сказала, так это то, что Хельке иногда встречается с неизвестными людьми и беседует с ними, тщательно соблюдая все меры предосторожности.

- Сам он – ветеран многих баталий, обласканный лично прусским королём, - добавил худощавый чиновник. – А шпионов у Старого Фрица – словно кильки в Остзее (52). Офицер, артиллерист. Весьма подходящая кандидатура для шпионажа, ваше высокопревосходительство.

- Если прикажете, мы его схватим! – закончил Заммель, сверкнув очами. – Под пыткой он расскажет всё!

- Нет, - поморщился Суворов. – Хватать не надо. Но ваши сведения довольно интересные... Его ведь можно заставить служить и нашей императрице... Например, снабжать Фридриха ложной информацией...

- Осмелюсь доложить, ваше высокопревосходительство, - проговорил приземистый чиновник, - Магда Таль сообщила нам, что собирается замуж за Хельке. Но поставила тому условие: пусть найдёт своего сына и докажет, что он – любящий отец.

- У Хельке есть сын?

- Да, пока тот воевал, у него умерла жена от тяжёлой лихорадки, а сына отдали в Сиротский приют, что в Закхайме. Его сынок оттуда сбежал и сейчас, скорее всего, проходит обучение на должность кёнигсбергского карманника где-нибудь в заброшенных тоннелях под городом, коих у нас предостаточно...

- Его имя - Гент, возраст - девять лет.

- Если мы отыщем его сына, то взамен Хельке может перейти на службу Елизавете? – задумчиво произнёс Суворов.

- Скорее всего, да, – ответил Заммель. – Что хорошего Фридрих принёс Пруссии? Города опустели, деревни – без крестьян... Кругом – нищета, голод и смерть... Хельке и думать долго не будет, ваше высокопревосходительство...

- Но отыскать парнишку – нелёгкое дело...

- Совершенно верно. Количество домов в городе достигает почти четырёх тысяч, а жителей – до сорока тысяч. Семь мостов только в Кнайпхофе. Восемнадцать церквей... Кроме этого, в Кёнигсберге есть несколько больших ветряных мельниц, достаточно хорошо устроенных, а кроме них – и прекрасная водяная. Словом, мальчишкам есть, где спрятаться. Поэтому старый вояка до сих пор не нашёл своего наследника, хотя, видно, что старается...

- Вот как, – задумчиво произнёс Суворов. – Придётся заняться поисками этого мальчишки и нам...

- Но, ваше высокопревосходительство, – добавил Заммель. – Его легче будет найти, если связаться с Мохнатым Мартином...

- А это ещё кто такой? – удивился Василий Иванович.

- Глава кёнигсбергского преступного мира. Подземный владыка. Проще говоря, – король нищих... Такие есть в каждом немецком городе, – пояснил Заммель. – Наверное, и в России тоже.

Ближе к вечеру Василий Иванович встретил в своём кабинете сына Александра Васильевича и Андрея Болотова. Он тут же усадил обоих за стол и дал команду Захару позаботиться о чае.

- Ваши сведения, господа, блестяще подтвердились. Полицейские арестовали Дибирье. За ним тянется целая череда преступлений, но к покушению на императрицу он отношения, я полагаю, не имеет. Что же касается Половинкина, то он тоже – клиент колдуна-француза. Я уверен, что отравы в бокале и заколдованная шпилька в моём парадном мундире – его рук дело. Но насколько тесно он связан с людьми, готовящими это злодейское покушение, пока неизвестно....

- Думаю, он тоже не сведущ в их делах, батюшка, – ответил Александр. – Он слишком прост. Таким людям подобные поручения обычно не доверяют. Для таких дел существуют более толковые агенты, проверенные, знающие, скрытные...

Василий Иванович вопросительно взглянул на Болотова.

- Что скажете, Андрей Тимофеевич?

- Я согласен с Александром Васильевичем. Половинкин, конечно, порядочная свинья, даже хуже того – скрытый враг и предатель. Но, у него всё написано на лице... Такой человек вряд ли заинтересовал бы тех, кто озабочен скорейшей гибелью нашей государыни. Подсунуть заговорённую шпильку, подсыпать яду в бокал – да, а совершить что-то более серьёзное, это – увы, нет...

- М-да..., – губернатор вздохнул. Захар принёс самовар и пироги. – Угощайтесь, братцы... Что же получается, – начал размышлять генерал вслух. – Остаётся один Хельке?

- Он, батюшка. Больше никому.

- Ваше высокопревосходительство, – обратился к Суворову Болотов. – Хельке – наиболее подходящая кандидатура. Хорошо бы подобрать к нему хитрый ключик... Так, нахрапом, думаю, его не возьмёшь!



- Ты прав, Андрей Тимофеевич, - ответил Суворов-старший. - Нахрапом действовать мы не будем... Но подобрать ключик к Хельке, думаю, возможно.

Болотов и Суворов-младший встрепенулись.

- Что же это за ключик такой, батюшка?

Генерал-губернатор с удовольствием отхлебнул чаю из чашки.

- У Хельке есть сынишка, которого он ищет уже почти два года. Скорее всего, мальчишка находится среди нищих и попрошаек. Возможно, учится на карманного воришку... За такими ребятами внимательно следит король нищих, некто Мохнатый Мартин. Было бы хорошо поинтересоваться насчёт молодого Хельке у самого Мартина... Но, как?.. - Василий Иванович хитро прищурил глаза и взглянул на офицеров.

- Но я же говорил вам, - ответил Александр, - что у меня есть хорошие знакомцы среди казаков-пластунов. Они проникнут к самому королю Фридриху, если понадобится, а уж к королю нищих - тем более!

- Пластуны, - задумчиво повторил Василий Иванович. - А знаешь что, Саша?.. Зови-ка ко мне этих казачков! Нечего им рассиживать по кабакам и бездельничать!

## Глава 10. Король нищих и пластуны

Из густой темноты, которую снег делал ещё более плотной и даже вязкой, выплыла фигура пошатывающегося человека.

- Похоже, это он, - шепнул своим пятерым спутникам, слившимся со стеной дома, мужчина, закутанный в плащ, и произнёс уже более громко: - Это ты, Томас?

- К твоим услугам, Герберт! - ответил тот и пошёл на голос своего приятеля. - О, да ты не один? Что за дело у тебя ко мне, старина?

- Томас, познакомься с моими друзьями. Это - русские казаки. А перед вами, господа, - обратился он к спутникам, - Томас Хеллер по прозвищу Крысиный нос. В детстве он пел в капелле при церкви св. Николая, но тамошние монахи, беря пример с итальянских святых отцов, попытались парня совратить... Эта попытка закончилась тем, что наш Хеллер зарезал одну похотливую свинью... Ха-ха! Но, боясь расплаты за содеянное, был вынужден бежать и примкнуть к бедолагам, которые живут преимущественно под землёй, а наверх поднимаются лишь за тем, чтобы избавить того или иного господина от лишних монет...

- Всё верно, Герберт. Верно, как и то, что ты, служа в полиции Кёнигсберга, частенько собираешь сведения у этих бедолаг, правда, и помощь им ты тоже иногда оказываешь. Поэтому с тобой не все остерегаются иметь дело. А откуда здесь русские казаки и что их заинтересовало в наших владениях?

- Мы разыскиваем одного мальчишку. Его имя - Гент Хельке. Сорванцу девять лет. Мы думаем, что он скрывается у Мохнатого Мартина. Не слышал ли ты чего-нибудь о нём?

- У нашего короля около полусотни мальчишек, которые обучаются «карманной тяге» в Академии воровских наук. Возможно, там и ваш Гент. Ума не приложу, зачем русским казакам понадобился нищий мальчишка-сирота?

- Это не твоего ума дело, Крысиный нос. И даже не моего... Отведи нас к королю нищих, Томас, и получишь десять талеров, причём пять из них – прямо сейчас...

Бледная, в полупрозрачных прожилках луна несколько раз сверкнула в прорехах облаков, словно незагорелая задница какого-нибудь голодранца...

Чёрная фигура постепенно обрела человеческий облик и стала похожа на тщедушного мужичка, лет тридцати пяти, с красными, слезящимися глазами и одутловатым лицом, нечёсанными волосами и всклокоченной бородой. Хеллер был одет в потрёпанный камзол, которому, как казалось, на Рождество исполнилось не менее двухсот лет, и обутого в такого же возраста башмаки. От него исходил резкий запах дыма и нечистот.

- Я надеюсь, что с вашей стороны по отношению к королю и его приближённым не будет никаких поползновений? А то, у нас с этим строго. Вас, может, и сразу убьют, а меня будут долго мучить...

- Пусть это тебя не волнует, Крысиный нос. Мои приятели даже не вооружены, если хочешь, можешь каждого обыскать. Нам неприятности не нужны. Мы хотим только найти мальчишку.

- За один только разговор со своей персоной Мохнатый Мартин потребует от вас не менее сотни талеров!

- Мы разберёмся с этим. Ты, главное, отведи нас к нему и обеспечь охрану от вашего сброда!

- За охрану придётся доплатить ещё десять талеров...

- Ты их получишь!

- Эхе-хе-х... Может, зря я ввязываюсь в это дело?..

- Не хочешь – не надо. Мы найдём другого проводника. Например, Ганса Кривоногого.

- Ганс сломал ногу и не может ходить...

- Значит, кого-нибудь другого. Подумай, десять талеров – очень неплохие деньги для такой грязной дыры, как ваша.

Примерно так же голодной и битой собаке протягивают руку с кормом... Для неё было бы лучше, если б кость бросили на землю и отвернулись, а тут приходится пересиливать страх и подходить... А чем всё закончится неизвестно...

- Хорошо, я подумал, - ковыряя в носу, ответил Томас Хеллер. – Я отведу вас к его величеству... Только... - Тут чья-то тяжёлая ладонь опустилась ему на плечо. Крысиный нос не на шутку перепугался: кто-то из приятелей Герберта очутился у него за спиной, а он этого даже не заметил!

- Подумал, и - славно. Но не вздумай, братец, шутки шутить. Иначе – шкуру спустим!

Сказано было на ломаном немецком, но Хеллер всё понял. Тут он почувствовал, что, несмотря на вечерний морозец, довольно сильно вспотел. Тот же голос произнёс уже на русском языке и поэтому Крысиный нос ничего не уразумел:

- Порфирий, будешь держаться за его спиной. При попытке бежать сверни ему шею!

Несколько человек зашли за дом, спустились по извилистой тропе к огороженному стеной городскому кладбищу. Обойдя его с западной стороны, они наткнулись на развалины дома, стены которого горожане уже начали разбирать на кирпичи. От внутренностей здания в снегу была протоптана тропинка прямо к брусчатке, что выводила на улицу Аптекарских весов. Видимо, по каким-то надобностям заброшенное жилище ещё кто-то посещал. Зайдя внутрь, зажгли факелы...

Крысиный нос, переступив через кучу мусора, подошёл к дальней стене и с большим трудом отодвинул от неё гранитную плиту, под которой оказалась нора.

- Придётся идти этим путём. Король сейчас находится в Гостиной весельчаков, отсюда – самый близкий путь.

- Степан, - скомандовал один из казаков. – Лезь первым.

Невысокого роста казак сбросил, как змея кожу, свой плащ, осветил внутренности ямы факелом, затем, передав последний в руки старшего, спрыгнул вниз. Тотчас послышался его голос:

- Факел сюда! Спускайтесь!

Вторым полез Томас, за ним – Порфирий. Через минуту вся группа скрылась в глубокой яме.

- Этот ход мы прорыли на случай спешного... отхода, - пояснил Томас. – Во время облав, которые иногда случаются... Дальше будет старый тоннель, там гораздо чище и сам он пошире будет.

- И куда ведёт эта нора? – спросил Герберт.

- Мимо Дворца калек в Гостиную весельчаков. Это у нас такие названия мест сбора попрошайек, где они могут отдохнуть, провести свой совет или как следует гульнуть по поводу удачного дела. Только сейчас нам не до веселья, еле концы с концами сводим. Известное дело – война... Есть у нас Кладбище дырявых барабанов – пристанище, как вы поняли, для отставных музыкантов – хромых, слепых, убогих, словом, тоже калек. Иногда они поигрывают что-то для души... А есть Дворец призрака, но туда лучше не ходить...

- А имеется ли у вас госпиталь? – поинтересовался Герберт.

- Нет. Зачем? Лечить-то всё равно некому. Было тут у нас пару знахарей, ставили примочки, давали целебные настои, смазывали раны, да ушли они. Ведь, если их схватят, поди, докажи, что ты врач, а не грабитель! Вздёрнут без лишних разговоров – таков у бургомистра суд...

Подземный ход и правда, скоро изменился. Теперь справа и слева были различимы кирпичные стены, заканчивающиеся вверху сводчатым потолком, до которого было не менее четырёх локтей. Справа возник ещё один тоннель.

- Эта дорога ведёт под реку, - пояснил Томас. – Дворец призрака – там.

- Почему «призрака»? – поинтересовался полицейский. – Там что, обитают призраки?

- Известное дело, - ответил Хеллер. – Поэтому я и сказал, что туда лучше не соваться. Живым оттуда не выберешься...

- Стоять! – послышался голос впереди. – Кто такие?

- Клаус, это я, Крысиный нос.

- Кто с тобой?

- Эти люди жаждут встречи с нашим королём...

- Ты что, сдурел? Разве ты не знаешь наших законов? Никто не смеет искать встречи с королём. Он сам её назначит, если понадобится!

- Успокойся, Клаус! Мохнатый Мартин ждёт их, - соврал Томас. – Дело пахнет звонкой монетой, а наш король никогда не откажется от своей кучки талеров!

- Они вооружены?

- Нет! Ты можешь сам убедиться в этом!

- Господа, - наконец, вышел на свет Клаус. Был он похож на гнома – приземист, широк в плечах, косматые брови нависли на глаза. В руках он держал боевой топор, лезвие которого поблёскивало в свете факелов. – Я вынужден вас обыскать. Никто не смеет приближаться к королю с оружием в руках!

Вслед за Клаусом из темноты вышел второй «стражник». У этого в руках был настоящий мушкет.

- Не очень-то мне верится, чтобы такие господа не захватили с собой хотя бы ножа, - проворчал Клаус, оглядывая странную процессию. – Давайте-ка, не спеша... По очереди. Через несколько минут, Клаус удовлетворённо хмыкнул:

- Действительно, ни у кого ни пистолета, ни шпаги, ни ножа... Одни лишь плётки...

- Это - всадники. Они оставили лошадей в стойле у пивоварни Кунца, – объяснил Томас. – А всаднику без плётки нельзя.

Ни тот ни другой не знали, что в руках пластуна нагайка – мощное оружие.

- Чёрт с вами, проходите! Но мы вас будем сопровождать!

Старший из казаков сделал знак Томасу и тот вытащил из кармана несколько монет.

- Вот, - сказал он, подавая деньги «стражнику». – Чтобы ты не думал, что мы – какие-нибудь злодеи. Это - наша пошлина за вход.

Клаус принял талеры и сделал приглашающий знак следовать дальше.

Дворец калек представлял собой обширное помещение, освещаемое вставленными в стену факелами, и напоминал свалку мебельной рухляди, из которой местные обитатели соорудили подобия столов, кроватей и стульев. На лежаках валялось несколько «придворных», которых «покалечило» большое количество выпитого ими вина, о чём свидетельствовало обилие раскиданных по полу бутылок. Судя по их количеству, можно было предположить, что горячительные напитки являются основным продуктом питания местной братии. Вперемежку с пустой посудой на полу валялись игральные карты. Тут и там шныряли крысы, привлечённые запахом съестного. Однако собутыльники ничего не оставили своим хвостатым соседям.

Никто не окликнул проходящих через Дворец калек людей, ибо присутствующие здесь обитатели не были в силах даже пошевелить языком.

Когда шедший впереди Томас уже свернул в очередной тоннель, старший из пластунов коротко бросил:

- Братцы, эскорт...

Хеллер лишь услышал короткие щелчки нагаек, но поинтересоваться, что там произошло, сзади, не смог. Только он попытался оглянуться, как тяжёлая рука Порфирия грубо толкнула его в спину.

- Не оглядываться!

И вновь процессия пошла по узкому коридору со сводчатым потолком. Сопровождавшие их «стражники» Клауса, да и сам он, лежали со свёрнутыми шеями среди славной компании загулявших попрошаек во Дворце калек.

Казачи прошли по коридору ещё четверть часа, распугивая спящих под ногами крыс. Некоторые из них вели себя очень необычно: присев на задние лапки и возбуждённо попискивая, передними они словно указывали направление дальнейшего движения. Вскоре путники обнаружили ещё два ответвления.

- Этот путь – к альтштадскому порту, – пояснил Томас, - и к рынку. А это – дорога на Хаберберг, к кирхе «Тринитатис» (53).

- Я смотрю, по этим ходам можно очутиться в любом районе Кёнигсберга, - пробормотал Герберт.

- Так оно и есть. Мы идём этим коридором, но есть ещё и другие... Кстати, мы уже подходим... Слышите, звучит музыка? Король всегда трапезничает под музыку придворной капеллы. Возможно, у него хорошее настроение и он решит вопрос в вашу пользу. А мне нужно уходить. Если он узнает, что я привёл вас сюда без предварительного его одобрения, меня ждут неприятности... Поэтому, я удаляюсь, обо мне – ни слова... Идите вперёд, и да помогут вам небеса!..

Впереди виднелось освещённое пространство, видимо, это и была Гостиная весельчаков, резиденция короля нищих. Оттуда доносились звуки скрипич и громкие голоса людей. Томас, получив деньги, крысой метнулся в тень и исчез – Порфирий выпустил его.

- Что ж, господа, - прошептал Герберт. – Мы пришли... Скорее всего, нас тут всех убьют, но... начатое нужно продолжать...

- Не бойся, братишка, – тихо ответил ему Порфирий. – Не убьют. Господь сохранит...

Они бесшумно двинулись вперёд и вскоре оказались в очередном зале, заставленном всевозможной рухлядью, подобно той, что видели во Дворце калек. Но Гостиная весельчаков выглядела более пристойно. В центре был сооружён высокий постамент, на котором располагался дубовый стол со стулом. Вокруг него в беспорядке теснились другие столы и скамьи, на которых сидели люди. Вдоль стен стояли, лежали и ползали обитатели этого подземного королевства, видимо, рангом пониже. Кто-то пил вино, другие играли в карты, иные грызли сухари, а некоторые спали.

За столом на пьедестале восседало существо, заросшее рыжей шерстью. Почти всё его лицо было спрятано в густых волосах, копна на голове, грива на подбородке. Шея, грудь и руки тоже были покрыты волосами. Мохнатый Мартин «трапезничал», если так можно было назвать яростное пожирание копчёной свиной рульки. Он раздирал её зубами, жир стекал на подбородок, в густую бороду. При этом король нищих громко чавкал, порою заглушая звуки скрипок, которые держали в руках два пожилых музыканта. Время от времени он запивал свою еду вином.

Едва группа шагнула в Гостиную весельчаков, как её обступили два десятка вооружённых людей. Тут и Мартин, громко рыгнув, обратил внимание на вошедших.

- Это что за второе пришествие Спасителя, клянусь небесами? Как посмели появиться здесь, в моём королевстве без особого приглашения? Шпионы бургомистра?

Кольцо вокруг Герберта и казаков сжалось ещё теснее.

- Ваше величество, позвольте объяснить, – подал голос кёнигсбергский полицейский. – Нас привела к вам нужда. Мы просим прощения за столь невежливый визит, но выслушайте нас пожалуйста!

- Что? Как узнали про ход в Гостиную? Кто провёл?

- Мы...

- Их провёл Томас Хеллер по прозвищу Крысиный нос, ваше величество, - раздался голос позади казаков. – И за это получил кругленькую сумму...

- Где этот предатель?

- Мы схватили его, ваше величество... Ему не удалось сбежать!

- Крысиный нос? – Мохнатый Мартин злобно ощерился. – Вот пусть и отправляется к крысам! Бросить его в яму им на съедение! Немедленно!

Отчаянные вопли бывшего проводника свидетельствовали о том, что Хеллера действительно потащили к месту страшной казни.

- Что вам надо? – наконец, обратил внимание на группу незваных гостей король нищих. – И кто вы такие, чёрт бы вас побрал!.. Постой, тебя я знаю, - указал он пальцем на Герберта. – Ты - полицейский, верно? Наверное, тоже хочешь отправиться в яму к крысам? - Он отрывисто бросал свои фразы, чередуя их с отборной бранью.

- Выпустить им кишки! – раздался чей-то вопль. Толпа нищих заволновалась, зашумела...

- Да, я полицейский, ваше величество, - поклонился Мартину Герберт. – По долгу службы я немало общался с вашими подданными, некоторым помогал, а кое-кого даже спас от виселицы... Нас привело к вам важное государственное дело. Мы одни, с нами никого нет, и о вашем убежище мы никому не расскажем. Мне ещё поддерживать с вами отношения, а это, – Герберт кивнул на спутников, – русские казаки. Им нет дела до наших нищих, весной они вновь отправятся на войну. Мы пришли к вам без оружия...

- Ну, - казалось, король нищих немного успокоился. – Что у вас за дело? Учтите, если я решу, что вы напрасно меня потревожили, вам несдобровать!

Кольцо вокруг гостей короля зазвенело оружием.

- Ваше величество, нас интересует мальчик по имени Гент Хельке. Он исчез из Сиротского дома три года назад, когда умерла его мать, а отец воевал. Сейчас отец вернулся с войны, и разыскивает своего сына... Мы действуем по его просьбе... И надеемся, что мальчик не забыл своё имя...

- Гент? – усмехнулся Мохнатый Мартин. – Есть у меня такой. Чрезвычайно смыслённый мальчишка. Пожалуй, самый талантливый из моих учеников. Он – наша надежда! В будущем моё королевство рассчитывает, что он будет приносить в казну немалый доход, верно, братья мои и подданные?

В зале зашумели ещё больше.

- Мы согласны, что королевство с потерей такого... подданного понесёт некоторые убытки. И готовы возместить их! – громогласно произнёс Герберт, перекрывая шум пьяной толпы.

- Тысяча талеров! – назвал свою цену Мохнатый Мартин. В волосатой роже хитро и алчно блеснули его глаза.

- Вы получите их, – ответил Герберт и, судя по тому, что полицейский не стал торговаться, король нищих сразу понял, что он продешевил.

- И ещё столько же, для того, чтобы вы могли беспрепятственно выйти отсюда, – продолжал, ухмыляясь, Мартин. Он наблюдал за реакцией гостей. Те, конечно, посовещались.

- Мы согласны, ваше величество.

- И пятьсот за то, чтобы я вас простил за вероломное вторжение на мою территорию...

Нищие в зале возбуждённо загалдели, поддерживая своего наглого короля.

- Ваше величество, но у нас только две тысячи триста... - развёл руками Герберт. – И с собой – никаких ценных вещей...

Мохнатый Мартин обвёл взглядом гостей, затем обратился к залу.

- Как думаете, братья мои и подданные, выгодная ли это сделка? – и ухмыльнулся.

В большинстве своём подданные выразили согласие.

- Тогда приведите ко мне Гента! – крикнул король нищих. – Он сейчас со своими молодыми братьями отдыхает в Академии... А вы, приготовьте денюжки, господа!

Через несколько минут в Гостиную весельчаков привели щупленького мальчика. Тот выглядел, отнюдь, совсем не испуганно, а взирал на происходящее даже с каким-то вызовом. Был он одет в **грязные** лохмотья, платье, сшитое из бог весть каких кусков материи. Голодные глаза с надеждой смотрели то на короля, то на группу незнакомцев, окружённых кольцом из вооружённых людей. Герберт засомневался, того ли мальчишку ему привели. Этому, на вид было чуть больше семи лет.

- Как тебя зовут, парнишка? – спросил он у маленького воришки. – И сколько тебе лет?

- Отвечай, - со своего места приказал мальцу король нищих.

- Я – Гент Хельке, – чётко ответил паренёк. – Мне девять лет. Я – сирота. Моя мать умерла, а отец, похоже, погиб на войне.

- Чем ты докажешь, что и есть Гент? Ты не выглядишь на девять лет, больно маловат.

Мальчишка сунул под нос Герберту маленький чумазый и крепко сжатый кулачок.

- Вот моё доказательство. Других не имеется.

Зал грохнул от хохота.

- Мордашка, вроде, схожа с папашинной, - обескуражено промолвил полицейский. – Думаю, что это на самом деле Гент.

- Дружище, - обратился он к мальчишке. – Твой отец, оказывается, жив. Он повсюду ищет тебя. Мы отведём тебя к нему.

- Отец? – удивился Гент. – А он добрый? У него достаточно еды? Он не будет меня колотить?

- Не будет, если ты не начнёшь шалить. Жить будешь в просторном, светлом доме, питаться будешь хорошо, быстро вырастешь и окрепнешь.

- Что ж, если его величество отпустит меня, я пойду жить к своему отцу.

- Он отпускает тебя.

- Если мне заплатят! – рявкнул со своего места Мохнатый Мартин.

Герберт достал из кармана кошельки и встряхнул ими. Монеты дружно звякнули.

- Передайте деньги его величеству. Здесь две тысячи триста талеров.

Пока король нищих пересчитывал деньги, старший из казаков еле слышно проговорил Герберту:

- Я не верю, что нас отсюда выпустят.

- Будьте готовы к внезапной атаке, – ответил тот так же тихо.

- Платон, - подозвал старший одного из казаков и что-то шепнул ему на ухо.

- А может, Бог милует, - пробормотал Герберт.

Наконец, Мохнатый Мартин пересчитал деньги и, видимо, остался доволен.

- Ладно, - сказал он, махнув рукой. - Забирайте парня и валите отсюда. Мои люди вас проводят. - Он шепнул несколько слов одному из вооружённых оборванцев. - И позабудьте дорогу сюда. В следующий раз я прикажу убить каждого, кто появится тут без моего ведома!

- Оставайтесь с миром, - поклонился Герберт, взял мальчишку за руку и направился к выходу. За ним двинулись казаки, которых было четверо. За ними тронулись в путь восемь вооружённых людей из числа нищих. Но, если бы кто-то был понаблюдательней, то припомнил бы, что казаков с господином Гербертом пришло пятеро. Пятый же словно растворился во мраке коридора. Впрочем, он вскоре вышел из чёрной мглы и, никем не замеченный, пристроился к арьергарду общей колонны. После него в мрачном коридоре не было никого.

- Во Дворец калек, - бросил старший казак своим товарищам.

Расправиться восьми вооружённым людям с пятью безоружными - дело нетрудное, особенно, если нападающие атакуют сзади и внезапно. Но это когда речь идёт о ком угодно, но не о казаках. Пластуны приучены действовать скрытно, часто в тылу врага, умеют в качестве оружия использовать любой подручный предмет, они сильны и выносливы, бесстрашны и очень расчётливы. Пока вооружённые конвоиры следовали гуськом друг за другом, выбирая свои будущие жертвы и предвкушая дополнительную добычу, а намеревались напасть они во Дворце калек, поскольку там было, где развернуться, казаки уже начали действовать.

Платон, шедший сзади, бесшумно приблизился к последнему из эскорта нищих, здоровенному парню с палашом в руке и натренированным движением свернул последнему шею. Придержал, чтобы он не рухнул, поднимая шум, и аккуратно положил его на каменный пол. Палаш взял с собой.

- Как думаешь, Гюнтер, осталось ли у них ещё золотишко? - спросил один из вооружённой своры другого.

- А как же! Думаю, ещё тысяча талеров у них имеется. Мохнатый Мартин не такой дурак, чтобы упустить такой куш!



В этот момент второй из их «войска» распрощался с жизнью: Платон расправился с ним, используя трофейный палаш. Чтобы громила не издал никакого звука, казак зажал ему рот рукой. Всё опять произошло бесшумно.

Когда процессия подходила к Дворцу калек, вооружённый отряд Мохнатого Мартина уменьшился вдвое. Едва Герберт с казаками вошли во Дворец, старший из казаков приказал всем рассыпаться и готовиться к схватке. Он коротко бросил:

- К бою!

Вооружённые подземные разбойники тут же бросились на казаков, не заметив, что их стало уже четверо. Но тут - грянул выстрел (Платон у одного из обезвреженных им врагов извлек заряженный мушкет), и оглушительный грохот заложил всем уши звенящими пробками, а воздух наполнился едкими пороховыми газами, вызвав у нападавших судорожный кашель.

Так от войска Мохнатого Мартина осталось всего трое бойцов.

- Проклятье! – закричал предводитель отряда нищих. – Где остальные?

Он этого так и не узнал. Зато перед кончиной смог убедиться, что нагайки пластунов способны вырвать любое оружие из рук противника, удар же ею по лицу может ослепить на длительное время, а рукоять такой плётки, коль ею крепко приложить, легко вышибает из головы остатки мозгов...

## Глава 11. Донесение в Санкт-Петербург

Во втором часу пополудни пегая лошадь, запряжённая в фургон тёмно-зелёного цвета, в котором обычно перевозят арестантов и заключённых, свернула на Кёнигштрассе. Прохожие равнодушно провожали взглядом унылый экипаж, оставляющий на снегу две полосы от санных полозьев. Кошка, оторвавшись от лакания из лужи, поскольку снег возле дома за ночь подтаял, тоже проводила повозку тяжёлым, настороженным взглядом, затем продолжила своё занятие.

- Н-но-о! – погонял лошадь возница, держа в рукавицах длинный кнут.

Несмотря на робкую оттепель, из ноздрей лошади вылетал густой пар, копыта скользили, подковы глухо стучали по мостовой, на которой сохранились остатки снега и льда.

Арестантский фургон приближался к Альтштадту. Проехав мимо Королевского замка, возница свернул к городской ратуше. Здесь, как обычно, былолюдно. Оживлённо беседовали между собой несколько господ, неподалёку скучали лошади, запряжённые в пару карет, тут же стояли в ожидании кого-то полдюжины человек в военных мундирах. Арестантский фургон проехал мимо главного входа и остановился возле торца здания. Тотчас к нему подошёл офицер в драгунском облачении с двумя солдатами.

- Открывай, живо!

Зазвенели ключи на связке, заскрежетал замок. Дверь распахнулась.

- Вылезай!

Из фургона показалась голова перевозимого арестанта. Тот огляделся по сторонам, глубоко вздохнул и неуклюже принялся спускаться на снег. Он сильно хромал и

постоянно потирал больную ногу. Горожане, шедшие на альтштадский рынок, с любопытством глазели на конвоируемого. Офицер прикрикнул на них, чтобы проходили мимо, не задерживаясь.

С торцевой части городской ратуши было выстроено небольшое крылечко, ступени вели вниз. Поддерживая хромого под руки, хотя тот не пытался сопротивляться, солдаты повели его по ступеням.

- Я арестован, господин поручик? – спросил ведомый.

- Всё зависит от того, насколько правдиво вы будете отвечать на поставленные вопросы и сотрудничать со следствием. Весьма вероятно, что отсюда вы отправитесь напрямик в Тайную Канцелярию Санкт-Петербурга. А возможно, вас отпустят домой. Только не обольщайтесь, такое отношение ещё надо заслужить!

Лицо хромого скривилось в усмешке.

- Надеюсь, вопросы, которые мне зададут, не будут касаться тех сфер, от которых я весьма далёк...

В помещении, куда ввели задержанного, за столами сидели два офицера. Один был прусский полицейский, другой – русский в мундире драгуна. У того и у другого имелись на столе листы бумаги, перья и чернильница. Между этими столами поставили стул, на который и уселся подозреваемый. За ним встали солдаты.

Кабинет освещался свечами, было тепло и даже уютно.

- Итак, вы и есть Зигфрид Хельке, подозреваемый в шпионаже в пользу Фридриха II? - произнёс прусский полицейский. – Отпираться бессмысленно, в вашем доме был произведён обыск, и обнаружены документы, некоторые из оных написаны вашей рукой. Полковник русского штата Половинкин, действуя по приказам масонской цепочки, поставлял вам сведения военного характера: замыслы русского командования, количество частей, расквартированных в городе, наличие на складах вооружения и фуража... Кроме того, вы замешаны в подготовке мятежа. Ваше масонское руководство, как, впрочем, и военное, заинтересовано в том, чтобы в Кёнигсберге вспыхнуло восстание против русской администрации. Лица, с которыми вы поддерживали связь, пока не арестованы, поскольку они выводят нас на след ваших руководителей. Но, в скором времени, и они будут схвачены и преданы суду.

В разговоре возникла пауза. Видимо, следователь дал возможность Хельке прочувствовать всю тяжесть и безвыходность своего положения. Но тот изучал взглядом потолок, оштукатуренные стены и откровенно зевал.

- Раз уж у вас собраны все доказательства моей вины, то отпираться действительно бесполезно. Можете повесить на меня всех чертей и вздёрнуть, как шпиона, хотя, я предпочёл бы другую смерть, - ответил он.

- Это только одна сторона медали, - продолжил русский офицер в чине полковника. – А вот и другая. По нашим сведениям, ваши злодеяния зашли слишком далеко. Вам показалось мало передавать сведения и разжигать вражду между прусским населением и русским правительством, тогда вы вознамерились нанести удар по нашей императрице Елизавете Петровне!

Ни один мускул не дрогнул на лице капитана прусской артиллерии.

- С этой целью вы решили выехать в Санкт-Петербург. Вы и поедете туда, только в арестантском фургоне в гости к самому главе Тайной Канцелярии Александру Шувалову. Что вас там ждёт, вы можете догадываться. Поверьте, там сумеют вырвать из вас всю правду, даже если для этого понадобятся раскалённые клещи.

- Не сомневаюсь, - процедил сквозь зубы Хельке. – И что же вы намереваетесь от меня узнать?

- Прежде всего, всё, что касается покушения на императрицу. В первую очередь, имена. Кто руководит этим преступлением здесь и в России, его детали, непосредственные исполнители? Сомневаюсь, чтобы это были вы. Вы хорошо проявили себя у орудия, но яд или колдовство – не ваш метод...

Русский полковник смотрел на Хельке так, словно всё уже знал о нём. Предвидел, что он ответит, как станет отпираться и оправдываться. Его уверенный взгляд и тон свидетельствовал о том, что ему всё известно и без признания прусского капитана.

- По поводу русской императрицы мне нечего вам сказать... Я собрался в Санкт-Петербург исключительно по коммерческим делам. Что же касается лиц, заинтересованных в её кончине, то, думаю, при Дворе таких найдётся немало. Например, из молодой знати... Возможно, великий князь... Или великая княгиня. Кто-то из них уж точно, готов спровадить императрицу на тот свет. Не говоря уже о придворных...

- А вы, значит, не имеете к этому никакого отношения? – полицейский закурил трубку и, хитро улыбаясь, смотрел на Хельке. Весь его взгляд как бы говорил: «Знаем мы вас, «невинных овечек»

- Советую вам подумать, прежде чем ответить. На некоторые ваши грехи мы могли бы закрыть глаза... Служба Фридриху? Да и бог с ним! Пошлётё ему через своих людей несколько ложных донесений и... будете прощены. Тем более, что войне скоро конец. С заговорщиками мы сами разберёмся... Но попытка убийства нашей государыни вам дорого обернётся. Прямо отсюда вы попадёте в лапы Тайной канцелярии и там уж пощады не ждите... Впрочем, у вас есть выбор... - полковник взмахнул рукой. – Приведите мальчишку.

Отворилась дверь, расположенная в противоположном от входа конце. В помещение вошёл щупленький паренёк на вид лет семи-восьми. Озираясь по сторонам, он сделал в направлении Хельке несколько шажков. Его сопровождал русский унтер-офицер.

- Подойди сюда, малыш, – подозвал мальчишку русский полковник.

Тот подошёл, кинув любопытный, но осторожный взгляд на Хельке.

- Назови своё имя.

- Гент Хельке, господин...

- Кто твои родители?

- Отец ушёл на войну, а мама умерла.

- Помнишь ли ты своего отца?

- Нет, я тогда был совсем маленький.

- А сейчас сколько тебе лет?

- Полных девять. Это я просто ростом не вышел...

Изумлённый Зигфрид Хельке смотрел на мальчишку и не мог произнести ни слова.

- В подвалах, наверное, неважная была кормёжка?

- Это уж точно...

- А зачем ты сбежал из Сиротского приюта, Гент? Неужто там было так плохо? Тот пожал худенькими плечами.

- Мальчишки подговорили. Пойдём, говорят, с нами. Там – свобода, делай что хочешь! Вот я и сбежал...

- И что было дальше?

- Бродили по городу, попрошайничали... Потом, Михаэля сбила лошадь...

На глаза Хельке навернулись слёзы. Но губы его по-прежнему оставались плотно сжаты.

- Что было потом?

- Потом нас приютил король нищих Мохнатый Мартин. И мы стали учиться в его академии...

- На кого вы учились?

- На карманных воришек, господин. Нам втолковывали, что если вора поймают с поличным, его запросто могут убить. Поэтому работать мы должны... как это?.. Ю..ве...

- Ювелирно?

- Да. А для этого нужно много учиться... Вот мы и учились. Я уже в совершенстве освоил некоторые премудрости профессии...

- Пусть... - начал говорить Хельке, да поперхнулся.

- Что вы хотели сказать? – спросил его полицейский.

- Пусть обнажит спину... У моего сына на лопатках было две родинки, расположенные почти симметрично... - его дыхание участилось, как после длительного бега.

- Пусть мальчик покажет спину, – разрешил полковник. – Ты согласен, Гент?

- Охотно, господин. Правда, там имеются следы побоев... Это наказание за невыученный урок...

Он задрал рубаху (его грязные обноски накануне заменили на более приличную одежду) и продемонстрировал прусскому капитану свои лопатки.

Хельке побледнел.

- Вы ещё сомневаетесь, что перед вами ваш сын? – прямо спросил полковник ветерана войны.

- Н-н-ет..., - мотнул головой Хельке. – Но, как... Зачем?..

Мальчик изумлённо смотрел то на своего вновь обретённого отца, то на русского полковника, то на опирающихся на мушкеты солдат.

- Лучше обнимите друг друга, - сказал офицер, а сам полез за трубкой. – Во имя Господа всемогущего...

- Сынок, - вскочил со стула и распахнул объятия Хельке. – Гент!... Я – твой отец... Иди скорее ко мне! Я обниму тебя...

- Папа! – воскликнул малыш, бросаясь к Хельке. – Так это ты забрал меня от Мохнатого Мартина? Я больше никогда не вернусь к нему! Как же хорошо, что ты жив! Теперь мы будем вместе? Я стану послушным сыном и никогда не покину тебя!

Прусский капитан, прижав сына к своей груди, уже рыдал и не скрывал своих слёз. Он обхватил маленькое тельце сына, словно это был самая большая драгоценность на

свете, но держал его бережно, боясь причинить ненароком боль тому, кто и так испытал её на этом свете больше, чем надо.

- ...Все эти годы я верил и не терял надежды... - шептал растроганный отец, - Надежда, сынок, словно тоненький фитилёк в толстой свече повседневных забот, освещала мою дорогу, прогоняя грустные мысли и страшные тени отчаянья..., – Хельке похлопал себя по карманам в поисках трубки и кисета, которых так и не нашёл. – Теперь у тебя, сынок, снова появится свой дом, семья и любящие родители... С нами будет жить хорошая женщина... добрая и любящая. Она очень хочет стать твоей матерью. Но только и ты постарайся не огорчать её дурными поступками...

Мальчик уткнул своё лицо в несвежую отцовскую рубаху и тоже захлюпал носом.

- ...Скоро закончится зима, - нараспев говорил капитан, не обращая внимания ни на кого, кроме Гента, - и мы обязательно сходим с тобой в сад господина Сатургуса (52) Знаешь, хотя тот сад и не очень велик, но считается лучшим во всём Кёнигсберге. – Заскоружлой рукой отец нежно гладил сына по непослушным вихрам. - Его хозяин, будучи весьма любознательным, образованным и богатым человеком, наполнил своё детище диковинными вещами... Там находится богатая оранжерея с чужестранными растениями. Есть птичник и зверинец, в котором содержится множество редких животных, – мечтательно перечислял Хельке. - Что же касается самого сада, то в нём изобилие цветов и фруктовых деревьев, тут и там стоят фигуры из искусно стриженных кустов и журчат фонтаны. А вода в них подаётся насосами из канала и сначала поступает в большой свинцовый бассейн, скрытый от глаз в башне, подле которой стоит резная беседка, в которой можно насладиться мелодичным колокольным перезвоном, производимым стекающими струями... Говорят, что там живут настоящие гномы... В одном из домиков находится маленькая кунсткамера. Нигде больше ты не увидишь такого количества минералов, древних окаменелых животных и морских раковин, птичьих яиц и чучел... Там, под стеклом разложены яркие, разноцветные бабочки. Но более всего, думаю, ты удивишься собранию янтарных самородков с находящимися внутри их мушками да козявками...

Оба офицера, военный и полицейский, посветлели лицом и сочувственно улыбались, не пытаясь прервать эту умилительную сцену.

- Не правда ли, счастье похоже на радугу после грозы, – заметил, вздохнув, полицейский чин. – Оно, словно нежная детская улыбка, дарящая нам надежду на то, что в жизни не всё так уж скверно... Отчего же так редко случаются у нас такие славные минуты?... Ведь, подобная радость в душе не зависит от количества денег. Последние, правда, делают человека счастливее, если помогают вырваться из нищеты. В случае, когда такой необходимости нет, они не имеют большого значения...

- Полностью с вами согласен, – вторил ему русский офицер. - Счастье – это, прежде всего, семья и дети, глядя в глаза которых начинаешь понимать, для чего тебя создал Бог! Меня самого в Смоленске ждут две дочери...

Наконец, Зигфрид Хельке вытер слёзы, как свои, так и сынишки, размазав их ладонью по щекам и подбородку, и уселся на стул, не выпуская Гента из рук.

- Теперь мы с тобой не расстанемся, сынок, – шептал он на ухо своему отпрыску.

- А вот об этом мы сейчас и поговорим, - полковник обмакнул перо в чернильницу. – Как вы догадались, перед вами выбор. Или вы уходите с мальчиком домой, спокойно женитесь на Магде Таль и живёте своей жизнью, как захотите, или... сейчас вас посадят в арестантский фургон, и вы... сюда уже никогда не вернётесь. Вам следует только сказать несколько слов, которых мы от вас ждём!

- Скажи им, папа, – испуганно произнёс малыш. – Я не хочу, чтобы ты куда-то уезжал...

- Я никуда не уеду, сынок... Слушайте же, господин полковник. Да, на государыню готовится покушение. Но не здесь, в Кёнигсберге. Тот, кто выполняет эту задачу, уже там, в Санкт-Петербурге! Он прибыл туда ещё в конце осени. Этот человек – доверенное лицо короля Фридриха, граф Герман фон Бок! Но там он действует под другим именем. Под именем французского парфюмера и ювелира мэтра Боку!

Вечером того же дня, из Кёнигсберга в столицу выехал посыльный с письмом. В нём было написано:

*«Милостивый государь, граф Александр Иванович!*

*Надеюсь, Вы в добром здравии и настроении.*

*Спешу сообщить Вам, что с Божьей помощью, провели мы своё расследование, здесь, в Кёнигсберге. Для сего и задействовано нами было из полицейских чинов и собственных казачьих и офицерских немалое количество. Позвольте доложить: в Кёнигсберге на самом деле разоблачена масонская ложа, подчиняющаяся той, которой руководит небезызвестный Фридрих II. Целью её является возвращение бунта среди местного населения супротив русской администрации.*

*Основные зачинщики нами уже выявлены и не избежат наказания.*

*Но более всего мы возмущены тем, что на нашу Государыню действительно готовится покушение. Наши офицеры, проникнув в масонскую ложу и выявив основных подозреваемых, провели большую работу по сбору доказательств и установлению имени основного злодея, который теперь пребывает у вас, сударь, в Санкт-Петербурге. Имя его – мэтр Боку (граф Герман фон Бок). Он является парфюмером, а также ювелиром Ея Величества.*

*Милостивый государь Александр Иванович! Проявите всю свою волю, но добейтесь изъятия у Государыни всех купленных по Её указу вещиц, будь то золотые украшения, краски для волос, кремы, мази, помады или наряды. Все эти предметы необходимо уничтожить, ибо они могут быть заражены страшной болезнью!*

*Если Вам дорога жизнь и здоровье нашей Государыни, немедленно займитесь этим делом!*

*За сим, остаюсь Вашим верным слугой и рабом Императрицы,*

*Граф Василий Иванович Суворов, генерал-губернатор Восточной Пруссии.*

*28 января 1761 года от Рождества Христова».*

## **Глава 12. Послесловие к первой части**

Александр Шувалов получил послание из Кёнигсберга уже в феврале. «Ай, да Василий Иванович, - подумал он. - Вот, хитрец, всё сумел разузнать!» А сам, прочитав письмо, крепко задумался. Схватить Боку? Это - всегда успеется. Спасать Елизавету?.. А стоит ли торопиться...? Государыня что-то уж слишком закусила удила... Да и так ли нам страшен Фридрих?.. Брат Иван, что в фаворитах у императрицы, гоголем ходит, важничает. И не поступишь к нему... Пускай, так всегда было: дураки умничают, а умные дурачатся...

Но Пётр Фёдорович? Коль вступит он на престол, то останется ли таким же податливым и послушным? Пожалуй, да... А кто тогда будет за всем следить, всеми руководить, карать и миловать? Всё перепадёт ему, Александру Ивановичу, больше некому. Он станет полновластным господином в империи... Так есть ли смысл немедленно бросаться на спасение государыни?

Чем дальше размышлял Шувалов над этим вопросом, тем более он склонялся к мысли о том, что ничего предпринимать не надо. Ложась в мягкую постель, граф задул свечу, которая на удивление долго ещё коптила... «Пусть всё идёт своим чередом...» - решил он.

А Елизавете становилось всё хуже. За всю текущую зиму она лишь раз была на большом выходе. При этом на её груди и шее сверкали драгоценности, купленные у ювелира Боку.

Неизвестная, непонятная болезнь постепенно брала верх над императрицей. Обычно властная и требовательная, бескомпромиссная и решительная, она всё чаще пребывала в меланхолии, и не покидала свою спальню в Царском-Сельском дворце, запершись в ней. Елизавета Петровна подурнела, у неё стали отекать ноги и лицо. Пытаясь хоть как-то отвлечься, дочь Петра пристрастилась к крепкой наливке. Болезнь, между тем, прогрессировала.

Война продолжалась и требовала огромных средств. Франция воевать уже не могла. Она первой предложила условия мирных переговоров, началось их обсуждение. Фридрих II попал в ещё более тяжёлое положение. Последний союзник - Англия покинула его. После ряда сокрушительных поражений Старый Фриц уже не мог оправиться. Его страна была истощена, войско потеряло боевой дух, лучшие офицеры погибли на полях сражений... Фридрих Великий не мог примириться с поражением, для него это было хуже смерти, но ничего изменить уже не мог.

В течение всего 1761 года состояние Елизаветы ухудшалось. Императрица по-прежнему избегала людей, её мучили кошмары и видения. Она говорила что-то об оживающих картинах и гобеленах, о раскачивающихся ветвях деревьев на полотнах европейских художников, о том, что её платья сами разгуливают по коридорам дворца... От былой красоты императрицы не осталось и следа.

17 ноября 1761 г. Елизавете сделалось очень дурно. У неё появилась лихорадка, сопровождавшаяся рвотой, сильным кашлем и кровохарканьем... Затем болезнь возобновилась 12 декабря. Через десять дней, после нового обильного кровотечения лейб-медики Монсей, Шилинг и Круз объявили, что положение императрицы безнадежно. Она исповедовалась и причастилась. Но агония продолжалась ещё несколько дней. Смерть наступила 25 декабря 1761 (7 января 1762) года в день Рождества Христова, на 53 году её

жизни. Умерла государыня от горлового кровотечения. Оно стало результатом какого-то непонятного хронического заболевания, так и не установленного придворными медиками.

Всё, что произошло далее, хорошо известно людям, интересующимся историей своего государства. На российский престол взошёл племянник почившей императрицы – Пётр III. Об этом государе сложилось двоякое мнение. С одной стороны, о нём известно, как о недалёком, не любящем Россию человеке, преклоняющимся перед Фридрихом и ненавидящем свою супругу Екатерину... С другой стороны, будучи ещё великим князем, Пётр внёс весомый вклад в русскую музыку. Будучи прекрасным скрипачом, он создал в Ораниенбауме собственный музыкальный театр, к работе в котором привлёк знаменитых итальянских композиторов и либреттистов. Находясь в должности директора Шляхетского корпуса, великий князь оказывал поддержку наукам и учёным. Много сделал Пётр для развития картографии России, он организовал экспедиции учёных географов и этнографов в отдалённые регионы страны. Став императором, Пётр III начал энергично заниматься государственными делами. Как и его дед, Пётр I, он предполагал провести серию реформ. За весьма короткий срок своего царствования он упразднил Тайную канцелярию (обрушив надежды Александра Шувалова), начал процесс секуляризации церковных земель, создал Государственный банк и выпустил ассигнации, указал на необходимость бережного отношения к лесам как одному из важнейших богатств России. Он издал указ, разрешающий строить фабрики по производству полотна для парусов в Сибири. Другой указ, изданный им, квалифицировал убийство помещиками крестьян как «тиранское мучение» и предусматривал за это пожизненную ссылку. Кроме этого, Пётр III прекратил преследование старообрядцев и других иноверцев, таким образом, провозгласив свободу вероисповедания. Важнейшим документов являлся «Манифест о вольности дворянства» (55), благодаря которому дворянство стало исключительным привилегированным сословием Российской империи. Он освободил дворян от обязательной службы, наделил привилегией беспрепятственного выезда из страны. Дворяне могли свободно распоряжаться своими земельными владениями, вне зависимости от службы в армии.

В то же время, вступив на престол, Пётр III сразу же прекратил военные действия против Пруссии и заключил с Фридрихом II Петербургский мир на абсолютно невыгодных для России условиях. Он вернул завоёванную Восточную Пруссию, уже четыре года являвшуюся составной частью Российской империи, отказался от всех приобретений в ходе фактически выигранной Семилетней войны. Выход России из войны несомненно спас Пруссию от полного поражения. За это Фридрих Великий наградил Петра III самым почётным орденом Пруссии – орденом «Чёрного Орла».

Заключённый мир вызвал недоумение и бурю негодования среди патриотов России, они назвали этот шаг предательством интересов империи и национальным унижением. Продолжительная и затратная война закончилась ничем. Никаких выгод Россия-победительница для себя не извлекла. В результате поднялась волна возмущения, гвардейцы, направляемые твёрдой рукой противников Петра III, арестовали государя и увезли его в Ропшу, где тот и умер. Убийство ли было это или смерть от болезни - ещё одна тайна, которую предстоит разгадать нашим историкам.

На престол взошла Екатерина II и для России началась новая эпоха – эпоха побед, как на полях сражений, так и на политическом поприще. Но, то, что сотворил её бывший супруг,



изменить было уже невозможно. 6 августа 1762 года императрица вернула Кёнигсберг пруссам.

Затем наступил «Золотой век Екатерины».

Героев нашего повествования судьба вскоре развела. В январе 1762 г. Пётр III назначил Суворова-старшего сибирским губернатором, но почему-то он туда не поехал, а в июне того же года принял участие в низложении своего императора. В 1771 году он, наконец, дождался женитьбы сына, и ему таки посчастливилось понынчить внуков.

Заблистало имя Александра Суворова, как полководца, не знающего поражений. Это имя стало гордостью русской армии. Хотя, некоторые историки и «записали» его в масоны, но они просто не знали, какую роль играл тогда ещё подполковник в кёнигсбергской ложе. Спасти императрицу ему не удалось, однако со своей задачей он справился блестяще.

Андрей Болотов вышел в отставку, стал писателем и опубликовал воспоминания о своей жизни в Кёнигсберге. Он плодотворно трудился в агрономии и помологии (56), увлекался философией, прожил долгую насыщенную жизнь и умер в 94 года. О своей службе с Александром Суворовым и миссии по спасению императрицы он, давший клятву, так никому и не поведал.

О капитане Василии Тригубе и поручике Сергее Непейцыне известно лишь то, что они служили Отечеству верой и правдой. Оба вышли в отставку в чине полковника и дожили до преклонных лет.

Полковник Половинкин, **поправившись от ранения**, избежал наказания за предательство, поскольку имел хорошие связи в высших слоях общества, но, немногим позже, погиб на **другой уже** дуэли от руки неизвестного, невоенного человека.

Доктор Майбах продолжил жизнь в Кёнигсберге. Он искусно лечил горожан и не менее успешно читал лекции студентам-медикам. Профессор никогда не изменял врачебной науке, ставшей главной частью его жизни.

Иммануил Кант признан во всём мире как величайший мыслитель и философ. До конца своих дней он читал лекции студентам. Умер в 80 лет и был похоронен в Кафедральном соборе. Место его захоронения охраняется государством, оно и по сей день открыто для посетителей.

Зигфрид Хельке женился на Магде Таль, у них появилось ещё двое детей. Сын Хельке, Гент, впоследствии стал мореходом. Некоторое время он еще пытался пользоваться навыками, полученными в академии воровских наук, но потом оставил их, поняв, что этим пятнает честь отца и семьи.

А Кёнигсберг, вернувшийся в лоно Пруссии, вновь стал российским только спустя 183 года. В его жизни тоже было немало как счастливых, так и трагичных периодов...

## ЧАСТЬ II. ПОДМАСТЕРЬЕ ПРОТИВ МАСТЕРОВ

### Глава 1. Фасады кёнигсбергских домов

В Калининград вновь наведальось лето. В этом году оно нагрязнуло не одно, а в сопровождении своих верных спутников – косматых грозовых туч, хлестких морских ветров и обильных тёплых ливней. И хоть говорится, что «у природы нет плохой погоды», все терпеливо ожидали от неё чего-то большего... А стоило тучам развеяться, как ослепительное солнце начинало греть землю – настойчиво, но мягко и бережно. Буйная зелень по-детски тянулась к нему, раскрывая свои объятья теплу и свету. Природа вдохновенно оживала, расправляла плечи и от души улыбалась ласковому балтийскому солнышку. Радовалось всё живое: горожане, сложив зонты и сняв с себя надоевшие дождевики, спешили к морю и в лес, голуби с удовольствием купались в лужах, ребятишки весело резвились во дворах.

Сегодня, 10 июня, рабочий день сотрудника популярной калининградской газеты «Башня Врангеля» Матвея Хрусталёва начался в семь утра. Дольше задерживаться дома он не хотел – яркое солнце ломилось в окна и звало на улицу. Надо было успеть захватить хоть чуточку утренней прохлады. Наскоро сделав зарядку и выпив чашку кофе с бутербродом, поцеловав жену и маленькую дочурку, он отправился выполнять задание редакции. К слову, издание, в котором он работал, было довольно популярно среди калининградцев. Оно подробно и интересно рассказывало читателям об истории города и его достопримечательностях, загадках и тайнах, легендах и традициях. Много материалов газета посвящала землякам-современникам: обычным гражданам и выдающимся личностям, а также людям, жившим здесь или посещавшим наш край в прошлом. Матвей уже считался опытным журналистом – в прошлом году его статьи взбудоражили весь город. Тогда он поднял тему кёнигсбергских подземелий и тайн, которые те скрывали на протяжении пяти веков (57). Он так умело и профессионально преподнёс её читателям, что вскоре приобрёл популярность у последних, и заслужил уважение коллег в редакции. К сожалению, последние его публикации были гораздо скромнее: менее захватывающими и острыми, тем не менее, ему всегда удавалось внести интригу даже в рассказ о, казалось бы, обычном доме. «Ты далеко пойдешь, брат. Круче тебя теперь только куриные яйца! - с улыбкой говорил ему рыжеволосый дружок Вадим Филатов, работающий в калининградской телекомпании «Каскад». – А пока ты совсем не зазнался, давай попьём нашего, калининградского пива с вяленой балтийской корюшкой!»

Вадима с Матвеем связывали давние дружеские отношения, год назад им даже довелось побывать в серьёзной переделке. Тогда журналистское расследование завело наших приятелей в подземные лабиринты, где им пришлось столкнуться с необычным и коварным врагом, хорошо замаскированным и ведущим активную деятельность в «Нижнем Кёнигсберге». Только настоящая мужская дружба помогла обоим избежать неприятностей в виде огнестрельных и ножевых ранений...

К тому же, они были влюблены в одну девушку, корректора издательства «Башня Врангеля» Наденьку, особу общительную, очень обязательную и остроумную. Она обладала определенной харизмой и любила быть в центре внимания, но, несмотря на то, что постоянно притягивала к себе взгляды парней, превыше всего ценила семейные отношения. Так получилось, что она вышла замуж за Матвея. Хотя, предложи Вадим ей руку и сердце первым, всё могло бы повернуться иначе... Ведь женщина - как кроссворд,

для разгадывания которого уходит, порой, целая жизнь... Филатов воспринял этот «удар судьбы» философски: вздохнул, соорил весёлую гримасу, а вечером... напился.

Нынешнее задание Матвея было следующим: написать репортаж о домах с красивыми или необычными архитектурными украшениями фасадов. Основное внимание уделялось, разумеется, старым немецким постройкам, ведь современные здания, как правило, лишены индивидуальности и изящества. Любопытных в данном плане домов было достаточно много, поэтому, весь вчерашний день журналист провёл в поездках по родному городу, выбирая наиболее интересные объекты. Вечером он анализировал отснятые материалы.

- Где ты их сделал, милый? – спросила Наденька, с интересом рассматривая снимки. Сама она находилась в отпуске по уходу за ребёнком, но продолжала выполнять свою работу дома, получая задания по Интернету. На некоторых фотографиях просматривались фигурки женщин с детьми, на других проглядывало лицо рыцаря, на третьих – непонятные гербы, эмблемы и надписи...

- В Октябрьском районе. Побывал на улице Тихоненко, Сержанта Мишина... Был и в Центральном районе, на улице Коммунальной тоже есть, к чему присмотреться...

- Поезжай к Верхнему озеру, – посоветовала супруга. Я давно заметила: там дома с прекрасными фасадами! Такие симпатичные беленькие барельефы над крылечками... Пройдись по Пролетарской, оглядись...

- Умница ты моя... - Матвей обнял жену. – Как же я сам не догадался?

Словом, сегодня его путь лежал к западной части Верхнего озера, или пруда, который ещё крестonosцы в далёком 1270 году соорудили для обеспечения себя рыбой, перекрыв плотиной течение небольшой речки. Впрочем, о самом озере Матвей писал уже не раз.

Быстрым шагом бывший морской пехотинец преодолел расстояние от Ленинского проспекта до популярнейшего места отдыха горожан минут за двадцать. Конечно, можно было бы взять с собой жену и дочку Лизоньку, получилась бы прекрасная прогулка, но Матвей решил, что в одиночку он сумеет осмотреть больше домов, нежели со всей семьёй и детской коляской впридачу. К тому же, не надо путать тихую семейную прогулку с журналистской работой – бегом и поиском.

Сразу за фортom, граничащим с Центральным рынком, потянулись тенистые участки – вдоль дороги росли высокие раскидистые липы и каштаны. Здесь под мостовой проходил подземный тоннель, по которому вода из Верхнего пруда стекала в ров старого крепостного укрепления. По другую сторону рва была настоящая роща – тоже излюбленное место отдыха горожан. На берегу пруда сидело несколько рыбаков, наслаждаясь тихим летним утром. Лёгкий ветерок освежал воздух.

Вадим пошёл дальше. Слева уже начинались дома – двух-трёхэтажные особняки, справа – нежились в дымке озеро. Дороги уже были оживлены – машины сновали туда и сюда, гремели трамваи. Вскоре журналисту понадобился фотоаппарат – в этом месте каждый дом мог «прихвастнуть» вычурной архитектурной диковинкой. В небольших двориках играли дети, о чём-то судачили на лавочках старушки. Но никто, разумеется, ничего не знал о бывших жильцах своих домов, о том, кто их соорил и что означают те или иные элементы фасадов – скульптуры, надписи, эмблемы или символы. «Как для

чего? – обычно переспрашивали старушки. – Для красоты, конечно. А что, разве не красиво? Это у современных домов нет ни украшений, ни своего лица... Наштамповали коробок, только по номеру и отличишь...»

Следуя дальше, Матвей очутился возле парка отдыха «Юность». Сюда шло ответвление от Верхнего пруда, образуя ещё одно небольшое озерцо, на берегу которого издавна стояли карусели, колесо обозрения, с которого открывался удивительный вид на город, и лодочная станция. Перейдя через мост, журналист свернул направо и стал исследовать северные окраины Обертайха (59).

Прохожие с любопытством смотрели на парня, обвешенного фотоаппаратами, думая, наверное, что перед ними турист, количество которых в Калининграде с каждым годом становилось всё больше. Действительно, в древнем приморском городе было, на что посмотреть. Жаль, конечно, что бывший центр Кёнигсберга практически полностью был уничтожен английской авиацией во время войны, зато в других местах старые немецкие здания продолжали покорять своей строгой и неброской красотой.

На улице Тельмана, в бывшем районе Марауненхоф, домов, украшенных изящной лепниной, было немало. Новые хозяева, восстанавливая старые постройки, старались сохранить всю символику и геральдику прошлых лет. Возле здания, на фасаде которого висела небольшая табличка, испещрённая полуразличимыми знаками, стояли три машины. Матвей поймал себя на мысли, что он в первую очередь обращает внимание на фасад дома, а не на окружающую его обстановку. Вдруг обшарпанная входная дверь открылась и из дома вышли двое мужчин в светлых рубашках. Одного из них журналист знал – это был следователь ОВД Ленинградского района майор Иванушкин Сергей Васильевич. С ним бывшему морпеху, тоже довелось изрядно полазить в прошлом году по подземным ходам «Нижнего Кёнигсберга». Иванушкин и два его оперативника тогда очень помогли журналистам, вскрыв чудовищный заговор людей, грезящих реваншем за Вторую мировую войну (59). Впрочем, это - дело прошлое... Однако, после того случая Матвей, начал потихоньку делать наброски для будущего романа на эту тему, хотя с него и взяли подписку о «неразглашении».

- Матвей? – Иванушкин сразу узнал журналиста. С той поры, как произошли нашумевшие события прошлого года, они встречались частенько и всегда общались по-дружески. – Ты как тут оказался? Неужели пресса уже что-то пронюхала? Ну, и чутьё!..

- По долгу службы, товарищ майор, - неопределённо ответил тот, уловив в вопросе следователя некоторую досаду. - А у вас есть что сообщить прессе? – попробовал он поймать следователя на слове. - Раз вы тут, значит... «кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет...» - пропел он строку известной песенки.

- Это - журналист Матвей Хрусталёв, – представил молодого человека своему коллеге Иванушкин. – Тот самый, из «Башни Врангеля». Он ничего лишнего не скажет и не напишет. Проверенный человек, - доверительно добавил он.

Журналист почтительно склонил голову. Спутник Иванушкина тоже приветственно кивнул.

- Это - подполковник Сунцов из городской прокуратуры... И всё-таки я не поверю, чтобы ты тут оказался случайно, - Сергей Васильевич подошёл к Матвею, пожал ему руку. – Как дела дома? Как Надя и дочка?

- С ними полный порядок. Васильич, я действительно здесь по другому вопросу. Меня интересуют фасады зданий... Архитектура, лепнина, скульптуры-барельефы...

- Давай, зайдём внутрь, – майор взял Матвея за локоть. – Будет тебе новая тема. Там, брат, такой барельеф, который тебе и в страшном сне не приснится!

- Боже, - произнёс Матвей. – Такое чудесное утро... Всё так хорошо начиналось...

Пахнувший котами тёмный подъезд приветливо распахнул им свои ободранные и скрипучие двери... Поднявшись по деревянным ступеням, они вошли в квартиру на первом этаже. Тесная прихожая, узкий коридор в гостиную. Тут уже суетилось несколько человек.

- Это - эксперты. Исследуют труп. Тебе туда соваться незачем. Лучше оглядись...

Матвей посмотрел по сторонам. Сразу бросались в глаза висящие на стене часы, вокруг которых располагались таблички со странными письменами и символами. Среди них были пяти- и шестиконечные звёзды, циркуль с угольником и глаз, светящийся в пирамиде, так называемое «всевидящее око»... Под самым потолком висели изображения орла, расправившего крылья, человеческого черепа, раскрытой книги с глобусом, сопровождаемые какими-то подписями на незнакомом языке.

- Знаки масонов, – определил журналист.

- Настоящее масонское гнездо, – подтвердил Иванушкин. – Я бы сказал, их штаб-квартира. Причём, действующая.

- Никогда не слышал о масонах в Калининграде, – опешил Матвей. – А труп чей, хозяина дома? Масона?

- Похоже, что да. Дальнейшее подскажет следствие. Ты, конечно, захочешь, чтобы мы держали тебя в курсе дел?

- Было бы чертовски интересно! – Матвей облизал губы. – Но навязываться мне бы не хотелось...

- Да о чём ты, дружище? Я уже привык постоянно выручать вашу братию. Как вспомню, через что нам пришлось пройти год назад... Что там у вас, ребята? – обратился он к сотрудникам полиции. – Осмотр помещения закончили?

- Да, - отозвался молодой человек в гражданской форме. – Особый интерес вызвал подвал. Дверь в него, кстати, была открытой. Так вот. Там, в подвале, организован целый архив! Три сундука с документами! Некоторым из них, на первый взгляд, более двухсот лет!

- Готовьте опись и акт об изъятии сундуков. Отвезём содержимое на экспертизу. Возможно, она поможет ответить на массу важных вопросов... Что удалось выяснить на данный момент, Денис?

- Убитый, гражданин России, Николай Васильевич Храмов, 1948-го года рождения. Находился дома не один, а в компании с человеком, с которым они вместе выпивали. Можно сказать, с близким знакомым. Пили «Кальвадос»... Затем хозяин спустился вниз, в подвал, видимо, за документами. Достал он их или нет, это нам не известно. Но когда вылез из подвала, то тут же получил удар заточкой в область печени. Так и рухнул на пол возле открытого люка... Убийца стёр отпечатки с рюмки, со стола и дверных ручек... И - был таков. Смерть наступила часа четыре назад... Подробности узнаем после вскрытия...

- Камера видеонаблюдения в доме имеется?

- Имеется, – ответил другой член следственной группы. – Похоже, наш гость засветился на ней...

- Это уже лучше, – ответил Иванушкин, потянувшись за сигаретой. – Вот видишь, Матвей, в масонской семье возникли разногласия... Это на них не похоже... Возможно, кто-то бросил вызов могущественной организации...

- Васильич, а можно будет мне... потом... покопаться в этих бумагах? Чертовски интересно! – прошептал Матвей. – Это же очередная сенсация! В Калининграде – штаб-квартира масонской ложи! Убит хозяин квартиры!.. В подполе обнаружен архив тайной организации, весьма вероятно, что похищены некоторые важнейшие документы!..

- Погоди-погоди, – остановил Матвея Иванушкин. – Я постараюсь сделать тебе допуск к этому архиву, помня наши прошлогодние приключения. Но, много ли там интересного – никто не знает. Возможно, эти документы уже оцифрованы, и вся база данных хранится у кого-то в электронном виде в виде обычного файла... Может, там малозначащая переписка между членами ложи или, скорее всего, протоколы заседаний. Не факт, что это выведет нас на убийцу. Но информация с видеокамеры нам обязательно поможет!

- Я не про убийцу! Мне бы хотелось вынести на свет именно тайную жизнь масонской ложи!.. Чем она занималась все эти годы, какие у них планы... – начал горячиться Матвей. – Ведь это моя работа, в конце концов!

Они вышли на улицу. Чуть поодаль серебрилась водная гладь, перед глазами мелькали автомобили, спешащие выехать на улицу Александра Невского. Омытая дождём листва молодых лип, казалось, просвечивалась, добавляя в общую цветовую гамму неожиданные полутона. Невидимые птицы пели свои песни, приветствуя наступивший день.

- Ты слишком много хочешь, Матвей, – следователь закурил сигарету, лицо его стало серьёзным. – Деятельность масонов настолько засекречена, что постороннему узнать об их планах и влезть в их жизнь... невозможно. Да и небезопасно. Впрочем, о них немало написано. В том же Интернете полно информации про «вольных каменщиков». Вплоть до того, как самому стать масоном. Но, насколько это правдиво – никто не знает. Вообще, о действующей масонской ложе в Калининграде я тоже впервые слышу. А вот раньше тут для них было раздолье...

- А сами-то вы что думаете? – спросил Матвей. – Что могут делать масоны в России, в Калининграде?

- Ну, во-первых, есть у нас официально зарегистрированный масон. Точнее – главный масон России. Это - Андрей Богданов. Есть главные масоны городов... Москвы, Санкт-Петербурга... Наверное, есть такой масон и в Калининграде.

- Стало быть, масонство существует в нашей стране и это официально признано?

- Да, это самая закрытая организация в мире. Ей приписывают несметные богатства, тайные заговоры, разжигание войн, свержение правителей и революции... Официально, сейчас в России действуют около четырёх сотен масонов. Но, думаю, на самом деле их гораздо больше... Есть у нас, Матвей, специальная служба, – понизил тон Иванушкин, – которая плотно занимается масонством. Вот с кем было бы интересно поговорить. Пожалуй, я помогу тебе организовать встречу с экспертом по делам масонов.

Только ты уж не очень докучай ему своими вопросами. Помни: не всё, что этот человек знает, он может рассказать тебе. Это - первое. И второе – его сведения – не есть истина в последней инстанции.

- А когда, Василич?.. - взмолился журналист. - С меня – ужин в хорошем кафе! С шашлычком и коньячком! Только организуйте встречу!

- Да ладно тебе, – усмехнулся майор. – Позвоню, договорюсь. Думаю, что он не откажет. Особенно «золотому перу» «Башни Врангеля»!

Точно в час дня, к самому началу обеда Матвей появился дома. Он летел туда, словно на крыльях, потому что уже успел соскучиться по своим девочкам. «Да, уют - это не только чистый пол и удобная мебель, - думал он дорогой, - самое главное в нём - тёплые отношения в семье. Потому что там, где царит любовь, мир и согласие, там всегда уютно. Наконец-то я понял, что только семейное благополучие может сделать человека по-настоящему счастливым...»

- Как поживает наша принцесса? – шёпотом спросил он, видя, что дочь уложили спать.

- Прекрасно, - ответила Наденька, устраиваясь в объятиях супруга. – Сегодня вовсе не плакала. Тянет ручки, улыбается. Она такая забавная... Кушать будешь, Матвей? Я окрошку приготовила.

- А как же! – повеселел журналист. – Кстати, на Тельмана встретил нашего друга Иванушкина.

- Да что ты! И как он?

- Как всегда. Расследует очередное преступление. Чрезвычайно занят...

- Заглянул бы к нам. Ты не забыл его пригласить?

- Забыл, - смутился Матвей. – Я как раз просил его свести меня с одним человеком.

Может получится интересная статья...

- Вот, только о статье и думаешь. А нет, чтобы посидеть с хорошим человеком, вспомнить былое... Он ведь и мой знакомый тоже.

- Я обязательно его приглашу, любимая, – улыбнулся Матвей, крепче обнимая жену. – Просто в тот момент всё вылетело из головы. Искал барельефы, обнаружил масонский дом, а в нём – труп. И сразу светлый день померк, вот только сейчас вновь стало легко и светло, когда домой пришёл и тебя увидел.

- Ну, хоть материал собрал?

- Собрал, - кивнул головой Матвей. – И снимков много сделал. Сейчас пообедаю и сразу начну писать! Окрошка в такой день – самая лучшая еда! Ты просто умница, Наденька! И я тебя очень люблю!

- Давай, мой руки и садись обедать..., - жена ласково подтолкнула супруга к ванной.

А уже вечером телефон Матвея дал о себе знать.

- Меня зовут Горчаков Николай Владимирович, – послышался незнакомый голос из трубки. – Как мне передал Иванушкин, вы хотели со мной поговорить...

- Да-да, - обрадовался Матвей. – Где и когда мы с вами могли бы встретиться?

- Если вас не затруднит, то прямо сейчас. Приезжайте к зоопарку. Увидимся через полчаса у входа. Я вас узнаю.

## **Глава 2. Прогулка по масонским местам**

Примерно в восемь часов вечера Матвей был у зоопарка. Он торопился, поскольку считал, что в ведомстве, к которому принадлежит господин Горчаков, уважают точность и не любят опозданий. Едва он оказался возле ворот излюбленного калининградцами места отдыха, как к нему подошёл высокий, полный господин в светлом летнем костюме, с зачёсанными назад тёмными волосами. Под его глазами обозначились небольшие мешки с прожилками сосудов, что говорило о не совсем здоровом образе жизни этого человека. На вид ему было не менее пятидесяти лет.

- Здравствуйте, Матвей.

- Здравствуйте, Николай Владимирович.

- Вы хотели что-то узнать о масонах, Матвей?

- Да.

- Вы на машине?

- Нет.

- Тогда садитесь в мою. Я отвезу вас на Нижний пруд, поскольку именно там, в его северной части прежде находились масонские ложи. Это самое таинственное место во всём Калининграде, - усмехнулся он. – К тому же, там тихо и нашей беседе никто не помешает.

- Прежде всего, я хотел бы поблагодарить вас за то, что не отказали мне во встрече, - промолвил Матвей, садясь в «Субару» Горчакова. – Мне почему-то кажется, что у вас дефицит свободного времени...

- Вы правы, - ответил Николай Владимирович. – Со временем действительно туговато, - он завёл двигатель. – Но сейчас у меня появилось небольшое «окошко» в рабочем графике. Итак, что вас конкретно интересует, Матвей?

- Есть ли в Калининграде масонская ложа? – тут же задал вопрос тот.

- Есть. Она существует с июня 2002 года... Её название – «Под тремя коронами». Сейчас она насчитывает около сорока членов... Ложа была возрождена совместными усилиями московских масонов при поддержке братьев из Ганновера и Данцига... Извините, я оперирую старыми названиями городов, так мне привычнее... В этом деле участвовала и ложа «У мёртвой головы и Феникса»... Вы курите, Матвей?

- Нет.

- И правильно поступаете, - продолжил рассказ Горчаков. – Действующие ложи разбросаны по всей стране, - Николай Владимирович достал сигарету. – С вашего позволения, я закурю, - он опустил стекло со своей стороны. – И работают они в таких городах как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Калининград, Воронеж, Краснодар, Магнитогорск, Саранск, Пермь, Нижний Новгород, Сочи, Челябинск... Что, не знали? – усмехнулся он и притормозил у пешеходного перехода.



- Нет, не знал... Чёрт возьми, но ведь это – вся Россия!... И, значит, где-то есть центр российского масонства?

- Конечно, есть, - Горчаков свернул к Центральной площади. – Это - Великая Ложа России. Она была учреждена на своей первой ассамблее, 24 июня 1995 года в Москве. Если вам интересно, то её учредителями выступила Великая национальная ложа Франции. Она же стала для неё материнской. И плюс четыре ложи, ранее существовавшие на территории нашей страны. Их названия: «Гармония», «Лотос», «Астрея», «Гамаюн». Все они вошли в состав Великой ложи в ходе её учреждения. Первым великим мастером Великой ложи России был избран Георгий Дергачёв.

- Девяносто пятый год, - задумчиво произнёс Матвей. – Более двадцати лет назад... Тяжёлые тогда были времена...

- Да. Развал огромной страны, обилие разного рода пророков и мессий, иностранные советники при президенте, курс на Запад, спаивание обнищавшего и разуверившегося населения и навязывание чуждых России «ценностей»... Самое лучшее время для учреждения масонских лож.

Горчаков свернул на Пролетарскую, затем выехал на улицу Сергеева, сбавил скорость и стал высматривать место для парковки. Из динамиков тихо шелестел голос солиста рок-группы «Че Гевара»:

*...Я в странствиях открыл три вещи:  
Всегда находит, кто искал,  
Что дорог золотник, хоть мал,  
И не всё – золото, что блестит...*

- Значит, масонство в России возродилось... - спросил Матвей.

- Увы. Когда угасает патриотизм, набирает силы масонство. В прошлом году численность Великой Ложи составила примерно 800 человек, объединённых в 35 действующих лож, причём, находятся они как на территории России, так и за её пределами. Сейчас великим мастером Великой ложи является Андрей Богданов. Личность весьма тёмная и неоднозначная...

- Но зачем нам это? – воскликнул Матвей. – Насколько я знаю, масонство – чуждо России, её духу, интересам и традициям! Ведь мы не выжимаем лимон, когда хотим получить томатный сок?

- И опять вы правы, Матвей, - с грустью в голосе ответил Горчаков. – Видите ли, масонство в России — это особое явление общественной жизни. Оно охватывает период истории от начала XVIII века и по наши дни. Прежде русское масонство преследовало гуманистические и просветительские цели, уделяло значительное внимание этическим вопросам. Фактически оно представляло собой духовное сообщество людей, объединённых стремлением способствовать процветанию России и просвещению людей, живущих в ней. Во времена Елизаветы и Екатерины – очень достойная цель! Но, в тайных кулуарах рождаются и другие, совсем не бескорыстные планы...

- М-да, - вздохнул Матвей. – Ничего, если я запишу нашу беседу на диктофон?

- Записывайте, - ответил Горчаков. – Уверяю вас, ни одной тайны масонов я вам не открою, - он усмехнулся. – Вы знаете, можно отследить разные течения в масонской среде, возникшие за эти столетия... В зависимости от взглядов создателя той или иной ложи, разрабатывались свои принципы и системы. Можно сказать, что первоначально существовала Елагинская система, названная так по имени Ивана Перфильевича Елагина (60). Он объединил разрозненные ложи в единое целое. В начале 1770-х годов альтернативной Елагинской системе лож, стала «Шведская» или «Циннендорфова система», основанная приехавшим в Россию из Берлина бывшим гофмейстером Браунгшвейгского двора Рейхелем.

- Как масон, так - иностранец! – воскликнул Матвей.

- Неудивительно. Это их, западное изобретение... Которое, тем не менее, прижилось и у нас. Но в 1822 году Александр I издал указ об уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ. Издал, можно сказать, «скрепя сердце». Ведь и его воспитатели, и близкие люди - все были масонами. И сам он - тоже. Ложи были закрыты. Но в 1905 году они вновь «восстали из пепла». Прежде всего, «расстарались» ложи Франции. Под их эгидой учреждаются первые братства в Санкт-Петербурге и Москве. Так возникли «Возрождение» и «Астрея», а также ложа «Феникс», которая была открыта в двух городах – Москве и Санкт-Петербурге.

- Насколько многочисленны они были? – спросил Матвей.

- Эти организации были немногочисленны. Так, в ложах «Возрождение» и «Астрея» насчитывалось всего 94 масона. Работали они по Шотландскому уставу. Филиалы Великой ложи Франции проработали до 1917 года и после революции были запрещены.

- Разумеется, в советские времена об этих ложах и речи быть не могло, – предположил Матвей.

- Да. Но, перед распадом Советского Союза масонство вновь заявило о себе.

Они вышли из машины и направились к Нижнему пруду.

Сегодняшний благопристойный вид водоём приобрёл не так уж давно - лишь в девяностых годах. До этого времени в народе он носил название «Тухлое озеро», а его окрестности были обиталищем мальчишек из близлежащих домов и асоциальных личностей. Тут постоянно распивали спиртное и дрались. Берега бывшего Замкового пруда густо поросли ивами и орешником. Затем, в связи с возведением на месте бывшего Королевского замка огромного, аляповато-монументального Дома Советов, территорию вблизи «памятника социализму» начали облагораживать. Водоём очистили, берега укрепили и соединили аккуратными мостами, проложили пешеходные дорожки. Теперь пруд стал излюбленным местом для прогулок калининградцев.

- В 1990 году, - продолжал Николай Владимирович, - с посвящением первого в нашей новейшей истории масона, началось возрождение этого движения в России. На следующий год в Москве, под эгидой Великого востока Франции была открыта первая масонская ложа. Всего таких «родилось» шесть: «Северная звезда», «Свободная Россия», «Девять муз», «Северные братья», «Полярная звезда», «Москва». Это происходило в течение семи лет. С 1991 по 1993 годы Великая Ложа Франции открывает три новых филиала: «Николай Новиков», «Сфинкс», «Лютетия».

- Опять Франция, - пробормотал Матвей. – Что им, своих лож не хватало?

- А, это - интересный вопрос... Таким образом, Запад начал «проникать» в Россию... Причём, подобно острому кинжалу! Итак, с 1992 года начинает открывать свои дочерние ложи и Великая Национальная Ложа Франции. За год были созданы четыре братства: «Гармония», «Лотос», «Новая Астрея» и «Гамаюн». Впрочем, часть лож были закрыты, а некоторые перешли в Великую Ложу России. Все последующие филиалы открывались уже под её юрисдикцией.

От озера веяло прохладой, пахло стоячей водой и тиной. Пришедшие на «вечернюю зорьку» рыбаки, уже забросили свои снасти и увлечённо наблюдали за поплавокми. Изредка на поверхность воды из глубины вырывались пузырьки, время от времени плескалась рыба. Белые лебеди с достоинством плавали у самого берега и, грациозно выгибая длинные шеи, угощались брошенным им хлебом. Красавец селезень довольно эмоционально «беседовал» о чём-то со своими уточками... Матвей хлопнул себя по шее - комары начали свою охоту.

- И что же, все они направляют свою деятельность на просвещение? Не слишком ли озабочены французы проблемой нашей... низкой, по их разумению, культуры и морали? Не кроются ли тут какие-нибудь иные интересы? – спросил Матвей. – Извините, но я не верю в их исключительно гуманитарно-просветительскую миссию...

- Вот она, бывшая улица Хинтертрагхайм, - вместо ответа произнёс Горчаков, очертив взглядом пространство вокруг себя. – Излюбленное место кёнигсбергских масонов. Когда-то здесь стояли их дома и штаб-квартиры. Тут они прогуливались по бережку... Вы знаете, Матвей, что в Кёнигсберге действовали три ложи: «Три короны», «К мёртвой голове и фениксу» и «Иммануил»?

- Вот теперь знаю...

- Почти все известные кёнигсбержцы, Матвей, являлись масонами: купцы, профессора, чиновники, даже священники. Кроме них – многие офицеры и значительная часть поместного дворянства. Примечательно, что именно в масонстве впервые удалось преодолеть старые сословные различия. И всё же, масонские ложи являлись закрытыми сообществами, которые сами выбирали своих братьев... Вот сюда в 1817 году перебралась ложа «Три короны»... Она возникла из Андреевской ложи, в которую входили русские офицеры, после того, как наша армия вошла в Кёнигсберг во время Семилетней войны.

- Русские офицеры были масонами?

- Большинство членов ложи были русскими офицерами. Есть свидетельства, что сам Александр Суворов тоже побывал на их собрании в 1761 году. В это время его отец, Василий Суворов, был генерал-губернатором Восточной Пруссии.

- Александр Суворов? Масон? Вы ничего не путаете?

- Ну, это – скорее, такая версия. Будущий великий полководец был там всего один раз, в январе 1761 года. Больше в Кёнигсберге он не появлялся. Его имя, как члена ложи, хранилось в архивах ещё три месяца. Так и было записано: Oberleutnant Suworow.

- Но это по-немецки - старший лейтенант, или поручик!

- Видимо, ошиблись. Перепутали. Тогда он был подполковником. А по-немецки подполковник – Oberstleutnant. Правда, похоже?

- Правда. И что же он там делал?

- Это никому не известно, - пожал плечами Горчаков. – Но вряд ли Суворов являлся истинным масоном. Он был глубоко верующим, православным человеком и патриотом своей страны. Как он сам говорил, «я – природный русак»! А туда он заглянул, разве что, из любопытства, чтобы отдать дань тогдашней моде... Правда, ему сразу присвоили высокий чин «шотландского мастера», но за что?.. Вот вам ещё одна загадка здешнего масонства...

Они спустились к берегу. По асфальтовой дорожке прогуливались горожане, кто-то совершал вечернюю пробежку, иные катались на велосипедах. С южной оконечности пруда, там, где находилось кафе, доносилась музыка. И вновь это была популярная группа «Че Гевара»:

*...Я в жизни видел много чудаков,  
Чьей целью было – обогнать друг друга.  
Они напоминали рысаков,  
Несущихся по замкнутому кругу...*

- Все эти ложи, Матвей, занимались общественной деятельностью...

- Но вы так и не ответили на мой вопрос об их реальной миссии... - напомнил Горчакову журналист.

- Я помню, - тот бросил окурок в урну. – И вполне поддерживаю ваши подозрения. России органически чуждо масонство. Немало вреда масоны нанесли России, находясь в действующей армии во время Семилетней войны. И хоть они сейчас прикрываются благочестивыми лозунгами, основная их цель – изнутри подорвать единство нашей страны, вызвать недовольство среди населения, спровоцировать неповиновение властям, бунты и кровопролития. Масонство – это подлый и точно выверенный удар Запада по нашему укладу жизни, по нашим традициям, нравственности и духовности. Это - замаскированная и страшная диверсия против нашего государства...

- А как вы считаете, Николай Владимирович, среди российских масонов есть известные люди, например, политики?

- Наверняка есть. Но их имена держатся в секрете, - усмехнулся тот. – Как говорили мудрецы, глубокие реки текут неслышно. Однако, многим ошибочно приписывается членство в масонах, другие работают на братство, но сами не масоны.... Это, кстати, происходит уже не первое столетие.

- Значит, настоящих имён масонов мы так и не узнаем?

- Их имена всегда и при всех обстоятельствах вне разглашения. Сам масон имеет право раскрыть своё имя, но, заметьте, Матвей, - только своё! Сейчас кому только ни приписывают масонство – и Ельцину, и Горбачёву, и Немцову, и современным политикам! Не стоит верить непроверенным слухам...

- Я читал, что масонство изначально придумали евреи...

- Я тоже слышал нечто подобное. Впрочем, это - неважно. Настоящее масонство не знает национальностей и терпимо к любой конфессии. Членом ложи может быть и христианин, и мусульманин, и иудей. Главное – верить в Высшие силы!

- Говорят, за каждым крупным заговором стоят масоны. Множество потрясений, как в Европе, так и в России или Штатах – их рук дело...

- Так оно и есть, Матвей. Но, политика закрытости, разветвлённая сеть агентов, многовековая история - всё это располагает к тому, чтобы свалить на масонство всевозможные тайные заговоры. Немалая часть из того, что произошло, обошлась без них... Хотя, они тоже приложили свою руку к основным мировым катаклизмам. С ними нужно быть предельно осторожными. Тот же Богданов, кто он? У него только фамилия русская... И для чего ему защищать интересы России? Но какие цели он преследует? Думаю, масонство решает глобальные политические вопросы. А благотворительность – это песня для простаков, красивая вывеска...

Они обошли вокруг Нижнего пруда, наслаждаясь летним вечером. Матвею даже на мгновение показалось, что в лучах закатного солнца вдруг возникли ухоженные особняки, которые красовались здесь до страшного августа 1944 года. И в этих особняках обсуждались важные вопросы, а также планировались мероприятия, касающиеся финансовых, политических и военных акций, решались судьбы людей, городов и целых государств...

- Какая красота вокруг, - произнёс Горчаков. – Вы знаете, Матвей, масонство породило множество легенд, слухов и сплетен, в том числе и комических... Вообще, историки утверждают, что первые ложи появились в Англии ещё в XIV веке и объединяли они действительно каменщиков. Это был, если хотите, своеобразный средневековый профсоюз. Представьте, что в жёстких условиях осёдлости для крестьян и ремесленников, иначе говоря, где родился - там живи, и работай, и выплачивай подати своему господину, королю и церкви, существовали цеха строителей, за которыми признавалось право на вольное перемещение. Каменщики переезжали из города в город, чтобы строить замки, дворцы, кирхи, соборы... А для того, чтобы отличать «своих», настоящих членов строительного цеха или «братства каменщиков», от «чужих», то есть тех, кто каким-либо образом «примазался» к ним, придумывались тайные знаки, пароли, символы и особые ритуалы.

- Я думаю, в те времена это было действительно важно... Но потом ситуация изменилась, раз в ложи начали вступать совсем не строители.

- Европейские аристократы в большинстве своём откровенно бездельничали. Они потянулись в масоны по разным причинам, но, в основном, за развлечениями и острыми ощущениями. Одних привлекал покров таинственности, других - развесёлые пирушки в исключительно мужской (женщин в масоны не принимали) компании. Кое-кто из знатных особ имел желание возглавить масонские ложи, чтобы потом использовать их в своих интересах. Дворянам, из менее знатных, льстила мысль о том, что они являются «братьями» более богатых и важных персон... Поэты и художники, учёные и скульпторы могли рассчитывать на финансовую поддержку со стороны состоятельных членов ложи...

- Да, получился такой «симбиоз», - усмехнулся Матвей. – Где каждый помогает каждому...

- Как говорят сами масоны, «наша миссия в этом мире – стать достойными гражданами, соблюдая высочайшие моральные принципы, важнейшими из которых являются равенство, милосердие и честность»...

Мимо собеседников прошла семейная пара, ведя слегка поскрипывающую коляску. Молодой парень, что-то эмоционально, слово за словом, «вколачивал» в сотовый телефон, а его спутница, одной рукой толкая перед собой коляску, в другой держала помаду и водила ею по своим губкам. Почувствовав на себе любопытный взгляд незнакомых мужчин, она фыркнула и отвернулась, гордо задрав подбородок... «Как там мои девчонки?» - подумал Хрусталёв, провожая это семейство глазами.

- А затем, – продолжал Горчаков, – в Европе наступил век Просвещения. В закрытых кругах древних строителей стали прорастать идеи справедливости, равенства и братства. Стали обсуждаться идеи передела общества на новой, более разумной основе. А вот об этом говорить открыто было совсем небезопасно. В Европе начались гонения на масонов: папа римский Климент XII объявил: членство в масонах несовместимо со званием католика!

В Англии, Матвей, масонов обвинили в союзе с Антихристом, что, в общем не ново, если вспомнить тамплиеров... Кроме того, утверждали, что их закрытые собрания на самом деле являются разнузданными гомосексуальными оргиями... В Голландии на масонов накладывали непомерные штрафы, а в Швеции и Швейцарии – их даже пытали с целью выведать имена других «братьев». Кстати, как можно узнать масонов... Существует любопытная легенда... По одной из версий, член масонской ложи Моцарт был отравлен, потому что в своей «Волшебной флейте» раскрыл некоторые масонские тайны. Кстати, масоны очень любят это произведение. Когда «Волшебную флейту» исполняют в Венской опере, во время арии Мастера, как правило, несколько десятков человек в зале встают – это и есть масоны.

- Я слышал, что у масонов есть тайные знаки, по которым они могут распознать друг друга при встрече...

- Существует немало тайных, строго засекреченных масонских знаков, которыми «братья» могут обмениваться друг с другом. Один из них – образующие круг большой и указательный пальцы. Другой знак – вытянутые указательный палец и мизинец. Это хорошо показано в одном телевизионном репортаже по РЕН ТВ. Обама и другие крупные американские воротилы политики и бизнеса, словно специально демонстрируют этот знак всему миру. Хотя, признайтесь, это не совсем удобно – сложить из пальцев такую фигуру... Но сейчас тайные знаки почти не работают. О них уже все знают. Поэтому, ни одна ложа не примет у себя приезжего из другого края масона, если у него не будет соответствующего рекомендательного письма, подготовленного по всем правилам, а также подтверждения по телефону или Интернету от руководства «братской ложи». Словом, «чужие здесь не ходят». Если масоны обнаружат в своём кругу чужака, то немедленно предупреждают друг друга фразой: «Дождь идёт». Впрочем, вам это, наверное, тоже известно...

Матвей взглянул на часы: начало десятого...

- Вы торопитесь?

- Нет, просто подумал, как там моя семья... Наверное, ложатся спать. Я ведь женился меньше года назад, у меня – совсем маленькая дочка...

- Это прекрасно. У вас всё будет хорошо... Пожалуй, про символы масонов вам будет интересно послушать. Как вам уже известно, масонские символы в основном

отражают инженерно-строительную тематику. Циркуль, молоток, топорик, линейка или наугольник; пятиконечная и шестиконечная звезды; треугольник с помещенным внутрь всевидящим оком и другие – все эти знаки укажут вам на масонство. Такие символы сейчас разбросаны по России чрезвычайно густо: в Москве, в Коломне, в различных усадьбах и во дворцах... В столице сохранились здания с масонскими символами, построенные архитектором масоном Василием Баженовым в XVIII веке. Множество домов испещрено различной масонской атрибутикой. Также, как и здесь, в Калининграде-Кёнигсберге... Не секрет, что типично масонский знак украшает долларовую купюру США. Большинство американских президентов, кстати, масоны. Такой же знак можно встретить и на 500-гривенной украинской купюре.

- А каково общее количество масонов? – поинтересовался Матвей. – В мире...

- Больше всего их в США – почти два миллиона, в Великобритании - около 300 тысяч. В России – около полутора тысяч. Все они платят членские взносы. Для США это 100 долларов, в Европе – от 400 до 600 евро, в России - около 300 долларов в год, плюс добровольные пожертвования. При этом своими главными врагами масоны считают лень и невежество.

- А что касается сегодняшнего инцидента, когда я встретился с Иванушкиным, - вспомнил Матвей. – Дом, в котором убили человека – это масонская штаб-квартира? «Под тремя коронами»?

- Нет, - покачал головой Горчаков. – Штаб-квартира их цела и невредима. И находится она в роскошном особняке. – Он махнул рукой куда-то на север. – А тот дом – просто жилище одного из братьев. Возможно, старый масонский архив со своим хранителем...

- Вот бы узнать тайны современных масонов, - мечтательно произнёс Хрусталёв. – Чем они промышляют, каковы их планы...

- Мой друг, для этого вам понадобится самому стать масоном. Причём, не просто Учеником или Подмастерьем...

- А как к ним попасть?

- Найдите в Интернете сайт ложи. Обратитесь туда. Найдите двух-трёх членов ложи, которые могут дать вам свои рекомендации. Если таковых нет, не беда. Просто вас ждёт больше собеседований и о вас наведут справки... Вы – мужчина, наверняка, имеющий некоторое состояние. Вы старше 21 года... Вы верующий? – Матвей неопределённо пожал плечами. – Это неважно. Главное – верить в Высшие Силы, в Высший Разум, в Творца... Вы должны верить и в высшее предназначение человека во Вселенной... Вы - журналист. С прессой масоны дружат... Вообще, у вас – довольно большие шансы стать масоном, - Горчаков усмехнулся. – Но, если вы попытаетесь играть с масонами в собственные игры, я вам не позавидую...

### **Глава 3. Тайна масонского архива**

- Ну, как твоя встреча? - поинтересовалась Наденька у Матвея, когда тот вернулся домой.

- А как там наша Лиза? - шёпотом спросил муж, осторожно заглядывая в маленькую кроватку. - Спит... Успешно сходил, любимая. С толком...

- Ужинать будешь? У меня котлеты остались... И салатик в холодильнике...

- Немного перекусить не помешает, - ответил Матвей, снимая с себя летнюю куртку. - Мне ещё работать над материалом...

За ужином он вкратце рассказал супруге о беседе с Горчаковым.

- Масоны? - удивилась та. - Я слышала, что они никакого вреда не приносят. Ну, играют в свои таинственные игры... Это словно в пейнтбол - будто ты на охоте или на войне... развлекаешься, а на деле - просто игра... Вот, салат с помидорами и огурцами, как ты любишь... - ворковала хозяйка. - А благотворительностью за «просто так» никто не занимается. Все хотят сорвать дополнительные бонусы, набрать, так сказать, лишние очки...

- Это понятно. Но в масонских ложах, как выяснилось, уже давно идёт активная работа против нашей страны... - ответил Матвей, «набрасываясь» на котлеты и салат.

- Почему же тогда их не запретят?

- Неоднократно запрещали и разгоняли... Но не всё так просто... Там всё засекречено. Рядовой член выполняет определённое задание, даже не догадываясь, что он крутит винтик в механизме, подвергая удару собственную страну... Ведь руководители масонских лож сидят за границей - в США, Англии, Франции, Германии... А отдельное задание может быть вполне безобидным, например, распространение какой-нибудь невинной брошюры...

- Так ты будешь про масонов писать или всё же про фасады домов?

- Сначала про фасады надо закончить. Про масонов материалов ещё недостаточно... Вот на днях допустят нас к изъятому архиву... Там много чего интересного можно будет найти... Специалиста бы мне... но среди экспертов, я думаю, найдутся толковые люди, настоящие знатоки...

- Конечно, найдутся, любимый...

- Но главные тайны масонства можно разгадать, только находясь в ложе...

- Неужели ты решил стать масоном? - озабоченно спросила Наденька, поглаживая мужа по вихрам. - Оно тебе надо?

- Есть ли у нас пиво, дорогая? - вместо ответа произнёс Матвей.

Судя по его задумчивому виду, Наденька поняла, что её муж уже принял какое-то важное решение. Вот только к чему оно приведёт? И как-то тревожно сделалось у неё на сердце...

В просторном кабинете дома 65 (61) на Клинической улице собралось несколько человек. Яркий солнечный свет заглядывал в окна, словно призывая собравшихся забросить все дела и мчаться на море. Матвей с некоторой досадой поглядывал на двор, где на ветру лениво трепетала и что-то шептала зелёная листва. Почему именно в такую шикарную погоду приходится работать? Причём, это не задание редакции, а его личный «заскок»!

Майор Иванушкин быстро представил сотрудников друг другу. Их должности и фамилии тотчас вылетели из головы Матвея. Он знал, что все вместе это – экспертная



группа. А он – прикомандированный к ней журналист, как пояснил Сергей Васильевич. И всё же один старичок вызвал у корреспондента неподдельный интерес. Бочаров Григорий Васильевич, как представил его Иванушкин, был знатоком старофранцузского языка, он даже переводил катрены самого Нострадамуса, выполнял отдельные поручения калининградских краеведов и правоохранительных органов. У него была масса толковых учеников, но он и сам хватался за интересные дела с юношеским азартом, вызывающим удивление. Вот с этим шустрым, лет семидесяти, «дедком» Матвей и решил наладить контакт.

Хрусталёв честно высидел до самого обеда, наблюдая, как эксперты вчитываются в пожелтевшие от времени листы бумаги, советуются или спорят друг с другом, как делают пометки в своих записях. Ему понравилось, как рот Бочарова растягивается в широкой улыбке, как удовлетворённо он потирает руки, но особенно, как он, затаив дыхание, вчитывается в один из листков, а затем, сняв очки в серебристой оправе, долго и задумчиво глядит в потолок.

Сам Матвей к древним записям не прикасался, правда, сделал пару фото.

Пообедать можно было на первом этаже в столовой, но Матвей уже разработал план действий.

- Григорий Васильевич, - подошёл он к «дедку». – Позвольте я угощу вас обедом в кафе «Росгартен»? Мне бы хотелось в общих чертах обсудить с вами все эти находки, - он кивнул на ящики с документами. – Хотя бы в двух словах... Если вы не забыли, я – Матвей Хрусталёв, корреспондент газеты «Башня Врангеля»...

- Журналист? – с улыбкой спросил Бочаров. – Что ж, молодой человек, извольте! Только обязан вас предупредить, что ем я чрезвычайно много, употребляю, в основном, изысканные блюда и запиваю всё это дорогим коньяком!

Очевидно, что старик шутил, но шутил красиво и интеллигентно.

Учёный, между тем, заказал себе первое и второе, а также сто пятьдесят граммов недешёвого коньяку, несмотря на жару. Затем приступил к еде, только буркнув мимолётно:

- Я вас слушаю...

- Я, Григорий Васильевич, как журналист, который обязан осветить вопросы, касающиеся находки в масонском доме, должен подчеркнуть информацию у тех, кто непосредственно ею владеет. То есть, у знатоков, экспертов... Вы, как мне сказали, большой мастер по разгадыванию кроссвордов истории, особенно, если они написаны на старофранцузском языке. Хотелось бы узнать, с чем же мы столкнулись, и что вас в данной находке заинтересовало более всего?

- Это клад..., - ответил Бочаров, увлечённо опустошая тарелку с крошкой. – Научный и исторический клад... Не оскудела ещё земля калининградская подобными сокровищами! – Он наполнил рюмку коньяком, немного подержал её на свету, любуясь купанием солнечных лучиков в хрустальной тесноте сосуда и тёмно-вишнёвом елее содержимого, затем решительно опрокинул рюмочку, аппетитно крякнул от удовольствия и, положив свою ладонь на руку Матвея, произнёс:

- Благодарю вас, мой молодой друг за доставленное удовольствие. Задавайте вопросы, не стесняйтесь! А то я, как наброшусь на шашлык, боюсь, не смогу вам внятно и по существу отвечать! – и рассмеялся.

- Да я, в общем, уже задал...

- А, вот вы о чём... Это - архивы масонской ложи «Три короны». Можно сказать, своеобразные «консервы времени», сохранившие сведения о периоде её перерастания из Андреевской ложи, поскольку та была, русской, офицерской. А эта - уже прусская... Подчинялась она ложе «Три глобуса», которой руководил Фридрих Великий. А уж та, в свою очередь, подчинялась Верховной ложе, а точнее – Великой Ложе Франции и Англии...

Как только подали шашлык, достопочтенный Григорий Васильевич позволил себе прикончить ещё одну рюмку коньяку. Матвей пил минералку и записывал разговор с учёным на диктофон.

- Что меня удивило, даже поразило больше всего в найденных документах? Имена. Имена достойных русских людей, которых масонство стремилось затянуть в своё братство.

- Например?

- Например, Суворов. Наш Александр свет Васильевич, оказывается, приходил в ложу. Правда, всего только один раз. Надеюсь, сделал он это не по своей воле, а по служебной необходимости...

- А кто ещё?

- Наш незабвенный Александр Сергеевич...

- Пушкин?

- Он самый. Тут есть переписка с кишинёвской ложей, которой настоятельно рекомендовали привлечь поэта в свои ряды. И датировались эти письма 1821 годом...

- А зачем им понадобился Пушкин?

- О, они сразу узнали, какое оружие будет у них в руках, имей они среди русских масонов столь выдающегося поэта! Его слово пробудит не одну искру в сознании подневольного народа! Вы вспомните, как Пушкин симпатизировал декабристам! В Кишинёве его друзьями были майор Раевский, генерал Пуцин, Орлов... Все они были масонами. Он так и ответил впоследствии царю: «Будь я в Петербурге в декабре 1825 года, то был бы среди них!..»

- Он тоже участвовал в подготовке восстания? – оживился Матвей.

- Готовили восстание, вдохновляли и подстрекали офицеров масоны. А Пушкин, к тому времени, уже отошёл от них. У масонов, Матвей, было две задачи. Первая – лишить русский народ духовной силы. Поэтому они решили нанести удар по православию. И вторая – лишить народ физической силы. А это - уже удар по самодержавию! – тут он хитро усмехнулся. – Хотя, масонские ложи - это не что иное, как школы духовного развития и возвышения человека. Так сказать, норма нравственного воспитания. Вы напрасно думаете, что Пушкин случайно стал масоном. Ведь Царскосельский лицей, в котором он учился, это – детище масонов. Все педагоги были членами ложи, а воспитанники - детьми масонов не ниже звания мастера шотландской ложи...

- Бунтарский дух, дух просвещения, - после очередной рюмки продолжил Бочаров, - это всё – влияние масонских идей! Без них, увы... не было бы великого поэта.... В творчестве Пушкина много масонства, Матвей. Вспомните «Сказку о попе...» Это – удар по православной церкви. Ну, а

*«Властитель слабый и лукавый,*

*Плешивый щёголь, враг труда...»* - Это уже удар по самодержавию!

- Значит, у масонства всё-таки есть положительные качества?

- Несомненно, были... В какой-то мере они и сейчас есть... Но только на поверхности. Для внешнего прикрытия... Но наш Александр Сергеевич был настолько... прозорлив, что, став масоном, довольно быстро разобрался в их лжи, всё понял и сделал выводы! Его увлечение оказалось скорее трясинной, чем плодородным полем... Он, в конце концов, осудил масонов и удалился от них! Он понял основной их принцип: «Втянуть и заманить в свои ряды самых благонамеренных, публично-известных людей, и использовать их в своих грязных и злобных делах так, чтобы те и не догадывались об истинных намерениях вышестоящих по иерархии масонов». Как вы поняли, Матвей, Пушкин уже перестал быть другом масонов, а, стало быть... превратился в их врага... Я позволю себе ещё рюмочку, дорогой мой журналист, вы уж не обессудьте!..

Хрусталёв тоже глотнул минералки и принялся за шашлык. Изредка он поглядывал по сторонам. Кафе располагалось на открытом воздухе, поэтому сюда пришло довольно много народу. Жмурясь от солнца, люди делали заказ, усаживались за столики. Официантки из студенток БФУ, как понял Матвей, расторопно и грациозно лавировали между ними с подносами...

- Про масонство и Пушкина, – продолжал Бочаров, – хорошо написано в книге Всеволода Иванова «Тайны масонства», - он достал планшет, включил его, что-то искал в своих папках... – Вот! «Для масонства, – пишет Иванов, – нависла вполне реальная угроза, оно теряло своё влияние на русское общество, здоровый национализм Пушкина вливался животворной струёй в нездоровую, заражённую либерализмом и космополитизмом общественную атмосферу. Решение убрать, устранить строптивного Пушкина стало первоочередной задачей масонства». В тех документах, что мы нашли, - прямое доказательство того, что гибель поэта организовали и устроили именно масоны. Здесь множество писем, среди которых есть и рекомендации, и приказы, и отчёты... Переписка между руководством ложи и непосредственными исполнителями – Бенкнедорфом и Геккерном... Тут же – письма-циркуляры Рылееву, Пушину, Волконскому, а также князьям Долгорукому, Уварову и Гагарину. Все они имеют одну цель – оказать на Пушкина давление, заставить его вернуться к идеалам масонства!

- Выходит, участь поэта была предрешена в ложе?– прошептал Матвей.

- Да. Масоны заранее спланировали убийство поэта, и нашли непосредственного исполнителя – Дантеса. Это чудовище было любовником Геккерна... впрочем, вы о нём знаете, и упоминать его имя мне противно... После него хочется пойти в душ и отмыться... (62)

Бочаров с удовольствием допил коньяк, доел шашлык и, удовлетворённо похлопав себя по животу, произнёс:

- Спасибо, дружище, за превосходный обед! Ответил ли я вам на интересующие вопросы?

Матвей отогнал от лица назойливую осу.

- Да, спасибо! Значит, в этих ящиках, кроме прочего... старья, мы нашли доказательства вины масонов в убийстве великого русского поэта?

- Это – несомненно! Но там есть и другие материалы. Они не менее интересны, потому что способны пролить свет на некоторые загадочные события... Мы ведь только приступили к изучению документов. Нам понадобится некоторое время, чтобы сделать окончательные выводы. Более подробно я расскажу вам в конце дня. А сейчас мне не терпится снова окунуть свою седую голову в тайны масонства двухсотлетней давности!

Бочаров был сед, как заметил Матвей, хотя и не полностью. Седина у него была, как говорится, «благородной», она светилась и серебрилась, в основном, на висках. Широкий лоб с большими залысинами, густые брови, серые, задумчивые глаза... Его взгляд был словно освещён изнутри мягким живым светом и излучал тепло и доброту даже тогда, когда старик кого-то ругал. Лицо после обеда покраснелось, на лбу выступили мелкие бисеринки пота...

Вечером, после окончания работы, Матвей тоже решил угостить Григория Васильевича хорошим ужином, за которым собирался узнать у него что-то новенькое. Хотя, по правде говоря, то, что тот поведал ему в обед, впечатляло. И новых сенсаций журналист не ожидал. Сработало, скорее, профессиональное качество – записать, а потом – прослушать и сделать наработки...

После обеда работа продолжалась ещё часа два с небольшими перерывами. Матвей слушал реплики экспертов, а также разговоры во время перекуров, и теперь их фразы и термины стали для него более-менее понятными. Всё было так, как и утром – каждый выбирал себе ту или иную стопку бумаг, тщательно рассматривал, прочитывал и делал какие-то пометки в своём экспертном листе. Прочитанные листы сортировались по тем или иным параметрам. Кучка неисследованных документов быстро уменьшалась. Несколько раз Матвей набирал номер редакции, объяснял, что он работает над статьёй, иногда звонили и ему.

- Ты куда пропал? – спросил его друг Вадим Филатов. – В редакции тебя нет, дома – тоже! Признавайся, нарыл очередную сенсацию? Называй адрес, мы подъедем если что!..

- Пока не знаю, - уклончиво ответил Матвей. – Разбираем архив из масонского дома. Есть любопытные факты...

- Ну, тогда флаг тебе в руки, барабан на шею, а палочки сам по дороге найдешь... А про убийцу что-нибудь стало известно?

- Ты знаешь, насчёт этого я не в курсе. Увижу Васильича, спрошу.

- Есть предложение вечером ударить по пивку! В честь ничьи с Англией! И за дальнейшие победы нашей сборной на чемпионате!

- Лучше по пивку вдарим, когда со Словакией будут играть...

- Идёт! Тогда – до пятнадцатого!

Работу закончили около пяти. Народу в длинном и прохладном коридоре уже не было, лишь пожилая уборщица громыхала пустыми ведрами. А на улице неистово жарило солнце, ветра почти не ощущалось.

- Эх, на море бы сейчас, – мечтательно произнёс журналист.

- Да, на море было бы великолепно, – подтвердил Бочаров. – Только не на пляже. А где-нибудь среди сосен на косе...

- Значит, вы отказываетесь от ужина? – спросил Матвей.

- Вынужден, – ответил тот, оглядываясь по сторонам. – У меня сегодня встреча. А если хотите, я вам вечером пришлю свой скучный отчёт. Хотя, признаюсь, ничего особо интересного в нём не будет... А вот про Пушкина, – это да! Факты, фамилии... Даты... Мы ещё поговорим на эту тему, раз вам так интересно...

- Обязательно!

- А вот и мои друзья!

К Бочарову подбежала молодая женщина, обняла его и поцеловала в щёку.

- Это – моя бывшая ученица, – только и успел пробормотать довольный Григорий Васильевич. – Ксения...

В свою очередь, учёный представил и журналиста.

- Вы – тот самый Матвей Хрусталёв? – удивилась Ксения и приветливо улыбнулась. – Да, мир тесен! А это – мой муж, – кивнула она на представительного мужчину пятидесяти с небольшим лет, абсолютно лысого. – Профессор Ледовской.

- Арсентий, – пожал протянутую руку подошедший профессор. – Григорий Васильевич разгадает любую загадку, будь то хоть средневековый ребус... А это – мой брат!

Рядом стоял второй мужчина, темноволосый атлет с широкими плечами и каким-то гипнотическим взглядом.

- Андрон, – мощным и одновременно бархатным голосом представился он. – Мы к Григорию Васильевичу по краеведческим вопросам. Он просто обязан кинуть нам в копилку что-то особо интереснейшее из новых находок на калининградской земле! (63)

#### **Глава 4. Сайт масонской ложи**

Наденька искупала малышку Лизоньку, нежно вытерла её, надела на неё цветастые ползунки и уложила спать. Полюбовалась ею, ласково поцеловала. Взглянула на часы. Скоро должны подъехать родители Матвея. Они жили в посёлке Космодемьянский и навещались примерно раз в неделю. Добрые, интеллигентные люди. Немного шумные и эмоциональные. Конечно, умудрённые богатым жизненным опытом, которым щедро делились по поводу и без. Правда, Наденька сразу, вежливо, но твёрдо, дала им понять, что никому не позволит вмешиваться в её семейную жизнь. Ягодок там подбросить с дачи или курочку привезти – это всегда пожалуйста, а с нравоучениями лезть не надо. На крайний случай, у неё есть свой советчик – мама. И пусть она живёт в другом конце города, зато никогда не ошибается. Родственники мужа поняли её правильно...

Примерно час назад Наденька закончила корректировать статью Матвея. Она с удовлетворением отметила, что её муж стал допускать гораздо меньше промахов, чем это было до их женитьбы. Писать он стал не только грамотнее, но, как говорят, редакторы, «вкуснее». У него выработался собственный стиль. Вот и эта статья, посвящённая фасадам домов, вроде бы, не разоблачительная или сенсационная, а читаешь её, и становится интересно. Кстати, где Матвей? Рабочий день в редакции закончился, да ему там и делать нечего... Или уже помчался на новое задание? Он такой: как закусит удила, то не угонишься! Только вот последнее его увлечение масонами ей не нравилось. Он, ярый борец за справедливость, не остановится, пока не выдаст «на гора» всю подноготную об их истинных планах и стремлениях. А масонство – это сила... И оно умеет жестоко мстить.

Звонок в дверь... Пришли!

Пока она обнималась со свёкром и свекровью, подоспел муж, запыхавшийся и с коробкой конфет. Как хорошо, когда вся семья в сборе!

Матвей тоже испытывал некоторые сомнения и колебался. Он, как патриот, был уверен, что масонские ложи несут его стране только бедствия. Их деятельность искусственно прикрывается лозунгами о просвещении, благотворительности и духовном обогащении... Против этого трудно было возражать. Но... почему-то от этих «благодетелей» неприятно пахло коварством и злодейством...

«Ну, допустим, примут меня в масоны... - размышлял Матвей. – Как быстро я добьюсь более высоких степеней посвящения и разберусь в реальных целях братства? Наверное, пройдет не один год... А всё это время я буду вынужден доказывать свою лояльность «каменщикам»... И прикидываться масоном...». Но, по-другому не получалось – грандиозные задачи не предполагают мгновенного решения. Тут он вспомнил о Суворове. Ведь тому понадобилось показаться в ложе всего раз, но он сумел сделать своё дело. Мнение, что великий полководец в молодости действительно решил стать масоном, он напрочь отвергал. Журналист был уверен, что Александр Васильевич выполнял в ложе какую-то важную миссию. Разумеется, секретную, раз никто не знает о ней до сих пор... В те времена политическая каша варилась именно в таких вот масонских братствах... А как сейчас?..

Он набрал адрес одного из сайтов «вольных каменщиков». Вот, что он там прочитал:

«Наша ложа была названа в честь Николая Ивановича Новикова, известного русского просветителя, литератора, историка, книгоиздателя и масона. Братья ложи (масоны) в своих трудах стараются следовать благородному пути, которым шёл наш духовный предок – пути духовного самосовершенствования и общественного благополучия, которые достигаются посредством интеллектуального и нравственного Просвещения».

Вроде бы, ничего предосудительного нет...

«Ложа «Николай Новиков» как мастерская Великой Ложи Франции вершит свои труды по Древнему и Принятому Шотландскому Уставу – одной из старейших систем масонских посвячительных церемоний, символизм которых пробуждает в человеке силы,

направляющие его постепенное и гармоничное саморазвитие как индивидуальности, а также как части общественного целого.

Мы будем рады, если размещенные на нашем сайте материалы, посвящённые Н.И. Новикову и другим выдающимся масонам, а также разнообразным сторонам и проблемам масонского пути внутреннего самосовершенствования, окажутся полезными вам в собственных духовных исканиях, которые могут привести и вас к порогу масонского Храма. Помните, двери сего Храма отворяются всякому стучащему в них мужчине, искренне взыскующему Света Истины, верующему в Бога, человеку свободному и добрых нравов...»

«Ну, прямо ангелы во плоти!» - подумал Матвей.

«Мы также готовы поделиться с вами и своими собственными взглядами, и мнениями о проблемах духовного развития, исторических судьбах масонства, его места в жизни нашей страны и в нашей собственной жизни, для чего приглашаем вас присоединиться к дискуссиям, идущим на нашем форуме, где вы можете подробно узнать - что такое масонство в России...»

«Знаем мы о происках масонства в России... Может, не всё, но и того, что известно – достаточно! Вы ещё ответите за гибель великого поэта, - мысленно ответил Хрусталёв. – И речь идёт не только о Пушкине...» Он вдруг подумал об Есенине, Маяковском и Талькове... «Ладно! Сидя на одном месте, ни черта не предпринимая, ничего путного не добьёшься! Надо действовать!» Он вдруг представил огромного клопа, присосавшегося к телу России, пьющего её кровь и отравляющего плоть... И принял решение.

Матвей прочитал, что кандидат в масоны должен быть человеком «свободным и добрых нравов». При этом, на первое условие мало обращали внимание, поскольку, само понятие «свобода» - довольно-таки неконкретное. Чего не скажешь о нравственных качествах потенциального кандидата. Но он, Матвей – человек честный, творческий и трудолюбивый, кроме того «отличный семьянин, и связей, порочащих его...», впрочем, это уже из другой оперы...

Он - мужчина, старше 21 года. Верит ли он в бессмертие души? Несомненно. В Высшие силы? А как же! Словом, кандидат хоть куда! Готов ли он выплачивать членские взносы? Ну, что ж, придётся пару-тройку тысяч рублей оторвать от семьи, раз такое дело... Меньше пива выпьет с баламутом Вадимом.

Итак, в масонство не вербуют, туда надо приходиться самому. Вот и настала его пора «постучать в двери». Матвей нашёл форму Прощения в Великую Ложу Франции, заполнил её, кратко рассказал о своих исканиях и работе, о жажде чего-то более значимого в жизни... оставил свои реквизиты, отправил и стал ждать ответа.

Ответ пришёл через два дня. В первом своём послании масоны советовали ему как следует подумать. «Просим Вас понять, - говорилось в письме, - что быть масоном не просто. Огромное число требований предъявляет к человеку это высокое звание, и необходимо найти в себе силы соответствовать ему. Надо также искренне верить в Бога. Пожалуйста, перед тем, как принять решение подать прошение о вступлении в Масонство, серьезно обдумайте, готовы ли Вы к подобному подвигу, единственной наградой за который будет духовная поддержка братьев».

- Привет, брат!

- Здорово, дружище! Ну, как, ты готов к футболу? – Вадим вышел на связь по скайпу. – Сегодня в пять наши играют со словаками! Если хочешь, я займу тебе местечко в спортивном баре!

- Вам, мужикам, только бы развлекаться, – проворчала Наденька, проходя мимо стола, за которым у компьютера сидел Матвей. Сама она планировала заняться стиркой.

- Надюша, как же ты похорошела! – тут же откликнулся Вадим. – Замужняя жизнь пошла тебе на пользу!

Наденька остановилась.

- Ишь ты, как запел! – усмехнулась молодая женщина. – Я за мужниной спиной, как за каменной стеной, - припомнила она старинную поговорку.

- Эх, мне бы такой же согревающий лучик, вся душа бы расцвела и зазвенела! Нет, я серьёзно, мы всего на пару часиков! Можно было бы, конечно, и дома «поболеть», но у вас лишний раз громко не крикнешь, чтобы ребёнка не разбудить. А там мы, словно на стадионе!

- И на стадионе нужно себя культурно вести. А то, вон, нашу команду из-за таких диких болельщиков уже условно дисквалифицировали...

Матвей, хитро улыбаясь, молчал.

- Так ты позволишь своему супругу отлучиться на пару часиков? Иначе наша сборная проиграет, ты ведь знаешь этих оболтусов: одного болельщика не хватит, и – всё, хана! А нам сегодня даже ничьи мало!

- Ну ладно, сходите, посидите. Только, чтобы кроме пива ничего лишнего!

- Ты умница, Наденька! Ты – просто золото!

- Знаем-знаем...

После того, как Матвей ответил, что всё продумал и от решения своего не отказывается, ему пришёл ответ:

«Порядок посвящения в Великую ложу Франции предусматривает, чтобы Вы написали петицию. Это не просто прошение, это – обоснование Вашего желания и выражение готовности испытать все трудности и лишения, ожидающие Вас в масонстве».

Далее следовала выдержка из какой-то масонской книги:

*«Вопрос: После того, как ты принес клятву и заслужил доверие, был ли ты облачен? Ответ: Да, был. В совершенный запон Вольного Каменщика, который, как поведал мне брат Первый Страж, древнее Золотого Руна и римского орла, достойнее ордена Подвязки или какого-либо другого из существующих орденов, ибо он есть эмблема чистоты и звено моих братских уз. Он также наставил меня в том, чтобы носить и почитать его как таковой, и далее сообщил мне, что если я не опозорю его, то и он не опозорит меня».*

«Затем с Вами проведут беседу трое наших братьев-мастеров, после чего данный вопрос будет обсуждаться в руководстве ВЛФ».

«Бюрократы...»

И вновь ленивыми вязкими каплями потекло время.



Несколько дней Матвей работал над новым заданием – «Водоканал». Он съездил на объект, прошёлся по берегу канала, сделал необходимые фото. Отметил, что водоём наполнен достаточным количеством воды и она – чистойшая. С высоты берега ему хорошо были видны песчаное дно канала, щуки, стерегущие мелочь, и другая рыба.

Уставший от городской духоты, Хрусталёв ненадолго заглянул в небольшую рощицу, где с удовольствием вдохнул медовый аромат цветущих лип, полюбовался стройными берёзками и застенчивыми рябинами. У каждого дерева здесь была своя, особая осанка, но гордые и важные дубы, несомненно, возглавляли эту лесную иерархию... «Все мы – маленькие листья в кроне гордого и могучего дерева – России, надёжно удерживаемого своими историческими корнями, - размышлял Матвей. - Это они питают нас, придают сил, помогают выстоять в период невзгод. Чудотворные соки родной земли, упокоившей наших предков, поступая по ним, не дают увянуть нашей памяти, вере и надежде, распускаются цветами любви и плодоносят добрыми делами...»

А ещё он соскучился по тишине... Она издавна стала его лучшим и проверенным другом. Ей ничего от него не было нужно. Она просто находилась рядом, успокаивала, а, порой, утешала...

В траве под ногами нет-нет, да попадались крепенькие подберёзовики, которых по окончанию прогулки, набралось на добрую кастрюлю супчика... «Вот жена-то обрадуется...» - думал журналист. Потом он побеседовал с работниками предприятия, которые пожаловались, что местный люд, несмотря на запрет, и купается здесь, и ловит рыбу, и разжигает костры.

Канал примыкал к улице маршала Борзова, к месту, где раньше располагалось Калининградское военное авиационно-техническое училище, известное всей стране, как КВАТУ, выпускавшее в авиационные части множество технически грамотных специалистов. Здесь служил его тесть, отец Наденьки. Матвей только слышал о нём и очень жалел, что им не суждено было познакомиться. С этим человеком он, несомненно, нашёл бы общий язык и интересы.

20 июня, выходя из подъезда редакции, он едва не столкнулся с довольно невзрачным человеком в солнцезащитных очках, который вежливо ему улыбнулся, сделал шаг в сторону и тут же обратился с вопросом:

- Не вы ли будете Матвеем Хрусталёвым, подавшим прошение на вступление в ложу?

- Да, это - я, - ответил журналист, немного растерявшись.

- Могли бы мы поговорить с вами? Здесь, за углом есть уютное кафе, где нас ждут двое других представителей ложи...

- Охотно, - ответил Матвей. – Я, признаться, давно этого ждал!

Они свернули за угол дома, обогнули несколько припаркованных машин и подошли к летнему заведению, приютившему за столиками десятка два человек. Кто-то из них пил пиво, иные – соки. Разнообразная закуска и напитки стояли на цветастой скатерти. Некоторые с удовольствием распивали и водочку. Двоих мужчин, скромно сидевших с краю за отдельным столом, Матвей заметил не сразу.

Все трое незнакомцев были примерно одного возраста – где-то по 40-45 лет. Двое были лысоватыми, третий, встретивший Матвея – с короткой причёской, облагороженной сединой. У всех на лицах читался живой интерес. Пили господа охлаждённую колу. У каждого на пальце Хрусталёв заметил – по перстню, на котором читались масонские символы. «Значит, это - они!» - журналист понял, что не ошибся и присел на стул.

- Мы вам заказали светлое пиво, - произнёс господин, сидевший напротив Матвея.

- Отлично, - ответил тот.

- Мы не будем вам представляться. Это сейчас не имеет смысла. Но должны провести с вами ознакомительную беседу. Вы знаете, о чём... - сказал другой, сидящий справа, и устремил на Матвея внимательный взгляд. – Назовите своё имя и род занятий.

Официантка принесла бокал пива и кулёк сухариков.

- Я – Матвей Хрусталёв. Работаю в газете «Башня Врангеля» корреспондентом. Пишу о родном городе, который безмерно люблю. Очень радуюсь, когда удаётся открыть что-то новое в его славной истории...

- Скажите, - задал вопрос седоватый масон, присевший по левую руку от Матвея. – Зачем вам понадобилось вступать в ряды «вольных каменщиков»? Вам что, плохо живётся? У нас ведь не клуб для развлечений...

- Я внимательно ознакомился с деятельностью масонов, - Матвей старался быть непринуждённым, и сделал приличный глоток пива из высокого бокала. – Мне, знаете ли, в этой жизни чего-то не хватает. Меня тянет к образованным, культурным, думающим людям, а вокруг... Нет, я не считаю себя каким-то исключительным. Просто, хочется, чтобы люди, находящиеся вокруг меня, были... культурнее и духовно чище, знали себе истинную цену и придерживались подлинных ценностей – милосердия и любви к ближнему, дружбы и взаимовыручки, единства и равенства... Надеюсь, что в кругу масонов я встречу именно таких людей...

- Что-нибудь ещё заказывать будете?– спросила подошедшая официантка.

- Четыре пиццы, пожалуйста, – ответил один из масонов и ткнул пальцем в меню. – Вот эти... И - ещё пива.

- На сей раз, мы вас угощаем, - улыбнулся тот, что встретил Матвея.

- Премного благодарен, – ответил журналист.

- А все прочие люди?.. – задал очередной вопрос господин, сидящий напротив. – Правильно ли я понял, что они вам не очень нравятся?

- В подавляющем большинстве люди у нас хорошие, - ответил Матвей. – Любой способен прийти на помощь в трудную минуту, но... может и мимо пройти. Люди стали замкнутыми, озабоченными решением своих мелких повседневных проблем. И забыли о своей великой миссии! Их надо разбудить, воодушевить...

- Какую религию вы исповедуете? Православие?

- Я не могу причислить себя к приверженцам ни одной из религий. Но искренне верю, что Бог существует, какими бы именами его не наградило человечество. Для меня это просто – Создатель!

- Каким бы вы хотели видеть наше общество? - задал вопрос сидящий справа. Он взял нож и отрезал от пиццы несколько кусочков. Поднял один и бросил вьющимся вокруг стола воробьям.

Немного подумав, Матвей сделал ещё глоток и ответил:

- Хотелось бы достичь Вселенской гармонии... Чтобы всеми соблюдался Закон, чтобы каждый получал достойную зарплату... Чтобы тот, кто стремится к цели посредством своего труда и таланта, всегда добивался желаемого... Пусть наконец-то закончится царство зла, не станет эпидемий и войн... А человек поймёт свою величайшую миссию на Земле... И впредь не теряет своего лица... Понимаю, что это звучит наивно, но я – мечтатель и хочу оказаться рядом с единомышленниками, но которые при этом активно действуют!..

- Тогда вы должны верить в чудеса? – улыбнулся собеседник.

- Честно говоря, я с ними никогда не сталкивался, - соврал Хрусталёв.

- А вот сейчас вы сказали нам неправду! – господин, расположившийся слева, снял свои черные очки, строго и пристально посмотрел в глаза Матвея. – Мы знаем, что вы были активным участником ликвидации филиала секретной лаборатории «Аненербе», занимающейся в Калининграде паранормальными вопросами...

- Да, был такой «весёлый» эпизод в моей жизни, - засмутился Матвей, - Но, согласитесь, что не пристало рассказывать об этом первым встречным... Извините, я давал подписку о неразглашении, - стал оправдываться он. – А откуда вам всё это известно?

- Мы обязаны всё знать, - усмехнулся седой масон. – Вы ещё не знаете наших возможностей. Вот, смотрите..., - он провёл рукой с растопыренными пальцами над столиком и журналист увидел, что на блюде вместо пиццы теперь находится мясная нарезка с зеленью, а в его бокале играет красное вино вместо пива.

- Тсс, - приложил указательный палец к своим губам масон, увидев вытянутое от удивления лицо Хрусталёва. – Любое чудо имеет строгое научное обоснование... Но учёным частенько приходится выходить за грань нормальности... Относительна и изменчива даже физика с математикой. Так, например, согласно геометрии Эвклида, сумма углов треугольника равна 180 градусам... Верно? А в геометрии Лобачевского она всегда меньше 180, а вот в геометрии Римана – больше...

Беседа продлилась не более получаса. Её атмосфера казалась непринуждённой и доброжелательной. При этом масоны были настроены миролюбиво и дружелюбно. Каверзных и провокационных вопросов больше не задавалось, было время обдумать и ответы.

Вскоре господа из ложи встали из-за стола и начали прощаться с Матвеем.

- Спасибо за «чудесный» ужин, - сказал тот, улыбаясь. – Не знаю, какое впечатление я произвёл на вас, но был правдив и искренен. Что же мне делать дальше?

- Ждать, - ответил тот, что встречал Матвея. – И, конечно, надеяться. Мы составим свой отчёт, его обсудят в руководстве ложи. Кроме этого, понадобятся дополнительные проверки и, возможно, собеседование. У вас ведь нет рекомендаторов?

- К сожалению, нет...

- Ну, это не беда... Затем, если всё пройдёт хорошо, то есть, будет принято положительное решение, вас ожидает опрос «под повязкой»...

- А это что такое?

- Вас пригласят в ложу. На очередное собрание. Во время торжественной ритуальной работы вас с завязанными глазами введут в собрание, и члены братства зададут вам надлежащие вопросы. Только после этого присутствующие обсудят вашу кандидатуру ещё раз и примут окончательное решение.

- Будет что-то вроде голосования? – спросил Матвей.

- Конечно. Вам надлежит знать, что кандидатура будет считаться отклонённой, если хотя бы три члена ложи проголосуют против.

- М-да, - вздохнул Хрусталёв.

- Но если всего один или два члена собрания резко выскажутся против вас, это может отложить посвящение на более длительный срок...

А ночью Матвею приснился сон. Как-будто он присутствует на дуэли Пушкина... Ветренный и морозный день, глубокий, скрипучий снег... Он хочет предупредить поэта, остановить убийство, кричит и машет руками... Но его никто не слышит и даже не замечает...

## Глава 5. Дуэль на Чёрной речке

- Я слишком устал от ваших интриг и анонимных насмешек, сударь! Так и передайте этому своднику и развратной старухе Геккерну! - кричал в сердцах Александр Пушкин атташе французского посольства виконту д'Аршиаку. - И его мерзкой кукле – пустому мальчишке и совершеннейшему ничтожеству, как в нравственном, так и в умственном отношении, Жоржу! Он напрашивается на поединок? Извольте! Я с удовольствием разбавлю его ослиные мозги свинцовой изюминкой!

- Как вам будет угодно, - поклонившись, ответил виконт, закутался в тёплую епанчу и направился к карете.

Уже стемнело, на улицах Петербурга зажглись фонари, из нависших низких облаков сыпал мелкий снег. Улица Мойка утопала в снежинках, затеявших тихий танец над промёрзшей мостовой.

- Как же так, батюшка?.. – растеряно проговорил верный слуга поэта Никита Козлов, набрасывая на плечи Пушкина медвежью шубу. – Неужели дуэль?

- А как же, дядька... - мрачно ответил тот. – Хотя надо бы стреляться не с выскочкой Дантесом, а со скотиной Геккерном!

Никита Тимофеевич перекрестился. Давно он не видел своего барина в таком состоянии. «Свят-свят... Не допусти, Господь, смертоубийства...»

- И когда же, батюшка Александр Сергеевич?

- Завтра, Никита. Да не трясись ты так! – попытался улыбнуться Пушкин. – Ступай в дом, приготовь мне кофе.

- А как же ты, барин? Так и будешь на пороге стоять?

- Постою ещё... Вечер-то какой, Никитушка... А мне ещё с бумагами надо разобраться. Да, и пошли кого-нибудь с запиской к Данзасу (64). Я сейчас изложу ему свою просьбу...

Некоторое время спустя поэт в запальчивости объяснял Константину Карловичу:

- Ты пойми, ни о каком примирении не может быть и речи! Этот подлец открыто ухаживает за моей женой, а его, так называемый папаша, барон Геккерен, распускает гнусные сплетни и рассылает мерзкие, пошлые письма!

- Господь свидетель, мне не совсем понятны мотивы, но они всеми силами стараются очернить твоё имя, Александр...

- Все их усилия даже не вызывают моей ревности, – в ярости продолжал поэт. - Я люблю жену, убежден в её чистоте и безгранично ей доверяю... А этот Дон Жуан, по причине своей трусости и с целью уклониться от поединка, даже обвенчался с сестрой моей супруги - Екатериной Гончаровой. Однако если Дантес полагает, что после сего он будет иметь возможность бывать у нас и встречаться с Натальей Николаевной, то напрасно. Пока я жив, этого не случится! Никогда между домом Пушкина и домом Дантеса ничего общего не будет...

- Успокойся, Саша, - пытался образумить поэта Данзас. – Раз решился на дуэль, так тому и быть... Но будь хоть немного хладнокровнее...

- Знаешь, иногда случаются в жизни минуты, когда оказываешься в месте, где неожиданно перекрещиваются самые важные пути и решается судьба человека. Никто не остаётся после этого таким, каким был раньше и не живёт, как прежде... У меня наступил именно такой момент! Дорогой Константин, окажи услугу, стань моим секундантом. Как мало людей, к которым я мог бы обратиться с такой непростой просьбой. Ты - заслуженный офицер, подполковник, отмеченный наградами и имеющий боевые ранения. Полагаю, что за участие в сей дуэли, тебя не накажут слишком строго...

- Конечно, Саша, если ты того хочешь...

- Тогда, будь добр... обсуди детали дуэли... Где, когда и как... Чем раньше мы решим этот вопрос, тем будет лучше... Я буду ждать тебя дома.

Ночь на 27 января 1837 года выдалась тихой. Снег за окном то прекращался, то вновь начинал своё унылое падение. Изредка по дороге проносились сани, скрипел снег под ногами прохожих. Фонарь тускло освещал под собой широкий круг, на краю которого сидела кошка.

Александр Сергеевич задумался. Он только что написал несколько писем друзьям... Не забыл ли чего? Поэт присел на диван и принялся набивать трубку табаком. Что его ждёт завтра? В себе он не сомневался. Рука его тверда, а глаз – остёр и верен. Но свои дуэли Пушкин старался не доводить до печального исхода. Поэт должен быть гуманен, считал он. Но не в этом случае! Завтра он прикончит зарвавшегося негодяя!

Наталья Николаевна и дети уже отошли ко сну. Прислуга закончила свои дела. Как хорошо ему писалось в такие вот ночи-вечера! Пушкин бросил взгляд на разбросанные на столике-канторке листы бумаги, чернильницу в виде бронзовой статуэтки негра с гусиными перьями... Где они, Михайловское и Болдино? Увидит ли он их снова? Тишина. Лишь тиканье часов...

Наташенька... Ведь гнусные памфлеты, сочинённые для нанесения удара по нему, Пушкину, непременно отражаются на его дражайшей половине... Как же она истаяла и погрустнела за последнее время... Ну, что ж, злодеи ответят за это!..

Пушкин прикурил от свечи, затянулся горьковатым дымом... Вспомнилось детство в Царскосельском, Кишинёв, Крым, путешествие в Симбирск и Оренбург... Велика

Россия! Мудра, красива, богата и могуча! Нужно много потрудиться над собой, чтобы стать ей достойным сыном...

Совсем некстати вспомнилась старуха-гадалка из далёкой юности, настоящая ведьма, её трясущаяся рука и скрюченный указательный перст... А также слова: «Смерть примешь от белокурого мужчины», произнесённые глухим голосом... Да, Дантес белокур, миловиден, пожалуй, его даже можно было назвать красивым, если бы не пустые, ничего не выражающие, стеклянные глаза... «Будь что будет, - подумал Пушкин. – От судьбы всё равно не убежишь».

Он взял в руки Библию с полки. Открыл её наугад на странице с литографией, изображающей всеми преданного и униженного Христа, безропотно несущего свой Крест на Голгофу. Но вдруг картинка ожила... Пушкин вздрогнул и поднес чудесную книгу поближе к свече. И увидел, что губы истерзанного Спасителя шевелятся! Он словно что-то говорил Александру, внушал торопливо и убедительно! Только поэт Его не слышал...

- Как там наш барин? – спросила кухарка Никиту Козлова, когда тот сосредоточенно чистил сапоги.

- Ничего, Клавдия. Встал в 8 часов, выпил чаю и работает в кабинете. Всё, как всегда. По нему не скажешь, что волнуется. Я слышал, что он даже напевал что-то, расхаживая по комнате...

- Никита! – вдруг услышали они голос поэта. «Дядька» Пушкина тут же помчался на зов. – Эка ты вырядился! Не иначе, невесту себе нашёл?.. Сделай-ка мне, голубчик, крепкого кофе! – Александр Сергеевич выглядел безмятежным и даже весёлым.

«Даст Бог, и беда пройдет мимо, - подумал Козлов. - Помилуй, нас Господи! Только не в этот день...»

Никакого волнения или тревоги в словах барина старый камердинер не ощутил. Пушкин работал в своём кабинете, как и обычно. Обложился бумагами из архива, видимо, писал что-то чересчур важное... Ближе к обеду приехал Константин Карлович. Встретились они с Пушкиным приветливо. Александр Сергеевич обнял друга и проводил в свой кабинет. Дверь при этом запер.

- Ну, что скажешь?

- Всё согласовано, – как-то сбивчиво ответил Данзас. – Условия определены. Место и время – тоже.

- Ну, каковы же условия? – спросил Пушкин, взяв в руки гусиное перо и рассматривая его со всех сторон, словно драгоценное изделие.

- Первое, – ответил Данзас. - Противники становятся на расстоянии пяти шагов от барьеров, расстояние между которыми равняется десяти шагам, то есть – в двадцати шагах друг от друга.

- С такого расстояния я не промахнусь, – заметил Пушкин. – Да и он тоже...

- Далее. По команде поединщики начинают сближаться, и могут стрелять из своих пистолетов, но ни в коем случае не переступая барьера...

- То есть, не нарушая традиций...

Данзас тяжело вздохнул.

- Не грусти, Костя, продолжай!

- После выстрела, - продолжил тот, - им не дозволяется менять место... Для того, чтобы выстреливший первым подвергся огню своего противника на том же самом расстоянии.

- Ну, и это не ново...

- Когда обе стороны сделают по выстрелу, то в случае безрезультатности, поединок возобновляется как в первый раз...

- Чем кровавее, тем лучше, - пробормотал Пушкин.

- Секунданты являются неизменными посредниками во всяком объяснении между противниками на месте боя и обеспечивают своей честью строгое соблюдение изложенных здесь условий, - закончил Данзас.

- Ну, что же, я со всем согласен. Чем раньше закончим это дело, тем лучше!

В дворянских кругах Пушкин имел репутацию опытного и чрезвычайно опасного дуэлянта. Не злой по натуре человек, он часто вел себя вызывающе. У полиции были особые списки, в которые включались люди, не удобные для общественного спокойствия. В этих списках было и имя Александра Пушкина. Только он обвинялся отнюдь не в вольнодумии, а был на одном из почетных мест в качестве карточного понтёра и дуэлянта. Александр Сергеевич отлично стрелял из пистолета и в течение всей жизни регулярно в этом упражнялся. Для укрепления мышц руки он постоянно носил тяжелую трость и применял специальные упражнения. (65)

- Что у нас по времени?

- Начало в четыре.

- Пора собираться...

Пока Пушкин умывался и переодевался во всё чистое, Данзас вышел на крыльцо и задумался. Вообще-то, он никогда не был близким другом Александра Сергеевича. Мог ли он вчера попытаться расстроить поединок, как это сделали в ноябре прошлого года Жуковский и другие друзья поэта, или хотя бы смягчить его условия? Конечно, мог... Но не стал... Вместо этого он с секундантом Дантеса д'Аршиаком пунктуально занялся организацией дуэли *a outrance*, (66).

- Сани поданы, - доложил Никита Пушкину. Сам он уже надел тулуп.

- И ты со мной собираешься? – удивился поэт.

- Я вас не брошу, что бы ни случилось, – ответил слуга тоном, не терпящем возражений. – Если угодно, я за вас пойду с топором в руке, но спуску негодяям не дам!

- Уймись, старина, дуэли запрещены государем. Не дай бог, он узнает, и тебе несдобровать. Ступай в дом и жди меня там. И лимонаду мне!.. Да большую шубу!.. К вечеру что-то похолодало...

Выпив стакан лимонада, Александр Сергеевич вышел с Данзасом на улицу. Они сели в сани, с порога их перекрестил «дядька» Пушкина.

- Н-но! Пошла, родимая! – звонко крикнул извозчик, щёлкнув кнутом. Он направил коней к Троицкому мосту.

На темнеющем небосводе уже повис полупрозрачный месяц. Короток зимний день, как коротка жизнь гения... В морозном воздухе кружились редкие, мелкие снежинки... Ах, если бы они могли соединиться в непреодолимую преграду и остановить эти сани!..

Петербург жил своей жизнью. Вот свернули в переулок сани купца Дмитрия Попова, который жил в соседнем с Пушкиным доме, вот хозяйка книжной лавки за что-то ругает чумазого сынишку-проказника, вот стая голубей взлетела ввысь, напуганная приближающейся лошадейю...

На дворцовой набережной им повстречался экипаж... «Так это же Наталья Николаевна! - заметил Данзас. – Если она обратит внимание на спешащего на дуэль мужа...» Но супруга Пушкина была близорука, а сам он смотрел совсем в другую сторону... «А ведь эта встреча могла бы предотвратить дуэль, - мелькнула мысль у секунданта поэта, когда они разъехались. – Впрочем, на небесах уже всё решено...»

И приятели продолжили путь за Чёрную речку, к Комендантской даче.

- Давай вон туда, к берёзовой роще, - скомандовал Пушкин вознице. Он уже заметил приближающиеся сани со своим противником.

- День ясный, морозный, – оглядевшись, произнёс Данзас. – Только ветер уж очень неприятный, обжигающий... - и первым вылез из саней, едва не утонув в глубоком снегу.

Солнце клонилось к закату, красными, кровавыми красками обагрив нетронутую снежную целину. Приступив к своим обязанностям, секунденты, проваливаясь чуть ли не по пояс, начали вытаптывать тропинку для дуэлянтов. Глубокий снег не позволил отмерить широкие шаги, и это усугубило условия поединка, уменьшив и так слишком малое расстояние между противниками.

Закутавшись в медвежью шубу, Александр Сергеевич сидел на снегу и отрешенно взирал на приготовления. Что было в его душе, одному богу известно. Временами он обнаруживал нетерпение, обращаясь к Данзасу: «Всё ли, наконец, кончено?»

Соперник Пушкина, поручик Дантес, высокий, атлетически сложенный молодой человек, прекрасный стрелок, был внешне спокоен. Поэт старался не глядеть в его сторону, чтобы хоть немного унять своё раздражение, а переключил внимание на стаю ворон.

- Александр Сергеевич, как вы находите место для дуэли? – спросил Данзас, морщась от морозного ветра. – Всё ли вас устраивает?

- Мне это решительно всё равно, только, пожалуйста, начинайте поскорее...

Шёл уже пятый час. Всё было готово к схватке. Секунденты шинелями обозначили барьеры, зарядили пистолеты и отвели противников на исходные позиции. Там им было вручено оружие (67). Извозчик стоял поодаль возле лошадей и хмуро поглядывал в сторону дуэлянтов. Шея его была открыта, но слуга, очевидно, не ощущал мороза.

Напряжение, казалось, пропитало даже воздух. Смертельная встреча двух непримиримых противников началась... Данзас махнул шляпой, и дуэлянты начали сходитьсь. Учитывая небольшое расстояние между соперниками, промахнуться с которого было практически невозможно, большое значение имел выбор тактики ведения боя. Учитывая превосходную стрелковую подготовку обоих, явное преимущество получал противник, выстреливший первым.

Пушкин стремительно подошел вплотную к своему барьеру и стал целиться в сердце Дантеса, ожидая, когда тот остановится. Но Дантес выстрелил, не дойдя одного шага до своего барьера. От грохота выстрела с ветвей взметнулась воронья стая. Облако порохового дыма закрыло собой фигуру стрелявшего...



Целиться в стоявшего на месте противника Жоржу было удобнее. Яркая вспышка огня ослепила поэта. Он почувствовал сильный удар в бок, его ноги подкосились, и он повалился на левый бок лицом в снег.

- Я ранен, - сказал он, стиснув зубы и морщась от боли.

Пуля, попав в верхнюю часть бедра, ушла глубоко в живот и там остановилась. Секунданты бросились к Пушкину, но когда Дантес хотел последовать за ними, тот остановил его фразой по-французски:

- Подождите! Я чувствую достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел...

Между тем алые капли крови окрасили снег. Дантес нехотя встал на своё место, и, повернувшись боком, прикрыл грудь правой рукой с пистолетом. Полулёжа, опираясь на левую руку, Пушкин, преодолевая боль, долго прицеливался и, наконец, выстрелил. Пуля пробила Дантесу мякоть предплечья и, ударившись, как показалось присутствующим, в металлическую пуговицу кавалергардского мундира, отскочила (68).

Видя, что Дантес упал, Пушкин воскликнул: «Браво!» — и, потеряв сознание, упал на шинель Данзаса, обозначавшую барьер.

- Врача!.. Врача-то... не захватили, – причитал бородатый извозчик.

Действительно, врача на дуэль не приглашали, бинтов и медикаментов ни у кого не было. Сделать перевязку не представлялось возможности. Это была серьёзная ошибка секунданта, оправдать которую нельзя.

Кое-как прижали рану лоскутами нижнего белья.

- Батюшка, - плакал извозчик. – Жив ли ты?

- Жив... - очнулся Пушкин. И, увидев склонившегося над ним д'Аршиака, спросил того: - Я его убил?..

- Нет, - ответил виконт, - вы его ранили.

- Странно, - тихо промолвил Пушкин. - Я думал, что мне доставит удовольствие его застрелить, но я чувствую теперь, что это не так...

Поднявшийся со снега Дантес тоже подошёл к лежащему Пушкину:

- Что я могу сделать для нашего примирения, сударь?

- Поручик, мне всё равно. Как только поправимся, снова начнём... - слабым голосом ответил поэт.

- В сани его, скорее, в сани!..

Но носилок у секундантов тоже не было. Раненый встать не мог, и его волоком потащили к саням, затем осторожно уложили на шинель и понесли. На всем пути от места дуэли до саней на снегу протянулся кровавый след. Затем Пушкина посадили в сани и повезли по тряской, ухабистой дороге...

## **Глава 6. Встреча на природе**

Лето уже всю хозяйничало в столице Янтарного края, правда, погода часто менялась – на смену знойным солнечным дням приходили ливни с грозами, а однажды даже прошёл град размером с крупную вишню. Калининградцы привыкли к такой переменчивой погоде – сегодня загорает на пляже, а завтра одеваешь свитерок... Но,

лето – есть лето, пора отпусков наступила, в садах зрели вишни и крыжовник, в лесу всё чаще встречались грибы-кокосовики, и не было никаких причин думать о чём-то грустном. Но, пока насладиться летом в полную силу всё как-то не получалось...

Дело об убийстве в масонском доме, как знал Матвей, зашло в тупик. Хотя видеокамеры и зафиксировали предполагаемого преступника, но никаких материалов на него не было, по базам данных МВД он не проходил.

Маленькая Лиза уже сидела в своём удобном манеже, с удовольствием тащила в рот мягкие игрушки и веселилась по любому поводу. Она постоянно радовала родителей своими новыми познаниями и звонко смеялась, когда папа возвращался с работы домой. Наденька в ней души не чаяла, да и в муже тоже – тот полностью оправдывал её надежды, хотя его затея с масонами ей очень не нравилась... Правда, как женщина умная, она старалась не говорить об этом супругу, дабы избежать ненужных конфликтов. Однако она всегда была готова состряпать что-то вкусненькое или просто обнять мужа, чтобы поддержать его в трудную минуту.

В начале июля Матвей получил очередное сообщение из масонского центра.

*«Уважаемый друг. Возможно, недалеко то время, когда мы тебя сможем назвать своим братом. Осталось совсем немного – беседа с тобой наших братьев подтвердила, что помыслы твои чисты и искренни. Проверка показала, что ты имеешь боевой опыт, как человек, с честью отслуживший в морской пехоте - это ещё один плюс. Ты – достаточно известный в Калининграде журналист, хороший семьянин и добропорядочный гражданин. Великая Ложка Франции передала твоё личное дело своей дочерней ложке, Великой Ложке России, а та, в свою очередь, поручила попечительство о тебе ложке «Под тремя коронами», что расположена в городе Калининграде.*

*И, если ты не изменил своему желанию стать масоном, то жди сообщения от нас. На днях совершится посвящение тебя в Ученики, и ты станешь нашим братом!*

*Хвала Создателю!»*

«Лёд тронулся!», - подумал Матвей. А на душе стало как-то тоскливо. Он пошёл на кухню, открыл холодильник и вытащил из него бутылку пива. Мельком полюбовался, как Наденька кормит грудью малышку Елизавету. «Вот, о чём следует писать, - подумал он. – О вечной любви, о материнстве, о детях... А я – о масонских тайнах. Ну, не чудак ли?»

Например, можно было бы рассказать о том, что Наденька решила не воспитывать своего ребёнка, а пестовать. Как в древности. Она так и заявила мужу. «А что это означает?» - не понял Матвей. «Видишь ли, - объяснила заботливая мама, - пестование – это целый процесс настройки родителей на биоритмы ребёнка и включения последнего в общий энергетический поток земли. Ещё в древние времена в семьях бытовали старославянские забавы для самых маленьких, типа «сороки-вороны», «трёх колодцев» и «ладушек». Она пояснила, что это не игры вовсе, а лечебные процедуры на базе акупунктуры. «Если ты своего ребёнка просто пеленаешь, моешь или кормишь – это ты за ним ухаживаешь. Если ты говоришь при этом нечто вроде: «Ах, ты мой сладкий! Давай-ка эту ножку сюда, а вот эту – в штанишки. А теперь мы наденем распашоночку!» - это ты его воспитываешь, поскольку человек должен знать, что его любят, с ним общаются. А мы

будем Светочке петь пестушки!» И она тут же начала использовать свою «методику». Умывая малышку, Наденька напевала:

«Водичка-водичка, умой моё личико.  
Чтоб глазки блестели, чтоб щёчки горели.  
Чтоб смеялся роток. Чтоб кусался зубок...»

Светочка слушала пестушку и смеялась от души. Матвей верил, что контакт с энергетическим полем Земли налажен.

Делая массаж или зарядку, Наденька приговаривала:

«Потягушки-потягунюшки,  
поперёк толстунюшки,  
ноженьки – ходунюшки,  
рученьки – хватунюшки.  
В роток – говорок,  
а в головку – разумок».

«На Земле, дорогой мой, - говорила она мужу, - всё подчинено определённым ритмам: дыхание, кровообращение, выработка гормонов... День и ночь, лунные месяцы, приливы и отливы... И каждая клеточка нашего организма работает в своём ритме!»

Матвей не спорил. Наоборот, ему ужасно нравился такой подход к воспитанию младенца. «Если бы меня так воспитывали, - сказал он, - я бы сейчас был совсем другим человеком!» «А мне другого не надо, - обвив руками его шею, отвечала Наденька. – Мне вообще никого не надо кроме тебя!»

Потом Матвей вновь возвращался к раздумьям на масонские темы. Хрусталёв считал, что масонство должно быть заинтересовано в таких людях, как он. Правда, он ещё только в самом начале трудного пути журналиста и писателя, но, кто знает, возможно, со временем что-нибудь вырастет и из него. Пока он пишет только статьи, к слову, довольно популярные, но, возможно, настоящий писатель уже рождается в нём! Скоро все прочитают его первый роман, или хотя бы повесть...

На днях, после поисков в Интернете материалов на масонскую тематику, в компьютере «выплыла» реклама Интернационального Союза Писателей, объединяющего профессиональных деятелей литературы из более чем 40 стран. ИСП прочил своим членам различные льготы, в том числе, даже за проезд в транспорте, и, конечно же, помощь в продвижении своих трудов и их популяризации. Всё, вроде бы, хорошо, только смущала его символика – чисто масонская – циркуль и наугольник. Это значило, что данный Союз находится под патронажем одной из Великих Лож.

«Или это ещё одна из дверей в масонство?»

Статья Матвея о фасадах кёнигсбергских домов вышла с иллюстрациями в очередном номере газеты, и вызвала множество откликов. Читатели, в основном, отмечали следующее: удивительную красоту своего города до войны и советовали, что нужно сделать для сохранения памятников старины. Проблема была злободневной, отчего интерес к газете вновь возрос. Следующая статья, про городской водоканал, ожидала своего часа, иначе говоря, её планировалось разместить в ближайшем номере. А ответственный секретарь газеты Анатолий Иванович Евсеев, которого сотрудники редакции называли не иначе, как Тоник Диваныч, за то, что он жил по общеизвестному

«принципу плоскогубцев» - «перекусил и лежи себе дальше», и, похоже, имел валерьянку вместо крови, подготовил для Хрусталёва целый список интересных, на его взгляд, тем, которые должны быть освещены в «Башне Врангеля».

Так же как и калининградская погода, настроение Матвея часто менялось. В один день он «рвал и метал», у него появлялась куча идей, которые он разом хотел воплотить, а иногда наваливалась апатия, почти депрессия. В такие дни работа не шла – желание пропадало, голова не соображала, все недавние «блестящие» идеи казались чужью. Наденька ощущала изменения в душе мужа и всячески старалась поддержать его, одновременно понимая, что проще изменить целую Вселенную, чем одного конкретного человека. Впрочем, Хрусталёв подолгу никогда не унывал. А если что – звонил Вадиму и тот быстро поднимал настроение другу.

- А что, дружище, - как-то отозвался он. – Нам надо немного отдохнуть, расслабиться! Айда на озеро! Возьми с собой любимую и дочку, приготовим шашлычок, выпьем немного водочки, попоём песен...

- Отличная идея! – сразу оживился Матвей. – Только почему немного? Праздник должен быть весёлым, а значит – пить и петь будем много! И громко!

- Решено!

- А может, на косу? А за рулём кто будет? Найдём ли в наших рядах трезвенника?

- Ну, ты спросил... Над этим стоит поразмыслить...

- Володя Мудров! – вспомнил Вадим.

- Тогда надо будет и Иванушкина пригласить... И Николая заодно...

- А что, это же шикарная мысль! Сколько мы с ними не виделись? Нам есть что вспомнить!..

- И есть, что обсудить...

- Ладно, я сегодня позвоню, узнаю, насколько сильно они заняты... Возможно, выкроют денёк для отдыха!.. На полицейском микроавтобусе! Это же класс!

- «My holiday... in a he-e-e-ell...!» (69) – с новой силой грянуло из динамиков аудиосистемы.

- Выключи ты это дерьмо, - посоветовал Иванушкин Володе. – Идиотская песня, а звучит на каждом углу!

- Так её одновременно несколько радиостанций крутят, Василич, - оправдывался водитель. – Сначала на одной началось, я переключился на другой канал, а там – то же самое!

«Действительно, - подумал Матвей о новой песне английской рок-группы «Steel rats» (70), - что-то этой песенки стало слишком уж много! Придётся на рынок – она звучит, заглянешь в кафе – и там она же! На пляже или на стадионе – везде этот чёртов «май холидей»!

- Новости включи! – вступил в разговор Вадим. – Может, хоть что-то интересное узнаем.

- Ага! В наше время слушать новости – портить себе настроение и заряжаться негативом! – ответил ему Николай. – Лучше диск поставь. У меня там старое «ДДТ» есть...

- Не отвлекайте водителя от дороги, - заметил Матвей. – А то не доедем!

- Да уже почти приехали...

Выгрузились на старом «облюбованном» месте Сергея Иванушкина. Когда ему только намекнули на поездку в составе сдружившейся в прошлом году компании, он сразу же согласился и при этом заявил: «Как говаривал незабвенный Джон Леннон, «Время, проведённое с удовольствием, не считается потерянным». Я знаю на косе одно чудное местечко! Поедем только туда! Но, учтите – вставать придётся рано!»

Как-то так удачно получилось, что этот день у всех оказался выходным.

Матвей опасался, что Наденька откажется, боясь брать в поездку малышку. Но та решила, с условием, чтобы в машине были все приспособления для безопасной перевозки грудных детей. «Воздух малышке необходим, - объяснила она своё решение. – Особенно морской и лесной. А в городе летом дышать нечем. Живём возле моря, так почему бы не воспользоваться этим?»

Вадим и Николай занялись костром, Иванушкин полез в сумки за спиртным и закусками, Володя – за рыболовными принадлежностями. Матвей принялся ставить палатку. Наденька, взяв на руки маленькую Елизавету, пошла к морю, вполголоса напевая:

*Здравствуй, море-моряшко,*

*Здравствуй, солнце ясное,*

*Вот вам наша Лизонька,*

*Сладенькая девочка!*

Малышка улыбалась и что-то лепетала в ответ.

- Ну, по маленькой, - заговорчески прошептал майор своим друзьям. – Пока наша фея не вмешалась в чисто мужское общение...

И отдых начался. Володя забросил фидер в залив и тут же сам полез в воду. Иванушкин, Вадим и Николай пошли в сторону моря искупаться.

- Давайте с нами, – звали они молодую пару, но Наденька не хотела «жарить на солнце» ребёнка, а Матвей сказал, что поплавать чуть позже. Он принялся «заряжать» шашлык.

Быстро пролетело утро. Солнце находилось уже в зените, когда друзья, наконец, собрались за раскладным столом и, после очередного поднятия бокалов, все с жадностью набросились на дымящийся шашлык, стали упражняться в остроумии, шутить и смеяться...

- Хорошо-то как! – не уставала повторять Наденька, счастливо улыбаясь мужу.

Компания прекрасно устроилась в тени деревьев, их шатром окружали кроны сосен, душистый ветерок шалил в зелёной листве и хвое. И всё бы хорошо, но неподалёку от них устроились другие отдыхающие, которые вели себя прилично, но зачем-то включили громкую музыку. И опять понеслось: «My holiday... in a he-e-e-ell!.. Warm me in burning soa-a-als! (71)». Впрочем, на них никто не обращал внимание.

- Ну, как вам живётся, акулы пера? – с улыбкой спросил Иванушкин молодую пару. – Вижу, вашего семейства прибыло! Это - замечательно! Надеюсь, у малышки Лизы скоро появится и братик! – он наполнил рюмки. – Впрочем, это вам решать, - поправился он.

- А скажи, Василич, что там нового по поводу убийства на Тельмана? – спросил Вадим, приглаживая пятернёй вечный рыжий «шухер» на своей голове. – Очередной «висяк»?

- Похоже на то, - ответил тот. – В Преголе найден неопознанный труп, - следователь сделал паузу, пережёвывая кусок мяса, - и очень похоже, что это – клиент с видеокамеры, – он хлопнул комара на руке. – Тот, что убил масонского архивариуса. Думаю, кто-то замечает следы...

- И кому понадобилось убивать сотрудника архива? Для того, чтобы завладеть каким-то документом? – по журналисткой привычке не унимался Филатов.

- Вполне вероятно, Вадим, - ответил майор, – в архиве хранилось много материалов. Но не только скучная переписка масонов... Нашим экспертам удалось выдвинуть одну интересную версию...

- Надеюсь, она не хранится в секрете?

- От вас я не хочу ничего скрывать. Но эти сведения не для огласки...

- И что же сказали эксперты?

- В нескольких письмах говорится об исследованиях... по заказу масонской ложи. С целью создания психотропного оружия... У нас появилось предположение, что в одном из писем раскрывался технология его получения. Вот это письмо и могли похитить... Другие документы тоже весьма интересны, но в них нет ничего, что помогло бы нам в раскрытии данного преступления...

- А на чём основана эта гипотеза? – спросил Матвей.

- В письмах указывалось, что в адрес ложи выслано подробное описание этого оружия... И принцип его действия... Но среди документов, ничего подобного обнаружено не было...

- Понятно, - протянул Вадим. – А как датировано это... похищенное письмо? То, где описан способ создания психотропного оружия...

- Оно очень свежее... - ответил Иванушкин. - Я предполагаю, началом года.

- Этого? – переспросил Матвей.

- Этого. Да вы не беспокойтесь, друзья. Давайте, наливайте по полной! Выпьем за нашу русскую природу!

- И за нашу встречу! – добавила Наденька, обмахиваясь тоненькой веточкой рябины. – Мы так долго не виделись!

- Умница! – воскликнул Вадим, поднимая рюмку с калининградской водкой «Консул». – Конечно, за встречу на природе! Только я попрошу слова для небольшой вступительной речи!

- Давай, только покороче!

- И не испортить нам аппетит!

- Ну, тогда слушайте, - театрально произнёс Вадим и высоко поднял руку с рюмкой. - Помню, в своё время у нас была очень популярна книжица Венедикта Ерофеева «Москва - Петушки». Прочитав её, наш человек с облегчением понимал, что он не один подвержен пороку пьянства, что вся Россия заливают за воротник... Действительно, выпивают у нас практически все, а как это делать правильно, знают только единицы...

- Хорошая книжка, - ответил Николай. - Главного героя жалко...

- Вот если мне сейчас кто-то скажет, - продолжал Филатов, - что водка «невкусная», «горькая» или «противная», то, значит, собеседник просто не умеет её правильно пить! Это – не русский человек, а какой-то неандерталец! При условии, конечно, что речь идёт не о какой-нибудь «косорыловке», а о качественной продукции в запотевшей бутылочке или графинчике «со слезой»...

- Водка всегда вкусная, - снова ответил Николай, разглядывая содержимое рюмки. - Но, смотря с кем пить...

- Водка - это вам не текила, ром или виски... - кивнув головой, рёк Вадим. - Для иностранца «выпить с друзьями» - это опрокинуть пару-тройку рюмашек за стойкой бара. У нас всё по-другому. Водка – единственный крепкий напиток, который употребляется в процессе трапезы. Для начала на столе должны присутствовать закуски: пряная селёdochка под колечками лука, хрустящие солёные огурчики и грибочки (грузди там, или рыжики), тоненькие ломтики сала с аппетитными мясными прослойками на душистом чёрном хлебе...

- Шашлык тоже ничего, - брякнул Матвей.

- Саму водку следует выпивать, так сказать, «замахивая», но её нельзя «жрать», а нужно непременно «кушать», чувствуя вкус и аромат. Причём, обязательно в подходящей компании и под соответствующие обстоятельствам тосты и душевные разговоры. И вот тогда возникает радостное ощущение бесконечности бытия и желание обнять весь белый свет, накатывают тёплые волны безграничной любви и нежности к близким, накрывает светлая грусть, посещают самые важные мысли или воспоминания. Да много чего ещё...

- Давай уж, закругляйся, - взмолился Иванушкин, засовывая в рот пучок петрушки.

- Лишь только после третьей рюмки приходит пора отведать мяса, птицы или рыбы с гарниром из рассыпчатой варёной картошечки, украшенной укропом и иной зеленью... Короче, это – целая наука, наша отечественная философия, выстраданная веками. Например, у костерка возле лесного озера бесподобно отведать водочки под ароматную наваристую ушицу «с дымком», а на даче – под шашлыки или жаркое, приготовленное на углях... Великолепно пьётся «за встречу» после долгой разлуки, с морозца, после баньки... Всех поводов и не перечислишь. Я много интересного могу рассказать вам о культуре употребления нашей водки. Вот только момент, когда человеку следует остановиться, для меня самого остается загадкой... Как говорится, сто грамм не стоп-кран, дёрнешь – не затормозишь. Но коль вы такие нетерпеливые, я предлагаю тост: за короткий тормозной путь! – неожиданно для всех завершил свою пространную речь оратор.

Они чокнулись и дружно выпили. Володя Мудров пил квас. Он заметил, что хороший квас ничуть не хуже водки...

- А теперь пусть Матвей скажет, - предложил майор. - Он у нас литератор. Скажи что-нибудь про великий и могучий русский язык, дружище! Да так скажи, чтобы мы, не медля ни секунды, тотчас же за него выпили!

Матвей поднялся.

- Русский язык, действительно, невероятно интересный, - начал он. - Только у нас одними и теми же нецензурными выражениями можно и оскорбить, и восхититься, а также выразить все остальные оттенки эмоций. Только в русском языке слово «угу»

является синонимом к словам «спасибо», «пожалуйста», «добрый день», «не за что» и «извините», а слово «давай» в большинстве случаев заменяет «до свидания». Иностранцы обычно дивятся, почему «ничего» может обозначать не только «пустое место», но и «нормально», «хорошо», «отлично», а также «всё в порядке» и «не стоит извинений». Что уж говорить о лексических оборотах, в которых мы сами запросто можем запутаться...

А теперь представьте, братцы, такую картину. Вот на столе стоит бутылка, а рядом лежит нож. Если мы воткнём нож в столешницу, то он будет стоять. Можно подумать, что стоят вертикальные предметы, а лежат горизонтальные? Добавляем на стол тарелку и сковородку. Они вроде бы горизонтальные, но на столе стоят. Теперь положим тарелку в сковородку. Там она лежит, а ведь на столе стояла... Выходит, стоят предметы готовые к использованию? Но нет, нож-то был готов, когда лежал. А вот на стол запрыгнул кот. Он может стоять, сидеть и лежать. Если в плане стояния и лежания котик как-то укладывается в логику «вертикальный-горизонтальный», то сидение - это совершенно новое свойство. Сидит он на попе. Теперь на стол прилетела птичка. Она на столе сидит, но на ногах, а не на попе. Хотя вроде бы должна стоять. Но стоять она не может вовсе. Однако, если мы убьём бедную птаху и сделаем чучело, то оно будет на столе стоять. Может показаться, что сидение — атрибут живого, но сапог на ноге тоже сидит, хотя он не живой и не имеет попы. Так что, попробуй, разберись, что стоит, что лежит, а что сидит. А мы ещё удивляемся, что иноземцы считают наш язык сложным и сравнивают его с китайским...

- Bravo! - сквозь смех проговорил Иванушкин.

И опять посыпались тосты, добрые пожелания, смех. Потом Вадим с Матвеем затагнули песню:

*Прощайте, скалистые горы,  
На подвиг Отчизна зовёт!  
Мы вышли в открытое море,  
В суровый и дальний поход...*

Её тут же подхватили господа полицейские и Наденька:

*А волны и стонут, и плачут,  
И бьются о борт корабля...  
Растаял в далёком тумане Рыбачий,  
Родимая наша земля...*

Потом были и другие песни, а на стол выставили ещё одну бутылку из «стратегического» запаса. Хорошо шла водочка на природе, под отличную закуску, да ещё в такой «задушевной» компании.

Постепенно друзья перешли на более насущные темы. Поговорить было о чём. Затем они снова сходили к морю, искупались. Матвей и Надя лепили для дочурки куличики из влажного песка и любовались бескрайними морскими просторами...



- Да, нам сейчас хорошо и весело, но где-то совсем рядом затаился и обдумывает свои грязные делишки преступный мир, который мешает всем нормальным людям, - заметил Матвей. – Предлагаю выпить, за борцов с криминалом!

- А вот, - после того, как опрокинули рюмки за честных полицейских, произнёс Сергей Васильевич, - то, что в самом деле вызывает тревогу... Только вы не волнуйтесь, маньяков у нас пока, слава богу, не завелось. Но ситуация, скажем прямо, аномальная... По данным калининградских врачей, в городе за последний месяц значительно увеличилось число суицидов, особенно среди молодёжи, есть даже групповые случаи... возросло количество острых психозов у прежде здоровых и благополучных людей и, как следствие – вспышка бытовых преступлений, в том числе убийств...

- Да, народ потихоньку сходит с ума, - проворчал Николай. – Наверное, магнитные бури влияют. А может, иного рода бури...

- Причём, - добавил Иванушкин, сделав паузу, – это не обычное сезонное увеличение, а... необъяснимое массовое... В три-пять раз выше среднестатистического уровня... И, пожалуй, самое страшное – это то, что негативная тенденция нарастает в геометрической прогрессии...

- Да, надо бить тревогу, - подвёл итог Вадим. – Не удивлюсь, если кто-то уже начал испытания психотропного оружия... Стоит об этом снять репортаж...

Домой Хрусталёвы вернулись, когда уже был поздний вечер. Уложили уставшую Лизоньку спать, по очереди приняли душ.

- Хорошо-то как отдохнули! – промолвила Наденька.

- Да, классно, - ответил Матвей. – Главное, что никто не перебрал...

- В компании взрослых и серьёзных мужчин – это исключено! – Наденька ласково погладила по вихрам мужа.

Ночью Хрусталёву приснился сон. Непонятный, тревожный. Будто он стоит в огромной толпе, взволнованной, колышущейся. Было неясно, то ли это очередь, то ли собрание... Некоторые люди молчали, хмуро глядя себе под ноги, другие о чём-то тихо шептались между собой, иные безутешно рыдали. С неба летели чёрные хлопья снега... Было тоскливо и страшно... А потом кто-то отчётливо произнёс: «Всё кончено. Он умер...»

## **Глава 7. «Грустно тебе нести меня?»**

Стремительно темнело, тьма напозала на землю, словно заполняющая рану кровь. Но никто не обращал внимания ни на сумерки, ни на пронизывающий ветер... У Данзаса перехватило дыхание, сердце отчаянно стучало где-то в горле и в висках, руки не слушались... Если бы не причитания извозчика, он бы тоже упал в снег... Секундант Дантеса помогал своему товарищу, впрочем, тот не требовал такого пристального внимания и особого ухода, поскольку кровотечение из руки быстро остановили...

А вот с поэтом дела обстояли совсем худо... С большим трудом его удалось погрузить в сани. А затем Александра Сергеевича, истекавшего кровью, обессиленного и

получившего переохлаждение тела, в течение часа полусидя везли от места дуэли до его квартиры на набережной Мойки. Раненый поэт изредка стонал, иногда вскрикивал. Он испытывал жгучую боль в животе, говорил отрывистыми фразами, его тошнило, а обмороки довольно часто следовали один за другим. Платье его насквозь пропиталось кровью.

Только одна мысль доминировала в голове Данзаса: скорее к врачу! О том, сумеет ли тот помочь, Константин Карлович сейчас не думал... Вдруг он услышал тихий голос поэта:

- Кажется, это серьёзно. Послушай меня: если доктор Арендт найдет мою рану смертельной, ты мне это обязательно скажи. Меня не испугаешь. Мне такая жизнь не мила...

- Полно те, Саша, рано ещё нам прощаться... Ты, главное, держись...

- Только Наталья... - тяжело дыша, произнёс поэт, - ничего пока не говори... Не пугай её...

Уже в полной темноте подъехали к дому. Вызвали камердинера. Старый, поседевший «дядька» Никита Козлов, знавший Александра с юных лет, не сдерживая слёз, взял его на руки.

- Грустно тебе нести меня? — спросил Пушкин, почувствовав, наконец, искреннее к себе сочувствие.

Никита бережно понёс его через переднюю в кабинет, располагавшийся на первом этаже. Александра Сергеевича уложили на диван, расстегнули шюртук и убедились, насколько он плох...

Наталья Николаевна в шесть часов вечера сидела в своей комнате с сестрой Александрой. Был накрыт стол, все ждали главу семейства. Никто не предчувствовал беду... Около семи дверь в комнату распахнулась. Данзас буквально ворвался в помещение:

- Прошу меня извинить, Наталья Николаевна, и вы, Александра Николаевна... Спешу сообщить неприятную весть - ваш супруг Александр Сергеевич нынче дрался на дуэли и... был легко ранен. Это мне поручил передать вам сам Саша...

Жена поэта по выражению лица Данзаса поняла, что случилось нечто страшное и непоправимое.

- Где он?

- У себя в кабинете...

Наталья побледнела и бросилась в коридор.

Увидев супругу, Пушкин начал успокаивать её. Он сказал, что ранен в ногу, но рана не опасна. А также просил не заходить к нему, пока не разденется и не приведёт себя в порядок.

Её впустили только тогда, когда его вымыли и одели в чистое белье. Увидев жену, Пушкин сказал:

- Как я рад, что вновь тебя вижу и могу обнять. Что бы ни случилось, ты ни в чем не виновата и не должна упрекать себя, моя милая!

Данзас, между тем, бросился на поиски хирурга. Это стоило больших усилий, особенно в вечернем Петербурге. Метаясь по улицам города, он совершенно случайно

наткнулся на профессора Шольца, который был акушером. Сбивчиво и эмоционально секундант рассказал доктору о ранении Пушкина. Тот согласился осмотреть Александра Сергеевича и вскоре приехал к нему вместе с хирургом Задлером.

Примерно в семь часов, сразу после первой перевязки, прибыли срочно приглашенные лейб-медик Арендт и домашний доктор семьи Пушкиных Спасский. Но никто из врачей не предложил поэту операцию и не попытался сам взять в руки нож. Ближе к ночи появились врачи Саломон, Буяльский, Андреевский. Однако именно Николай Фёдорович Арендт, как наиболее авторитетный среди них, руководил лечением. К его мнению прислушивались все.

- Скажите мне откровенно, - с надеждой в голосе, обратился к нему Пушкин, - каково мое положение?

- Должен вам сказать, сударь, что ваша рана очень опасна, и на выздоровление ваше я почти не имею надежды, - правдиво ответил тот.

Пушкин кивком головы поблагодарил Арендта, и попросил не сообщать об этом жене. К заявлению врача о безнадежности своего положения он отнесся с невозмутимым спокойствием.

Уезжая после первого посещения раненого Пушкина, Арендт сказал провожавшему его Данзасу:

- Штука скверная, он умрёт.

После отъезда доктора, Пушкин послал за священником, исповедовался и причастился.

- Хоть умру по-христиански, - сказал он слабым голосом.

Поздним вечером Пушкин позвал к себе Данзаса, остался с ним наедине и продиктовал тому все свои неучтённые долги, на которые не было векселей и заёмных писем.

Для Александра Сергеевича настали мучительные часы тяжелейших физических и душевных страданий. Однако, он держался мужественно. Несмотря на сильные боли, поэт старался подавить в себе стоны, не кричать, беспокоился о судьбе Данзаса. Лейб-медика Арендта, перед его уходом, Пушкин просил заступиться за своего секунданта перед царём. Данзасу же сказал:

- Прими в подарок перстень-талисман, друг мой... Тот, что с бирюзой... И, если я умру... не мстите Дантесу...

Тихо тикали часы: «смерть – идёт», «смерть – идёт»... Иногда поэт проваливался в небытие, и было не понятно: сон ли это? Горели свечи. Прислуга не спала. Никто не спал...

Боли постепенно усиливались, живот Пушкина вздулся, и ему казалось, что он превратился в огнедышащий вулкан, который вот-вот взорвётся, и выплеснет наружу огненную лаву расплавленного свинца... Лицо больного покрылось холодным потом... Дежурящие у постели **поэта** врачи отмечали бледность кожи, слабость пульса и его чрезмерную частоту. Наложённая повязка довольно интенсивно промокала кровью, по этой причине её несколько раз меняли. Пушкин постоянно просил пить, и его поили с чайной ложечки холодной лавровишневой водой.

Наступила глубокая ночь, но сон не шёл к Александру Сергеевичу. Он лежал тихо, хотя терпеть боли уже не было сил... В один из таких моментов, испытывая жестокую тоску и потеряв всякую надежду, он проявил слабость и решил свести счёты с жизнью, чтобы не мучиться самому и не беспокоить напрасно других. В три часа ночи Александр Сергеевич тихо позвонил находящегося в кабинете и бодрствовавшего слугу.

- Илья, - тихим, но твёрдым голосом произнёс поэт. - Открой ящик письменного стола... И подай мне пистолет...

- Барин, как же так?.. - пролепетал веснушчатый парень, но не осмелился послушаться. Тем не менее, он тотчас разбудил Данзаса, задремавшего у окна в вольтеровском кресле. Тот подскочил к Александру Сергеевичу и решительно отобрал оружие, которое Пушкин уже успел спрятать под одеяло...

- Не глупи, Саша. Всё ещё образуется. Не бери грех на душу...

Под утро страдания сделались вовсе невыносимыми. Лицо поэта изменилось, взгляд стал пронзительным и каким-то «диким», глаза, казалось, были готовы выскочить из орбит, всё тело покрылось холодным потом, кожа была бледна, «как полотно». Врачи в бессилии разводили руками... Пушкин с трудом сдерживался, чтобы не закричать.

- Долго ли мне так мучиться? Скоро ли конец? – стонал он.

С утра, 28 января в дом на Мойке стали съезжаться взволнованные друзья Пушкина: поэт Жуковский, Тургенев, супруги Вяземские, Виельгорский, Плетнёв.

Александр Сергеевич, между тем, решил попрощаться с близкими. Он попросил к себе жену, детей и свояченицу Александру Николаевну. Наталья Николаевна с воплем горести бросилась к страдающему супругу. На глазах у присутствующих появились слёзы. Полусонных закутанных в одеяла малышей приносили к нему. Александр Сергеевич не мог говорить и прощался только взглядом и жестом руки. Он молча благословлял детей и движением руки отсылал их от себя. Затем пришел черёд попрощаться с друзьями — Жуковским, Тургеневым, Вяземским, Карамзиной, Виельгорским...

За окном зарождался новый день. Был он морозным и бодрым, ветер бил в стёкла, словно тоже спешил проститься с **великим** поэтом.

Жуковский молча наблюдал за раненым другом. Рука его судорожно сжимала носовой платок, который он непрестанно подносил к лицу.

Около полудня по просьбе Арендта привезли капли с опиумом.

- Должно облегчить боли, - сказал лейб-медик и доктор медицины.

Действительно, после них Александру Сергеевичу сразу стало лучше, было заметно, что интенсивность боли значительно уменьшилась. Раненый стал более активным, он повеселел, согрелись его руки. Врачи с удовлетворением отметили, что у поэта отошли газы и произошло самостоятельное свободное мочеиспускание.

Тогда-то у врачей и появилась слабая надежда... Арендт приказал вместо холодных компрессов класть на живот раненого «мягчительные» припарки, а Пушкин сам помогал ухаживающим накладывать и снимать их. Он никого не упрекал, не жаловался, но благодарил окружающих за каждый пустяк.

- Вот и хорошо... вот и прекрасно... — часто приговаривал он, когда ему давали питьё или кусочки льда, поправляли постель или подушку.

Днём 28 января новость о ранении горячо любимого народом поэта знала вся столица. Потоки людей начали стекаться на набережную Мойки, к дому Пушкиных с раннего утра. Передняя и зала в квартире Александра Сергеевича вскоре наполнились близкими и совершенно незнакомыми ему людьми. Все были крайне взволнованы ранением поэта и искренне переживали за него. Несмотря на мороз и пронизывающий ветер, плотная толпа людей загораживала всё пространство на улице перед домом поэта. К крыльцу было невозможно протиснуться. В вестибюле начали вывешивать сочинённые Жуковским записки – «скорбные листы» – о состоянии здоровья больного. Сам Пушкин беспрестанно интересовался, кто из друзей и знакомых пришёл к нему в дом. Но впустить всех в кабинет, где умирал поэт, было невозможно. Приглашали, конечно, самых близких, но и их было слишком много.

- Что Пушкин? Легче ли ему? - постоянно слышались голоса с улицы. – Он поправится? Есть ли надежда?..

Государь, наследник, великая княгиня Елена Павловна постоянно посылали узнавать о здоровье Пушкина.

Какой-то старичок в передней, облачённый в меховую шубу, с удивлением сказал:

- Господи, боже мой! Я помню, как умирал фельдмаршал, но такого не было!

Пушкину стало легче, и весть об этом моментально распространилась по округе.

- Он повеселел!

- Болезнь принимает более благоприятный оборот! Сами доктора перестали отвергать надежду на выздоровление!

Около двух часов пополудни в доме появился потрясенный случившимся доктор Владимир Иванович Даль, который приехал в Санкт-Петербург по делам службы из Оренбурга и только что узнал о ранении Пушкина.

Александр Сергеевич подал Далю руку и откровенно сказал:

- Плохо, брат... Но я борюсь... И в этот тяжёлый для меня час, я очень рад видеть возле себя старых и верных друзей, - тихо говорил он пересохшими и потрескавшимися губами. – Помнишь, как бесконечно тянулся для нас в детстве каждый год? Когда тебе безмерно долго семь лет и никак не исполняется осьми, чтобы начать совсем другую жизнь, с учителями вместо нянь... А чем ближе старость, тем быстрее осыпаются листочки календаря. Моргнул — понедельник, еще моргнул — опять январь... В молодости обычно кажется, что все наши просчеты и ошибки поправимы, ведь жизнь такая длинная... Но приходит момент, когда понимаешь, что она кончилась и ничего исправить уже нельзя... - эта длинная фраза далась ему с невероятным трудом.

К шести часам вечера 28 января у больного появилась лихорадка. Участился пульс, а живот вновь вздуло.

- Пиявки! - принял решение Даль. - Немедленно пошлите за пиявками!

Для борьбы с развивающимся воспалением Даль и Спасский поставили на живот раненому 25 пиявок. Пушкин помогал докторам, как мог, сам ловил рукой и припускал себе пиявки. После их применения жар уменьшился. Кожа покрылась испариной, а пульс стал реже и мягче. Живот заметно «спал». Все вздохнули с облегчением. Появилась ещё одна минута надежды...

- Как состояние раненого? - выкрикнул кто-то из толпы.

- Легче, - тут же послышался ответ. - Даст бог, справится!

А в толпе возле крыльца стояли два ничем не приметных господина.

- Глядишь, так и выкарабкается, - шепнул один другому.

- Надо принимать меры, - тихо ответил тот. - На, держи, - он протянул своему товарищу свёрток. - Тут одеяло. Но оно непростое... Сделай так, чтобы эта вещь оказалась в ногах у Пушкина.

- Как же я к нему попаду?

- Прикинься посланцем его императорского величества... Тебе разве впервой, играть подобные роли? Давай, поживее, иначе барон будет крайне недоволен...

- Хорошо, только я сначала переоденусь... У меня есть форма кавалергарда...

Через полчаса в кабинете Пушкина появился кавалергард от государя, он укрыл ноги поэта небольшим одеялом, заявив, что это - подарок его величества, освящённый самим митрополитом Филаретом (72).

С этого часа самочувствие раненого вновь резко ухудшилось.

Ближе к ночи лицо поэта разительно изменилось, черты его заострились (73). Появился мучительный оскал зубов, губы судорожно подёргивались даже при кратковременном забытье. Дыхание стало частым и отрывистым, а пульс был едва заметен.

У поэта появилось мучительное чувство тоски.

- Скоро ли это кончится? Ах, какая тоска! Сердце изнывает... — жаловался он Владимиру Ивановичу Далю.

Утром 29 января состояние стало критическим, общее изнеможение взяло над больным верх... Консилиум врачей в составе Арндта, Спасского, Андреевского и Даля единогласно сошелся во мнении, что скоро начнется агония и Пушкин проживёт не больше двух часов.

Около двух часов пополудни Александру Сергеевичу захотелось морошки. Он с нетерпением ждал, когда её принесут, и попросил жену покормить его из своих рук. Поэт съел 2—3 ягодки и с наслаждением выпил несколько ложечек сока, подаваемых женой.

- Ах, как это хорошо! - прошептал он ей.

Наталья Николаевна опустилась на колени у изголовья умирающего мужа и припала к нему лицом, а он гладил её ласково по голове и тихо, едва слышно, шептал слова любви и утешения. Безмятежное спокойствие разлилось по его лицу.

Наталья Николаевна вышла из кабинета, вся искрящаяся надеждой, и сказала, обращаясь к окружающим:

- Вот увидите: он будет жив!

А через некоторое время, уже в отсутствие супруги поэта, началась агония. Пушкин потухающим взором обвел шкафы своей библиотеки и, имея в виду своих самых лучших и верных друзей - книги, прошептал:

- Прощайте, прощайте...

Спасский и Даль исполнили последнюю просьбу умирающего, чуть повернув его на бок и слегка приподняв изголовье. Александр Сергеевич вдруг широко открыл глаза, лицо его прояснилось. Последними словами поэта были:

- Жизнь кончена... Тяжело дышать, давит...

Отрывистое частое дыхание сменилось на медленное, тихое, протяжное, и вот уже слабый, едва заметный, последний вздох. Дыхание остановилось.

Без четверти три 29 января 1837 года была зафиксирована смерть великого поэта и гражданина. Закрыл глаза умершему доктор Андреевский.

...А поручик Дантес, счастливо избежавший гибели благодаря надетой под сюртук (по многоголосному утверждению современников) стальной кирасы, после дуэли был арестован, содержался в Петропавловской крепости и по решению военного суда «за вызов на дуэль и убийство на оной камер-юнкера Пушкина» был лишен чинов и разжалован в рядовые. Однако Николай I, как мог, смягчил приговор и выслал Геккерн-младшего из России, что было исполнено 19 марта 1837 года.

Барон Геккерн-Дантес сделал во Франции неплохую карьеру, став в дальнейшем сенатором, мэром Сульца, кавалером ордена Почётного легиона. Он прожил очень долго и умер в возрасте 83 лет. Однако, воспоминания молодости и содеянное убийство всю жизнь не давали ему покоя. Одно лишь упоминание имени Пушкина вызывало на его лице судорогу. Старый зелёный мундир с красным воротником, правый рукав которого был изодран и хранил следы запекшейся крови, **однако все пуговицы были без вмятин и повреждений**, напоминал ему о трагическом происшествии молодости и совершённом жутком злодеянии. «Убийца Пушкина» - так иногда называли во французской печати его, известного в стране человека, сенатора, и эти слова жгли, терзали его душу. Волею судьбы уже в немолодом возрасте на одной из улочек Парижа он случайно встретился с Натальей Николаевной Пушкиной-Ланской, вторично вышедшей замуж. Они сразу узнали друг друга и оба пришли в неопишное замешательство, но быстро овладели собой и проследовали мимо, не проронив ни слова.

Секундантом Дантеса был атташе французского посольства виконт Д'Аршиак. Сразу после дуэли он был срочно отправлен своим послом из России в Париж, якобы с депешей, и таким путем счастливо избежал ареста и суда.

Завели дело и на Александра Сергеевича Пушкина, но в решении военно-судной комиссии сказано: «Преступный поступок камер-юнкера Пушкина, подлежащего равному с Геккерном наказанию... по случаю его смерти предать забвению».

Учитывая заслуги Данзаса, суд ограничился двумя месяцами гауптвахты...

## **Глава 8. Первое задание новоиспечённого масона**

Гроза надвигалась неспешно, но настойчиво. В этой её медлительности чувствовалась сила и неотвратимость. Обрывки тёмных туч вытеснила свинцовая громадина, занявшая полнеба и неумолимо поглощающая остатки небосвода. Ещё немного, и над всем городом нависнет жирная и зловещая тёмно-серая туша, без единого живого просвета. Где-то у горизонта уже сверкали зарницы. Казалось, что даже весёлый гуляка-ветер испуганно юркнул в свой домик и запер все двери на засов. Птицы умолки и обречённо глядели с ветвей деревьев...

- Красота-то какая! – улыбалась Наденька, разглядывая с балкона нависшее над городом грозное небо. – Ох, как сейчас бабахнет и ливанёт!.. «Пусть сильнее грянет буря!»

Но стихия не спешила разразиться вспышками молний и раскатами грома, не торопилась пролить на улицы древнего города потоки тёплого летнего дождя. Она явно чего-то ждала...

В это время Матвей Хрусталёв вышел из дома, нервно сжимая в руках зонт. Его ждало важное дело. Нет, оно не было связано с редакционной работой, новая тема – калининградские мосты, пока находилась в стадии его творческого осмысления. А сейчас он должен был выехать к мотелю «Балтика», где ему назначил встречу важный калининградский масон.

Сегодня его должны принять в ложу.

Оделся Матвей по такому случаю соответствующим образом – летний костюм с галстуком, чёрные туфли, хотел ещё солнцезащитные очки захватить, но солнца в этот день что-то не было. А обычно летом он ходил в футболке, джинсах и кроссовках. Никаких журналистских приспособлений, типа диктофона, он решил с собой не брать.

Гроза терпеливо выдерживала тайм-аут. Самое скверное, если так и не разразится... Бывает, что туча повисит-повисит, да и уйдёт куда-то. Только чувство тяжести и тревоги так и останется на душе, лишив покоя на длительное время...

В автомобиле «Вольво» его ждал мужчина, один из тех, кто беседовал с ним три недели назад – седовласый человек с короткой причёской. Он пригласил Матвея сесть на заднее сидение.

- Прошу вас, наденьте на глаза повязку, – произнёс масон, прежде чем тронуться в путь. – Пока вы не приняты в ложу, вам незачем знать, где она расположена. Вы, конечно, можете попытаться подсмотреть, но я думаю, что не станете этого делать. Тем более, я полагаю, - с лёгкой улыбкой добавил он, - что сегодня вас примут в братство, после чего секретов и запретов для вас станет значительно меньше.

- Если так положено, - ответил Матвей, – то я надену повязку и подглядывать не буду... Хотя, - усмехнулся он, - чертовски хочется...

Журналист честно закрыл глаза чёрным шёлковым платком и весь мир для него погрузился во тьму. Зато значительно обострились слух и обоняние...

Ехали примерно полчаса. Остановились в незнакомом, насколько мог понять Матвей, месте. Остро пахло цветами и свежескошенной травой... Похоже, коттеджный посёлок... Человек, который привёз Хрусталёва, взял его за руку и куда-то повёл... Под ногами шуршал гравий... Скрипнула калитка. По звону цепи журналист догадался, что двор охраняет собака. И, возможно, не одна. Поднялись на крыльцо.

- Итак, вы прибыли в ложу «Под тремя коронами». Представь нам, брат, нашего гостя, - услышал Матвей чей-то незнакомый голос.

- Это - Матвей Хрусталёв, популярный калининградский журналист. Сегодня он будет представлен ложе, и мы примем решение о принятии его в наше братство.

- Хвала Создателю, - послышался ответ. – Я думаю, что наша ложа пополнится достойным членом. Давайте руку, - обратился он к Матвею. – Дальше поведу вас я. Внимательно слушайте моих советов и выполняйте все указания... Ритуал посвящения



в масоны не меняется уже несколько столетий... Вы не передумали? Готовы ли следовать за мной?

- Готов. Ведите меня, мой будущий брат. Я выполню любое ваше требование.

Внутренне Матвей приготовился к малоприятным неожиданностям.

- Тогда пойдёмте. Платок с глаз пока не снимайте...

По шороху одежды Матвей предположил, что его новый проводник одет в какой-то балахон или мантию. Они прошли через вестибюль, Матвей насчитал четыре шага...

- Осторожно, тут ступеньки...

Они начали спускаться вниз... Двадцать две ступени... Проводник, между тем, спокойно объяснял Матвею:

- Ложа, уважаемый Матвей, это место, где братья-масоны собираются для совместной работы над «диким камнем своей души».

- Я слышал об этом, - ответил Матвей. - «Дикий камень» - это грубые, необработанные наросты на каменном изваянии нравственности...

- Совершенно верно, иначе говоря, это – хаос. Нравственный хаос. И его необходимо преобразовать в куб - идеальную «обработанную мораль». Что нам для этого понадобится? Во-первых, чертёжная доска, как символ целенаправленной работы по этому переустройству. Во-вторых, молоток, отсекающий всё лишнее... Его мы называем символом совести. Какие ещё символы вам известны?

- Чаще всего в масонской символике мне встречался циркуль...

- Совершенно верно, циркуль, раскрытый на шестьдесят градусов, - это главный символ высшего разума. Он олицетворяет довольство своим местом под Солнцем, иначе говоря, своей долей в этом мире... Строительный мастерок, как инструмент для сглаживания неровностей кладки – это знак Мастера. Он олицетворяет уважение и строгость к себе, а также понимание и снисходительность к чужим слабостям и ошибкам.

- Ещё я видел череп с костями, - продолжил беседу Матвей. - Не подскажите, что олицетворяет он?

- Охотно, Матвей. Среди масонских символов можно встретить также и ветвь акации. Она означает бессмертие. А гроб, череп и кости – это презрение к смерти... А сейчас я должен оставить вас...

Они вошли в какое-то замкнутое помещение. Это журналист понял, уловив эхо от голоса проводника. Было похоже, что он находится в большом зале...

- Ждите, - объявил проводник и вышел.

Матвей провёл в таинственном зале с завязанными глазами минут десять-пятнадцать. Он даже начал немного нервничать. Но, вот раздался стук в дверь, и чей-то низкий голос велел ему снять повязку. Хрусталёв увидел, что он действительно находится в обширном зале, и стоит на полу, разрисованном чёрно-белыми клетками. «Словно шахматная доска», - подумал журналист. Вероятно, они символизировали чёрные и белые полосы в жизни человека.

На чёрном, блестящем столе горела свеча, вставленная в человеческий череп. Рядом со столом находился большой гроб, стоящий на табуретах, и наполненный костями. «Человеческие?!» - мелькнула тревожная мысль. На столе, на освещённом свечой участке лежала раскрытая Библия, а на ней - циркуль и угольник, очень похоже, что золотые.

Едва Матвей огляделся, дверь открылась, и в зал вошёл человек в кожаном фартуке.

- Я – ритор, - объявил он. – Я обязан объяснить вам сокровенный смысл всего увиденного...

На это ушло ещё минут пятнадцать.

Затем Хрусталёву опять завязали глаза, и повели дальше по коридору, попутно заводя в разные комнаты.

В одной комнате с него сняли пиджак и левую туфлю, велели засучить брючину на левой ноге выше колена. В другой комнате ему пришлось встать обнажённым коленом на ковёр, а правую руку возложить на открытое Евангелие. К груди Матвея поднесли открытый циркуль и потребовали принести клятву.

- Клянусь священным Евангелием хранить молчание о Ложе, даже если мне будет угрожать смерть! – торжественно произнёс журналист.

Потом его снова повели по длинному коридору, громко постукивая молотками по стенам. Звуки гулким эхом отскакивали от сводов. Вскоре они зашли в новое помещение, где сняли повязку с глаз Матвея. Его ослепили ярко вспыхнувшие огни фейерверка. Хрусталёву снова предложили опуститься на колени, и снова к его груди был приставлен открытый циркуль... И опять он клялся...

Наконец, человек, назвавшийся Мастером, облачённый во всё голубое: фартук с тремя нашитыми золотыми розетками, с золотым мастерком на шёлковой ленточке, продетой в петлицу рубашки, и в шляпе с белым пером трижды ударил молотком из белой кости по головке циркуля и произнёс фразу, означающую конец церемонии:

- Во имя Великого Строителя мира, в силу данной мне власти и достоинства моего; по согласию всех присутствующих здесь и по всему земному шару рассеянных братьев, я принимаю вас в свободные каменщики-ученики.

После чего Хрусталёву поднесли чашу, наполненную, по всей видимости, кровью. Возможно, даже человеческой! «А может, это томатный сок?» Но, нет, по вкусу это была настоящая кровь! Матвея едва не вырвало – еле сдержался.

- Спойте же, братья, нашу священную песню, – провозгласил Мастер.

Люди, окружавшие Матвея, взялись за руки и запели:

Нет Ничего Невозможного!

Нет Ничего Невозможного!

Нет Ничего Невозможного!

Так проповедовал Всевышний!

Таково его слово!..

В течение последующих двух часов Матвея просвещали. Ему объяснили, что означают символы на масонских коврах, как читать и понимать тайную символику на картинах, изделиях и письменах. Его научили, как пожимать руку незнакомцу, с целью выявления своего брата-масона.

Наконец, принесли свёрток, развернули его и провозгласили:

- Прими, брат наш, белый кожаный фартук как знак новопосвящённого...

Ему вручили и фартук, и серебряную неполированную лопаточку-мастерок, и белые мужские рукавицы, а также белые женские рукавицы («для вашей дражайшей супруги»).

Когда Матвей вышел из штаб-квартиры ложи «Под тремя коронами», на улице шёл проливной дождь. Один из братьев-масонов любезно предложил подвезти его на Ленинский проспект. Когда выезжали на Московский проспект, Матвей уже представлял местоположение «масонского логова».

- Следующее наше собрание состоится через месяц, - пояснил ему новоявленный брат. – Но, Мастер может вызвать вас и раньше, если у него появится для вас поручение. Старайтесь братья за любые дела и выполнять их быстро и качественно, - добавил он. – Тогда вы недолго продержитесь в Учениках, а перейдёте на степень выше, в Подмастерья. А там уж – путь в Мастера!

Во рту Хрусталёва до сих пор ощущался солоноватый привкус человеческой крови. Стараясь его хоть чем-то перебить, Матвей попросил высадить его на Московском проспекте возле торгового комплекса. Он зашёл в ближайшее кафе и заказал двести граммов коньяку. В течение трёх минут журналист полоскал себе рот и глотку. Наконец, покончив с этим, он почувствовал облегчение. «Ну что ж, дружище... Поздравляю тебя. Теперь ты – масон!»

До дома он добирался под ливнем, впрочем, не таким уж сильным, пешком. «А дальше что?» - задал он себе вопрос. И тут же ответил: «Работать в ложе. Выполнять задания Мастера. Стремиться ввысь...»

Но этого казалось мало. Надо было заводить знакомства в ложе, больше общаться с «братьями» и выведывать разные секреты. Сможет ли он, абсолютно новый в ложе человек, добраться до тех знаний, которые вызывают у него определённый интерес?.. Сможет.

- О, боже! Ты весь вымок! И надо было тебе тащиться куда-то в такой ливень?
- Дела, мать, дела...
- Снимай всё с себя, лезь в душ!..
- Айн момент, дорогая...
- Опять коньячком баловался? Что, Вадима встретил? Ну, я ему задам!
- Причём здесь Вадим? Не видел я его...
- А с какой радости коньяк пил?
- Промок... Продрог... Чтобы не заболеть... Больше не повторится, любимая!

Вечером следующего дня Матвей ни минутку забежал в кафе – чертовски хотелось чего-то холодненького после рабочего дня. Сегодня он долго торчал в редакции: обсуждался новый план работ. В основном, полемика возникла по вопросам включения в газету рекламы. Не секрет, что она даёт изданию хорошие деньги, но людям её избыток не всегда нравится. Необходимо было найти «золотую середину», чтобы и реклама присутствовала, и читателя она не отпугивала...

В кафе, словно по чьему-то заказу, звучала набившая уже оскомину песня про «праздник в преисподней».

Матвей заказал себе квас, присел за столик и стал писать СМСку жене, сообщая ей, что он закончил работать, и находится в пути домой...

И тут началось! В кафе влетели четверо молодчиков с озверевшими лицами, тут же три столика взмыли вверх от ударов ног, зазвенела посуда... Один из бандитов выхватил нож и подскочил к бармену.

- Деньги на стол! Живо, мешок с дерьмом!

Посетители, а их было не меньше десятка, притихли. Кто знает, что на уме у налётчиков, если в руках бейсбольные биты?

- Деньги и драгоценности давай! – начали обирать посетителей остальные.

Кто-то из отдыхавших оказался не робкого десятка, и попытался отбиться от негодяев. Началась потасовка. Матвей не смог себя сдержать и бросился в самую её гущу. Навыки морпеха, отличная физическая подготовка, а он дома даже грыз семечки, подвязывая к запястью пудовую гирию, дали о себе знать – через несколько секунд трое из нападавших уже валялись на полу...

Когда подъехала полиция, они не стали разбираться, кто прав – кто виноват. Всех положили лицом вниз, затем погрузили в машину и виновных, и защищавшихся.

- В отделении разберёмся, - сказал опер в форме капитана. – Тут ещё превышение необходимой самообороны – у одного из нападавших серьёзный перелом челюсти и черепно-мозговая травма, опасная для жизни... Возможно, придётся заводить уголовное дело...

Когда прибыли в отделение, и задержанных стали заводить из машины внутрь помещения, а точнее в «обезьянник», Матвей вышел деловито, отряхнулся и громко произнёс:

- Здравствуйте, ребята! Как служба? – и полез здороваться со стоящими у подъезда полицейскими. Здравовался он по-масонски, так, как его научили вчера. К его удивлению, все служители правопорядка ответили на приветствие, пожав ему руку.

- Здравствуй-здравствуй, что-то ты больно весел...

- Привет, братишка, тебя-то каким ветром сюда занесло?

- Э, дружок, - окликнул его сержант. – Тебе тоже в камеру. Это же ты отправил в глубокий нокаут молодого человека...

- Так уж получилось, – развёл руками Матвей. – Извините, господа, - повернулся он к стоящим полицейским, - похоже, что я арестован...

И ещё один факт чрезвычайно удивил Матвея – стоящий с краю лейтенант ответил на его приветствие масонским рукопожатием!

Задержанных поместили в «обезьянник». Один из молодчиков попытался «качать права», и немедленно схлопотал дубинкой по почкам. Парень, оказавший сопротивление бандитам в кафе, тоже был здесь. Он морщился от боли и постоянно потирал руку. Возможно, она была сломана ударом биты. На некоторых наиболее буйных надели наручники...

- Начальник, угости сигаретой!

- Водички дайте, уроды!..

Прошло минут десять... Теснота и духота в камере дали о себе знать. На лбу выступила испарина...

- Хрусталёв! – вдруг раздался голос. – На выход!

Открылась дверь, Матвей вышел наружу. К нему подошёл тот самый лейтенант, что пожал ему руку по-масонски.

- На, - протянул он документы Хрусталёву. – Ты свободен. Или домой и ни о чём не беспокойся, брат...

На указательном пальце полицейского сверкнул перстень с черепом и костями.

- Спасибо, брат, - у журналиста что-то кольнуло внутри. – Там, среди задержанных – парень, он ни в чём не виноват... Защищался. Похоже, у него сломана рука... Прояви милосердие.

- Хорошо, брат!

Через полчаса Матвей был уже дома.

Впечатление от происшедшего было значительным. Во-первых, наглядно подтвердилась информация Иванушкина о том, что народ «сходит с ума». Хулиганы и раньше досаждали жителям города, но вот так, среди бела дня атаковать кафе вместе с посетителями! Такое не могло присниться даже в кошмарном сне! И во-вторых... Масоны живут в городе, работают даже в полиции... И помогают друг другу, свято блюдя масонский Устав! Это говорит о многом...

- Что-то случилось? – Наденька почувствовала неладное в поведении мужа. – Садись ужинать...

- Нет, всё в порядке... А почему ты спросила, любимая?

- Какой-то ты не такой сегодня... Произошло что-нибудь?

- Да нет же, нет. Успокойся. Как наша малютка? Хорошо себя ведёт?

- Растёт помаленьку, всем интересуется. Пытается что-то мне рассказать...

Разговор о ребёнке отнёс в сторону все сомнения и подозрения.

На другой день, собираясь в редакцию, Матвей услышал призывный звук телефона. Ещё не было семи. Кто бы это мог звонить?

- Здравствуйте, Матвей, – услышал он чужой голос.

- Здравствуйте, - ответил журналист. – Чем могу служить?

- Это тебя беспокоят из ложи, брат... Мастер хотел бы с тобой увидеться и поговорить...

«Вот оно, первое испытание!» - подумал Хрусталёв.

- Я к вашим услугам... Где и когда? Или мне подъехать к вам?

- Нет, завтра он будет ждать тебя в сквере возле областной Администрации в шесть часов утра. Не опаздывай, брат...

Мастером оказался грузный, абсолютно лысый человек с резной тростью в руке. Он носил тёмные солнцезащитные очки и курил дорогую сигару. В это раннее утро он был единственным прогуливающимся по скверу.

- Здравствуй, брат! – поприветствовал он Матвея, едва тот вошёл в тень каштанов. – Ничего, что в такую рань? Я предпочитаю начинать работу с восходом солнца...

Они по-масонски пожали друг другу руки.

- Я тоже люблю раннее утро, - ответил Матвей.

- Тогда перейдём сразу к делу. – Мастер взял журналиста под локоть и повёл его по узенькой дорожке меж кустов с шиповником. – Ты мне нужен как искусный журналист, любящий острые, злободневные темы...

- Требуется заказная статья?

- Ты угадал, брат. Сегодня же ты получишь задание от редактора...

- Интересно, на какую тему?

- Как обычно, Кёнигсберг и Калининград, – улыбнулся Мастер. – Только раньше ты соединял эти два понятия, лепил из них единое, двуликое целое, а теперь должен... как бы противопоставить одно другому... Немецкий Кёнигсберг и русский Калининград... Что лучше? Что красивее? Что безопаснее и удобнее для проживания?..

Матвей задумался.

- Но зачем?

- Так надо... Население должно задуматься. Раз уж город возродился, восстал из руин, и в нём отреставрировано множество зданий, в том числе его сердце - Кафедральный собор, значит, древний Кёнигсберг, хоть и страшно пострадал во время войны, да и после – тоже, но он жив, не правда ли?

- Разумеется...

- Многим жителям, оказывается, более мил именно старый немецкий город, а не современный русский... Поэтому у нас и возрождаются прежние названия – Альтштадт, Кнайпхоф, Закхайм, Юдиттен... пусть пока только на вывесках в кафе, но всё-таки... Вот и обыграй эту тему...

- А на чём сделать основной акцент?

- На безопасности... Пусть население подумает, возможны ли были в Кёнигсберге... в мирное время... техногенные катаклизмы и энергетический апокалипсис?

- А у нас это разве возможно? – Матвею показалось, что Мастер что-то скрывает.

- Кто знает, брат, кто знает... Так я могу рассчитывать на твоё... лёгкое перо?

- Разумеется. Но согласится ли ответственный секретарь?

- Он сам тебе сегодня даст такое задание.

- Так Евсеев – наш брат? – удивился Матвей.

- Нет. Он – нет... Но там, - Мастер с мягкой улыбкой ткнул пальцем вверх, в кроны деревьев, - там есть наши братья...

## **Глава 9. Город сошёл с ума**

Ах, эта редакционная суматоха! Работает кондиционер, нагнетая прохладный воздух, слегка шелестят компьютеры, иногда принтер выдаёт лист-другой с напечатанным текстом, тихие разговоры, сигаретный дым из коридора...

В окна светит солнце, за ними золотится цветущая липа. Пчёлы, вьющиеся вокруг её душистых цветов, то и дело подлетают к окну, и, не будь форточки закрыты, уже всю гудели бы в помещении.

Вот Света Кузнецова просматривает свои заметки, внося последние правки в текст... Внешне она выглядит нежной и хрупкой, белой и пушистой, как котёнок, но не

обманитесь! Любого политика или магната она способна с милой улыбкой на лице поставить на место... Вот Сергей Соловьёв собирается в дорогу, упаковывает в сумку кинокамеру, диктофон, проверяет документы... Этот худощавый парень готов добиваться успеха любой ценой: хоть силой, хоть упорством, хоть хитростью. Его практически невозможно сломить или уничтожить. Он иногда может притвориться «мёртвым», но никогда не «умрёт»... В рекламном отделе опять суета, раздражённые разговоры по телефону... А там, в другом конце зала, сидит Наденька. Последнее время она выполняет свою работу дома, лишь изредка, на полчаса-час, наведываясь в редакцию...

- Зайди, Матвей, – ответственный секретарь «Башни Врангеля», Анатолий Иванович Евсеев пригласил корреспондента в свой кабинет. В эдакую жару он повязал на свою потную багровую шею галстук, и теперь выглядел как сорвавшийся с реи висельник...

- Что угодно, шеф? Материал по мостам ещё не готов. И скоро не ждите... Предстоит много поездок...

- Успокойся, Матвей, это не к спеху... Тут нам наши спонсоры и благодетели из министерства культуры подбросили новую тему...

- По профилю нашей газеты?

- По профилю. Только, с несколько неожиданным уклоном...

- Интересно, с каким же?

- А вот, представь себе... - ответственный секретарь снял очки и устремил взгляд ввысь, в потолок. – Если однажды Калининград вновь станет Кёнигсбергом... Немецким. Хорошо это будет или плохо?

- Что-то я не пойму... Зачем это? Ерунда какая-то...

- Тут ничего не надо понимать. Это - такая фантазия. Как бы в таком случае изменился Калининград? Стал бы он лучше или хуже?

Матвей задумался.

- Мы можем сами сделать свой город лучше. Без немецкого содействия... И красивее, и удобнее, и... величественнее...

- Ты так думаешь? Вот и напиши об этом...

- Но зачем? Вы так и не ответили на мой вопрос!

- Это пожелание из очень высоких кабинетов. Просьба тех людей, кому небезразлична судьба издания, которые не раз оказывали нам помощь и намерены оказывать её впредь... А что тебя смущает? Пусть и читатели поразмышляют вместе с нами... Только напиши ненавязчиво... Словно, человек задумался, размечтался... Ты понимаешь меня?... Что молчишь?

- Так, пытаюсь осмыслить ситуацию. Пожалуй, я назову эту статью – «Размышления коренного калининградца»... Как вы находите?

- А что? Неплохо... Ну, давай, думай, пиши... Надеемся на тебя!

- В какие сроки следует уложиться?

- Чем раньше, тем лучше. Завтра сможешь?

- Да я...

- Ну, тогда – послезавтра! – хлопнул ладонью по столу Евсеев.

«Макушка лета» в Янтарном крае выдалась очень похожей на июль в Крыму. Купальный сезон был в самом разгаре. Перегруженные электрички и автобусы едва справлялись с потоками пассажиров, желающих добраться до тёплого моря. Автомобильные дороги пестрели множеством машин, спешащих в том же направлении. Используя довольно свободный рабочий график, Матвею удалось пару раз свозить свою семью на песчаный берег ласкового Балтийского моря. Кроме того, год обещал быть урожайным. Загорелые и довольные дачники возвращались домой с вёдрами, полными сладких ягод и разнообразных овощей.

Работу над статьёй «Размышления коренного калининградца» Хрусталёв завершил, но перед тем, как показать её Тонику Диванычу, получил сообщение из логи: «Просим прислать материал в лог для нашего ознакомления перед сдачей в редакцию». Матвей так и поступил. Вскоре статья вернулась с небольшой поправкой. Мастер хорошо отозвался о работе Хрусталёва, но предписывал сделать небольшое добавление в один из абзацев: «Калининград сильно зависит от ряда факторов, способных потрясти спокойную жизнь горожан. Вспомните блэкаут августа 2013 года, который мог бы неоднократно повториться, поскольку причины его возникновения не были устранены. Но сбои в электроснабжении – далеко на самое худшее, что может ожидать беспечного калининградца. Одно потрясение обязательно вызовет за собой другое, с ещё более ужасными последствиями...» Далее шло перечисление техногенных и природных катаклизмов и утверждение, что подобные беды никогда не могли бы случиться в немецком городе (и при германском правительстве). «Что это, запугивание или страшное пророчество? - подумал Матвей, вчитываясь в строки. – И как на это отреагируют наши читатели? Не слишком ли мы перегнём палку?»

Ему очень не хотелось делать сомнительную вставку, он считал, что этим, скорее всего, обманет читателя, а не предупредит его о возможном бедствии. Получается, что Калининград более уязвим, чем Кёнигсберг? И именно потому, что он российский, а не немецкий? Но после подобного заявления должен быть представлен всесторонний анализ множества узких специалистов, а не... Ах, да... это же всего-навсего размышления... ни к чему не обязывающие, но ужасно интересные.

Ладно, он внесёт изменения в текст. Дальше пусть решает ответственный секретарь. А вообще, статейка получилась на удивление симпатичной. Наденька его тоже просмотрела и никакой критики не высказала. Лишь в одном месте носик сморщила.

На днях звонил Вадим. Он выпросил себе отпуск и собирался отдохнуть в пансионате в Светлогорске.

- Ты жениться не надумал? – спросил его Матвей.

- Да всё некогда, - шутливо отмахнулся тот. – Только и мыслей – о каком-нибудь сенсационном сюжете... А помечтать о более высоком не хватает времени. В Светлогорске тоже множество исторических мест, здесь когда-то отдыхало всё высшее командование Рейха... Поэтому у меня в планах – раскрыть какую-нибудь историческую тайну... А ты – жениться... Да, кстати, с праздником тебя! Сегодня же, если не ошибаюсь, День ВМФ?

- Спасибо, Вадим. Да, сегодня гуляем...

- А ты когда планируешь пойти в отпуск?



- Наверное, в сентябре...

К моменту выхода статьи «Размышления коренного калининградца» не заметить изменений в прежде размеренной повседневной жизни города было уже невозможно. Сводки новостей пестрили случаями жестоких разборок между автолюбителями на перекрёстках, хулиганскими выходками байкеров и рокеров, ссорами в магазинах и драками на рынках, актами вандализма на местных кладбищах... Нетерпимость и необъяснимая агрессивность внезапно охватила калининградцев, но причина этого странного явления не «плавала на поверхности», её надо было найти, однако никто не искал. А в народе говорили: «жара виновата»...

Горожане встретили статью популярного журналиста по-разному. Как обычно, кто-то восхищался, кто-то ругал. Но равнодушным она не оставила никого. Казалось, в пчелиный улей было брошен увесистый камень. Письма, в основном, возмущённые, не заставили себя ждать. «Уж не хотите ли вы отдать Калининград немцам?» - задавали вопрос одни. «По-вашему, лучшее, что сделали наши строители и архитекторы в Калининграде, так это - отреставрировали немецкое старьё?» - не находили себе места от возмущения другие. «Вы правы. Калининград – это, прежде всего, Кёнигсберг. И всё лучшее, что есть в русском городе – это - немецкое наследие!» - безапелляционно заявляли третьи...

И вот наступил август - самый загадочный, мудрый и щедрый месяц лета...

*Здравствуй, август величавый,  
Здравствуй, барин-господин...  
А в твоих волосьях-травах  
Уж прибавилось седин!  
В бороде твоей сверкают  
Злато зёрен, жемчуг рос,  
Солнышко лицо ласкает,  
Подрумянивая нос...*

Стихи калининградского поэта вновь пришли Матвеем в голову, едва он вышел на улицу. Да, лето перешагнуло за невидимую черту... Вроде, ничего не произошло, а всё-таки... Август...

По дороге домой с Хрусталёвым случилось неприятное происшествие. На Ленинском проспекте возле памятника «Родина-мать» он стал свидетелем аварии. Сначала журналист услышал визг тормозов, громкий удар и звон бьющегося стекла, в след за этим раздались испуганные крики людей... Повернувшись на эти страшные звуки, он увидел, что на оживлённом перекрестке легковушка «въехала» в микроавтобус. Светофоры на таком опасном участке отчего-то были выключены. Несколько мгновений Матвей, как зачарованный, смотрел на помятые автомобили. Вот из покорёженной иномарки вывалился первый раненый. Парень, всё лицо которого было в крови, стоял на коленях и громко матерясь, прижимал ко лбу грязную окровавленную тряпку. Рядом, под его ногами, растекалась лужица вонючих масс. Тут же суетился другой молодой человек,

беспорядочно размахивая руками и пытаясь что-то сказать или чем-то помочь первому. Таких смачных и заковыристых ругательств Матвей прежде никогда не слышал. Зачарованный трёхэтажными оборотами речи он даже оступился, сходя с бордюра на проезжую часть, и чуть не упал... К счастью, кто-то из пассажиров микроавтобуса, представившись врачом, тотчас стал накладывать пострадавшему повязку. Он осторожно убрал его руку с тряпкой со лба, и Матвей увидел неровную кровоточащую рану длиной около десяти сантиметров... Ни сотрудников ГИБДД, ни машин «скорой помощи» Хрусталёв не дождался и пошел дальше...

Матвей перешёл дорогу, тоже отпустив по поводу случившегося инцидента пару-тройку «специфических» выражений великого русского языка. Но дома его ждали очередные неприятности.

- Матвей, - кинулась к нему обычно спокойная Наденька. – Беда!

- Что случилось, родная?

- В доме нет воды и света! Дозвониться в управляющую компанию невозможно! У Лизы высокая температура! Хотела вызвать «скорую», - линия перегружена! Это какой-то кошмар!

- Успокойся, дорогая! Перебои всегда случаются. Потом всё быстро налаживается...

- Прибегали соседи. У всех – одна и та же проблема. Весь дом обесточен... Сидим без газа, воды и электричества...

- Соседи? У нас на втором этаже живёт женщина-педиатр! Надо к ней обратиться! – нашёл выход Матвей.

- Да, без света мы проживём, а вот Лизоньку надо лечить!

- Я сейчас, – крикнул Матвей и выбежал в коридор.

Ему повезло. Нина Павловна, врач-педиатр, не отказала в помощи, поднялась, осмотрела малышку, выписала лекарства. Хрусталёв помчался в аптеку, а заодно – в хозяйственный прикупить свечей. Но магазины не работали. Дежурная аптека, правда, отпускала медикаменты, но, как выразилась провизор: «на свой страх и риск...», потому что кассовые аппараты были выключены. Только молодому отцу эти трудности были нипочём, главное – купить лекарства. А свечи он приобрёл в церковной лавке, где кассовых аппаратов отродясь не было.

Город был взбудоражен. Оказалось, что невозможно связаться не только со «скорой помощью», но с полицией и пожарными, не говоря уже о коммунальщиках. Мобильная связь, правда, ещё кое-где действовала – базовые станции снабжались источниками аварийного питания. В окнах домов света не было, хотя уже надвигались сумерки. Троллейбусы, трамваи и электрички встали. И так – по всему городу, по всей области. По улицам шли испуганные и раздражённые люди, повсюду слышались их голоса – встревоженные, вопрошающие и возмущённые. А из проезжающих автомобилей лилась музыка – песня «Праздник в преисподней», как зловещий гимн всему этому безобразию...

Наконец, наступила ночь. Елизавета, приняв необходимое лекарство, спокойно заснула. А для молодых супругов настала беспокойная пора. За окнами то и дело слышались крики и визг, возгласы о помощи, угрозы, вой автомобильных сигнализаций...

Казалось, город обезумел. Допустим, перебои с электричеством, с газом и прочими услугами населению – всё это случалось и ранее... Но теперь население отказывалось воспринимать такие события, как временные трудности, которые легко преодолимы. Народ словно «с цепи сорвался»... Люди словно долго чего-то ждали и вот, наконец, получив сигнал, бросились во «все тяжкие»... Стоя у окна, Матвей видел, как вдоль Ленинского проспекта бегут люди... Куда они спешат и зачем – никому не известно. Вот запылала машина, припаркованная у обочины. Вот мотоциклист, выехав на тротуар, врезался в группу пешеходов... Бесконечные крики, жалобы, проклятия, угрозы...

Всю эту беспокойную ночь Матвей ждал, что всё изменится. Вот-вот загорятся уличные фонари и лампочки в квартирах, засветится экран телевизора... Стихнет шум за окнами и всё постепенно наладится...

Внизу раздался звон бьющегося стекла. «Похоже, витрина магазина на первом этаже», - мелькнула мысль у Матвея.

- Что там? – встрепелась Наденька.

- Думаю, грабят магазин, - медленно произнёс муж, - вслушиваясь в доносящиеся с улицы звуки.

- Боже, - простонала жена, - что вообще происходит? И когда всё это закончится?..

- Не знаю...

- Вот ты недавно написал про апокалипсис в городе... Неужели это он и есть?

- Да нет, что ты... То были просто мои выдумки... А это – так, обычные беспорядки, – успокоил он супругу. - Во Франции сейчас уже горели бы тысячи машин...

- Беспорядки... - сокрушённо ответила Наденька. – Но причины?.. Чем они вызваны?

С улицы послышалась стрельба.

- Матвей, - прошептала Наденька, прижимаясь к мужу. – Завтра на работу не ходи...

- Не пойду, милая. Созвонюсь, разведу обстановку и мы решим, что делать дальше...

- Отчего-то мне кажется, что это надолго...

- Не бойся, родная, это скоро закончится... Правительство обязательно примет меры...

С улицы вновь послышалась стрельба... Было похоже, что начали грабить следующий магазин. От этого на душе сделалась ещё тревожней.

- Как там Лиза? – спросил Матвей.

- Жар спал, - тихо ответила Наденька. – Даст бог, поправится...

- Помогите!!! Убивают!!! – закричали под их окнами.

Матвей резко выпрямился.

- Даже не думай, – шепнула мужу Наденька, крепко обнимая его. – Что там творится, сам чёрт не разберёт. Убьют и фамилии не спросят...

- Чёрт-те-что, - нервно пробормотал Матвей. – Куда смотрит полиция? Организовали бы патрули, пригласили добровольцев...

- Так они сами и беспредельничают, – ответила Наденька. – Или ты думаешь, что все полицейские – типа Иванушкина, Коли и Володи?

- А я всё думаю, что вот, кончится ночь, наступит утро... И всё будет как прежде... Грохнул взрыв такой силы, что стены дома дрогнули, а стёкла едва не вылетели из рам.

- Боже мой, - заплакала Наденька. – Что это, война?

- Не бойся, – Матвей обнял жену. – Просто... народ сошёл с ума.

- Но он образумится?

- Хочется в это верить...

Наступившее утро надежд не оправдало. Когда начало светать, Наденька забылась во сне, Матвей тоже немного вздремнул. Когда же проснулся, то увидел, что солнышко уже поднялось достаточно высоко. Он тут же подошёл к окну... То, что открылось взору, привело его в ужас... На тротуарах, да и на проезжей части, среди битого стекла, раскуроченных кассовых аппаратов, обломков какой-то мебели и обрывков материи лежали тела людей. Журналист был уверен, что это не пьяницы, отдыхающие с «бодуна», а трупы. Изредка проезжали машины. Было похоже, что люди начали покидать город...

В раскрытую форточку врывался запах гари.

Вот над одним из лежащих тел склонился мужчина в белой футболке и синем трико. Он деловито снял с трупа часы, обшарил карманы... Перешёл к другому телу. Но тут из подворотни появились его конкуренты. Завязалась драка. Дрались жестоко и со знанием дела. Мародёра долго «месили» ногами, пока он не затих. Затем обшарили и его карманы.

«Люди-люди, - подумал Матвей. – В кого вы превратились всего за одну ночь?..»

Было около восьми часов утра.

- Я схожу в магазин.... Заодно и посмотрю, что там творится... - сказал он проснувшейся супруге.

- Не ходи, Матвей. Боюсь, в округе уже всё разграблено. Ты же слышал, что творилось ночью?

- Надюша, Лизоньке нужно молоко, детское питание... Да и нам необходимо хоть что-то перекусить. Я постараюсь раздобыть еду. Я быстро!

Заперев дверь, он пробежал по ступенькам полутёмного подъезда и оказался на улице. Сразу бросилось в глаза – улица пустынна. Обычно в это время жизнь уже кипит – люди спешат на работу. Тем более, сегодня – вторник. Но город словно вымер. Мародёры и грабители легли спать, а простые горожане опасались выходить на улицу. Опасались – и правильно делали.

На детской площадке, возле песочницы сидел странный мужичок в грязной телогрейке и целился в Матвея из пистолета.

- Эй, дядя! Опустит ствол! – крикнул ему журналист.

- Парень, ты сколько раз умирал? – спросил тот, уставившись на Хрусталёва безумными остекленевшими глазами. - Хочешь отправиться со мной на праздник в преисподнюю?

- Нет, дядя, сам туда вали...

- Х-хорошо, - кивнул головой ненормальный. Затем приставил ствол к своему виску и нажал на спуск. Грохнул выстрел. Красные брызги обляпали детскую песочницу.

Матвей тут же выхватил телефон.

- Что случилось? – Наденька была крайне обеспокоена. – Я слышала выстрел...  
- Всё нормально, – ответил Матвей. – Тут один клиент психушки застрелился. Я сейчас сбегая в парочку магазинов и тут же – назад...

- Не ходил бы ты... - Наденька еле сдерживала рыдания.

Как и предполагали Наденька с Матвеем, все магазины в округе были разграблены. Стёкла выбиты, двери взломаны. Но они отнюдь не пустовали. Внутри каждого находилось по двое полицейских. Они охраняли полупустые магазины от дальнейшего грабежа.

«Бог ты мой, - дивился Матвей. – Кто бы мог подумать?..»

Он было сунулся в один, продуктовый. Навстречу ему выглянул ствол автомата.

- Назад, - скомандовал сержант полиции. – Объект охраняется.

- Брат, мне бы детского питания или молока, дочка голодная... - попытался объяснить Матвей. – У меня деньги, я заплачу!

- Тамбовский волк тебе брат, – ответил автоматчик. – Сказано – нельзя, значит нельзя! Вали отсюда, пока не пристрелили!

- Быстро же вы превратились в волков, – заметил Матвей, отходя от магазина. – А может, и вовсе не были людьми...

В другом магазине ему повезло больше.

- У меня самого маленький ребёнок, – заметил охранник из полиции. – Заходи, бери всё, что нужно, только не наглей, – он осмотрелся. – Надеюсь, за ночь ничего не испортилось, и молоко не успело прокиснуть... Денег не надо...

Матвей собрал в пакет с прилавков то, что ему требовалось для Светочки, плюс каких-то консервов и кружок колбасы, сунул пару бутылок минералки и буханку хлеба. Над прилавками кружили жирные мухи, поскольку некоторые мясные изделия уже начали издавать неприятный запах.

- Спасибо, брат.

- Дай бог нам всем справиться с этой напастью, – послышалось в ответ.

«Это точно», - подумал журналист, шагая домой. Он заметил, что трупов на улицах гораздо больше, чем он ожидал увидеть. Не один-два, а не менее десятка. Но их никто не убирал. Скоро на жаре они станут разлагаться, вот тогда начнётся весёлая жизнь... Впрочем, должно же, наконец, всё наладиться! Не может это продолжаться бесконечно!

- Ты пришёл! Живой! – Наденька бросилась мужу на шею.

- Да, вот, принёс... Только ничего нельзя сохранить без холодильника... Много не брал, всё равно, пропадёт...

- Как там, на улице?

- Страшно, Наденька. Люди озверели. По-моему, это какой-то массовый психоз... Пока не разрядился мобильник, надо созвониться с нашими друзьями, - Матвей потянулся за телефоном. – Узнать, как дела в редакции... Может кто-то мне скажет, что же все-таки случилось? Теперь нам всем надо думать, как спастись, как выживать...

Но телефон зазвонил сам.

- Здравствуй, брат, - Матвей узнал голос Мастера. – На послезавтра, в связи с экстренной ситуацией объявлено собрание ложи. За тобой подъедет наш брат. Мы в силах исправить положение в городе и оказать помощь страждущим. А тебя, брат, я хочу

поздравить. На собрании принято решение возвести тебя в очередную степень – Подмастерье.

- За какие такие заслуги? – еле выдавил из себя Матвей.

- За исключительно полезную работу в Братстве, – ответил масон.

## Глава 10. На улицах умирающего города

Несмотря на бурные протесты Наденьки, Матвей, вооружившись своим журналистским оборудованием, включающем фотоаппарат и диктофон, отправился собирать материал для «злободневного репортажа». «Это моя работа, - объяснял он жене, трепещущей от страха, - пойми, я должен запечатлеть сегодняшнее состояние города, показать, в кого превратились обычные жители... Возможно, отыщу что-нибудь ценное...» «Тебя всё на подвиги тянет, а о нас ты подумал? – всхлипывала в ответ Наденька. – Не дай бог, с тобой что-нибудь произойдёт, как нам тогда быть?» «Ничего со мной не случится, - отвечал журналист. – Я только туда, и сразу обратно!» «Куда «туда», куда «обратно»? Тебе даже из подъезда не дадут выйти!»

Всё-таки, удержать отчаянного супруга Наденька не смогла. «Я скоро...» - только и услышала она из-за двери.

Шёл пятый час пополудни. Во дворе по-прежнему было пустынно. Труп застрелившегося утром психопата продолжал лежать в песочнице, по нему уже деловито расхаживали вороны. Посиневшая рука торчала из-за цветастого бордюра, словно ветка засохшего дерева. Матвей достал фотоаппарат и огляделся. Напуганные жители боязливо выглядывали из окон, кое-кто вышел на балкон.

Впрочем, справа мелькнула тень. Кто-то, кроме него, тоже вышел из дому попытать счастья на улице. Вот только с добрыми или злыми намерениями, - непонятно.

У выхода со двора ему бросилась в глаза машина – новенькая иномарка. Утром она выглядела абсолютно целой, а сейчас была буквально выпотрошена и превратилась в «еврохлам»: выломан капот и двери, разбиты стёкла и фары, вытащен аккумулятор, вывернуты лампы. Покрышки колёс были чем-то изрезаны. Вместо аудиосистемы висели обрывки проводов. В салоне тоже кто-то изрядно потрудились: бардачок пустовал, а с кресел были сняты даже чехлы. Возле правого колеса иномарки подсыхала лужица крови. Было похоже, что тут разыгралась настоящая трагедия...

Вот ещё двое помятых мужчин с несвежими лицами направились в сторону Ленинского проспекта. Торопливо и настороженно.

Матвей продолжил осмотр по дворам. Он прошёл к следующему дому, такой же пятиэтажке, как и его, затем свернул влево. И тут услышал истошный крик.

Кричала маленькая девочка, и он рванулся на зов о помощи.

- Спасите! Помогите! Мама!

В её голосе явно слышался ужас. «Где?..» - Матвей огляделся. Двор был пуст. Наконец, он сообразил, что крик доносится из окна дома, на первом этаже. Вот оглушительно хлопнула оконная рама. Журналист метнулся туда. Вот и раскрытое окно. Изнутри помещения доносится шум и приглушенные стоны. Похоже, ребёнку заткнули

рот. На подоконнике сидел и ухмылялся здоровенный парень в изодранной майке и с синяком под глазом.

- Немедленно отпустите ребёнка! – крикнул Матвей, приближаясь к окну.

- А если нет, то что будет?.. – парень криво улыбнулся, обнажая щербатый рот.

Из его ушей торчали наушники. Но даже с ними было легко различить песню, которую тот слушал – «Праздник в преисподней».

- А будет вот, что! – журналист подпрыгнул, ухватился правой рукой за стояк рамы и, изогнувшись, врезал левой ногой в подбородок противнику. Взмахнув руками, тот грохнулся на пол. Матвей следом за ним прыгнул в комнату. От того, что он там увидел, волосы на его голове встали дыбом! Два окровавленных трупа, видимо, хозяев квартиры, лежали тут же, на ковре. В углу двое мужчин рвали платье на девочке, лет семи, которая уже хрипела – один из негодяев придушил малышку, прижав широкой пятернёй её лицо.

Бывший морпех почувствовал в себе звериную силу и мощь – проснулись армейские навыки. Быстрый бросок в сторону истязателей, два мощнейших удара в челюсть – и вот уже оба лежат, без дыхания. «Слишком лёгкая смерть» - с досадой подумал Матвей.

- Как ты? – он взял на руки ребёнка. – Как тебя зовут? Не бойся, теперь тебя никто не обидит.

- Г-галя... - выдавила из себя спасённая. Её душили рыдания, она никак не могла прийти в себя после потрясения...

- Успокойся, Галочка, мы должны уйти отсюда...

Её родителям уже не помочь – оба мертвы. Ковёр был пропитан их кровью и «чавкал» под ногами. Тот парень, который сидел на подоконнике, пришёл в себя и попытался встать, одновременно шаря по своим карманам. Видимо, в одном из них хранилось оружие. Матвей не стал дожидаться, пока его враг вытащит пистолет, и отправил его в глубокий нокаут ударом ноги в висок. Затем сделал шаг и наступил поверженному бандиту на кадык.

- Успокойся, малышка. Скажи, тебе есть куда пойти? Есть у вас близкие люди, друзья?

- Д-да...

- Кто они? Где живут?.. Мы сейчас пойдём к ним, и ты будешь в безопасности.

- Там, - девочка показала на потолок... Тётя Люба....

- На втором этаже?

- Нет, на четвёртом...

Поднявшись на четвёртый этаж, и с трудом докричавшись до хозяев, Матвей передал Галю немолодой женщине с заплаканными глазами, объяснив ей ситуацию.

- Боже мой... Саша, - обратилась она к мужу, стоящему у неё за спиной и сжимающему в руках топорик. – К Халыгиным залезли в окно! Всех убили!.. Вот, молодой человек сумел спасти Галочку ...

- Я слышал, – тяжело дыша, ответил мужчина лет пятидесяти, лысоватый и с заметным брюшком. – Развелось падали, повыползали из всех щелей!.. Ты останешься с нами, Галочка?

- Да...

Убедившись, что девочка попала в руки добрых людей, Матвей спустился вниз и вышел во двор. На душе было гадко и муторно. Сразу расхотелось что-либо снимать и записывать. Вместо мирной журналистской деятельности, ему пришлось убивать. Пусть даже ради спасения ребёнка... Эх, хорошо бы сейчас дёрнуть стаканчик водочки!.. Бросив прощальный взгляд на раскрытое окно первого этажа, где разыгралась страшная трагедия, Матвей отправился дальше, в сторону улицы Барнаульской. Солнце уже клонилось к западу. Тихий летний вечер, прежде дарящий горожанам приятные минуты отдыха, сейчас тяготил, настораживал и пугал. Неприятный запах, от которого никак не избавиться, кучи мусора под ногами, разбитые стекла окон, покореженные автомобили... «Действительно, словно война...» - подумал журналист. Горе кругом, несчастье, смерть...

Он повернул было назад, но его взгляд остановился на маленькой неподвижной фигурке... Матвей пригляделся... Точно, ребёнок! Кто же его выпустил одного в такую пору? Он быстрыми шагами подошёл к малышу, взглянул на него внимательнее. Маскообразное лицо пятилетнего мальчугана не выражало никаких эмоций, а взгляд, казалось, не останавливался на предметах, а был направлен сквозь них...

Вообще, Матвей засомневался, а нормален ли малыш?

- Как тебя зовут, дружок? – спросил журналист, присаживаясь на корточки перед странным мальчиком. – Почему ты не дома? Можешь назвать мне свой адрес?

Вместо ответа тот вытянул вперёд руку. Матвей принял маленькую ладошку и почувствовал, что его куда-то влекут.

- Как тебя зовут, мальчик? У тебя есть папа и мама? – снова спросил Матвей.

Тот молчал. Но шёл куда-то довольно уверенно, и вёл за собой журналиста.

- Ну-ну, и куда мы идём? – поинтересовался Матвей, подстраиваясь под шаги маленьких ножек.

Мальчик в ответ что-то промычал. Вскоре Матвей понял, что они идут к следующему дому.

- Ты здесь живёшь? Вот и хорошо, ступай домой, родители, верно, тебя ищут...

Но ребёнок не выпускал руку Матвея. Он вцепился маленькой ладошкой в его указательный палец и тащил журналиста за собой. На какое-то время Хрусталёву стало не по себе. Слишком уж странным показался ему малыш, каким-то... слишком непохожим на обычных детей...

Они вошли в подъезд и остановились перед дверью на первом этаже.

- Это точно твоя квартира? – спросил Матвей.

Мальчик несильно стукнул кулачком в дверь. Матвей нажал на кнопку звонка.

Щёлкнул замок, дверь отворилась.

- Вот, примите малыша..., - начал Матвей.

- Кого ты привёл к нам, маленький принц? – спросил стоящий у порога здоровенный детина в одних трусах. Из глубины жилища доносилась всё та же назойливая песня...

- Я не ошибся? Мальчик здесь живёт? – спросил Хрусталёв.

- Ты не ошибся, - последовал ответ, и тут же здоровяк ткнул чем-то в лицо Матвея. Электрошокер разрядил в шею журналиста мощный заряд, лишив его чувств. Хрусталёв, потеряв сознание, рухнул прямо на порог.



- Костян, Горбоносый! – скомандовал здоровяк. – Тащите этого кабана в подвал! Живо, бакланы!.. Молодец, маленький людоед! – с довольным видом пробормотал детина, глядя на мальчика, побредшего, склонив голову набок, в угол комнаты. – Без добычи не приходишь!

Матвей очнулся спустя минут десять и тут же ощутил себя лежащим на цементном полу со связанными за спиной руками. Ощущение боли прошло, но мышцы шеи нестерпимо горели. Чем это его? Ах, да, электрошокером. Как же он так подставился?.. Не ожидал. Привёл ребёнка домой, ничего предосудительного в таком поступке не было... Это - если речь идёт о нормальных людях. А тут, видимо, крысиное гнездо... если не хуже. Он попытался ослабить узлы верёвки... Бесполезно. Затянуто крепко. Попробовал вывести связанные сзади кисти рук под собой вперед тела. Не получилось... Пожалуй, в течение пары часиков и можно придумать что-то иное, но кто ему даст это время?..

Помещение слабо освещалось двумя свечками, стоящими, предположительно, на тумбочке... А вообще, как понял Матвей, находился он в подвале. Откуда-то тянуло холодным воздухом, неподалёку пискнула крыса...

Справа кто-то прокашлялся. Матвей повернул голову в ту сторону, но, несмотря на огонь свечей, различить, кто лежит на полу неподалёку от него, он не смог. Возможно, ещё один такой же пленник.

- Эй, кто тут? - окликнул журналист товарища по несчастью.

- Спаси мя, Господе Иисусе... - различил чей-то шёпот Матвей.

- Эй, как тебя?..

- Да святится имя твое, да прииде царствие твое... во веки веков, аминь.....

- Рано ещё молиться, надо думать, что делать! - громко заявил морпех.

- Молиться, сын мой, никогда не рано и никогда не поздно... Молитва есть пища для души, без которой она умирает от духовного голода.

- Ты кто, священник?

- Да, сын мой. Отец Леонид, служу в Храме Святого Апостола Андрея Первозванного, что на улице Комсомольской, да простит мне Господь упоминание святого места и бесовское название улицы...

- Ты, батюшка, насчёт бесов поосторожнее... Как попал сюда?

- Как-как... Возвращался после службы, увидел одинокого отрока, ребёночка совсем, сердце и вспылало жалостью... Решил отвести домой, времена-то какие... Вот он и привёл меня к душегубам... Спаси меня, Господи и сохрани...

- Я тоже попался на этот крючок...

- И ты молись, сынок... Бог даст, смерть наша не будет страшной и лютой... Убьют безболезненно и не заставят долго мучиться...

- О чём ты говоришь, батюшка! Мы ещё повоюем! Мне бы развязать руки, я тут такое устрою!

- Похвальное желание, сын мой... Бог тебе поможет...

- Бог... Что ты знаешь о Боге, поп...

- Знаю лишь одно: надо молиться и он не оставит нас, сын мой...

- Некогда молиться, нужно действовать! Нож бы раздобыть, или кусок стекла...

- Нож есть, сын мой, только маленький он. Им только перья очинять... Поэтому его не заметили, когда обыскивали... Им не зарежешь никого, даже если очень сильно захочешь... К тому же - грех это...

- А бельевую верёвку он перережет?

- Запросто...

- Где же он? - радостно воскликнул Матвей.

- У меня в кармане брюк... Я не могу его достать, руки крепко связаны. Разве что ты сумеешь засунуть руку мне в карман...

- Отлично, батюшка! Поворачивайся ко мне своим карманом, а я попробую!

Кряхтя, священник повалился на бок и постарался приблизить своё грузное тело к журналисту, помогая ногами. Тот, в свою очередь, тоже повернулся так, чтобы руки "смотрели" в сторону товарища по несчастью, и пополз к нему. Вскоре они соприкоснулись друг с другом.

- Вот и хорошо... Как зовут тебя, юноша? – запыхтел поп в самое ухо Хрусталёву.

- Матвей...

- О-о, знаменитое имя! А где и кем трудись, сын мой?

- Журналист. Пишу статейки в газету "Башня Врангеля"!

- Знаю-знаю... Сия газета нам ведома... Богохульства не допускает, много интересного пишет о славном сем граде... Это - нога. Повыше, сын мой... Там карман. Ой!..

- Что случилось, батюшка?

- Щекотно, сын мой. Не обращай внимания, пощупай немного выше...

- Чёрт, не могу, надо положение изменить... Руки ведь не резиновые...

- Ты уж постарайся, сын мой, а я тебе в помощь молитву прочту, хочешь? Слово Божье, оно и воду сушит, и пламя тушит...

- Давай, батюшка... Только не за упокой...

- «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеши мене, - быстро затараторил священник. - Яко стрелы Твоя унзоша во мне, и утвердил еси на мне руку Твою...»

- Это что за молитва?

- Псалом, сын мой. Из святого Евангелия... Должен помочь...

- Ну, с Богом...

- «...Несть исцеления в плоти моей от лица гнева Твоего, несть мира в костях моих от лица грех моих. Яко беззакония моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне. Возмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего. Пострадах и слякохся до конца, весь день сетуя хождах. Яко лядвия моя наполнишася поруганий, и несть исцеления в плоти моей. Озлоблен бых и смирихся до зела, рыках от въздыхания сердца моего...»

- Давай-давай, отец! - молитва, как подумал Матвей, действительно помогала. Ему удалось засунуть руку в карман брюк священника. Осталось только нащупать нож.

- Даю, сын мой! «...Господи, пред Тобою все желание мое и въздыхание мое от Тебе не утаися. Сердце мое смятеша, остави мя сила моя, и свет очию моею, и той несть со мною. Друзи мои и искреннии мои прямо мне приближишася и сташа. И ближнии мои

отдалече мене сташа; и нуждахуся ищущи душу мою, и ищущи злая мне, глаголаху суетная, и льстивным весь день поучахуся. Аз же, яко глух, не слышах, и яко нем, не отверзаяй уст своих. И бых, яко человек не слышан, и не имый во устех своих обличения...»

- Нашёл! - воскликнул Матвей. Двумя пальцами он ухватил ножичек и вытянул его из кармана священника. Теперь оставалось удержать его руками, выдвинуть лезвие и перерезать верёвки. Журналист сел, тяжело дыша, раздвинул, преодолевая боль, свои кисти, так, чтобы удобно было действовать пальцами обеих рук...

- «...Яко на Тя, Господи, уповах, Ты услышиши, Господи, Боже мой! Яко рех, да не когда порадуются врази мои, и внигда подвижатися ногам моим, на мя велеречеваша. Яко аз на раны готов, и болезнь моя предо мною есть выну. Яко беззаконие мое аз возвещу, и попекуся о гресе моем. Врази же мои живут, и укрепятся паче мене, и умножишася ненавидящии мя без правды. Воздающий ми злая возблагая, оболгаху мя, зане гонях благостыню. Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене. Вонми в помощь мою, Господи спасения моего!» (74).

- Ну, батюшка, знатный ты псалом прочитал! Не зря, видно, вас в семинариях обучали!..

- Получилось, сын мой?

- Ещё как получилось! Сейчас лезвие вытащу... Ножичек и впрямь канцелярский!

- Спаси и сохрани нас, господи... Не отдай на растерзание упырям бессердечным, мерзким каннибалам....

- О каких каннибалах ты бормочешь, батюшка? - поинтересовался Матвей, сосредоточенно водя лезвием ножа по волокнам крепкой бельевой верёвки.

- Как о каких? А к кому мы, по-твоему попали? Они же человечину едят!

- С чего ты взял? - у Матвея, как показалось, зашевелились волосы на голове, хотя они давно уже были слипшиеся от пота и пыли.

- Видел... Меня сначала втолкнули на кухню, а потом уж оглушили... Но то, что я там увидел..., позволь, сын мой, дальше не рассказывать...

- И не надо... Только что же получается: они и нас могут скушать?

- Наверное, могут...

- Подавятся! Я, батюшка, верёвки перерезал. Теперь не они нас, а мы их будем рвать зубами... Ты готов?

- Освободи и мои руки, Матвеюшка. Уж я тебе тогда помогу!..

## Глава 11. Dum spiro - spero (75)

Освобождение рук продолжалось не более трёх минут, а показалось, что очень долго... Швырнув свои путы на пол, Матвей поднялся. Потянулся, сделал несколько упражнений руками, помассировал шею...

- Ты, видать, воин, Матвей?

- Бывший морской пехотинец.

- Это я сразу почувствовал... А говоришь, журналист... Журналистика - это всего лишь маска, овечья шкура... А по духу ты – воин!

- Пожалуй, и скоро все в этом убедятся...

- Но они вооружены, сын мой... Если у тебя ничего не получится, Матвей, главное - не называй им своего адреса. Они начнут требовать выкуп, скажут: «Назови адрес, мы придём и передадим от тебя письмо...» А на деле, если им откроют дверь, сам знаешь, что произойдёт дальше. У тебя семья есть, Матвеюшка?

- Жена и дочь. Живём тут рядом. Есть и родители, но они живут за городом... Только я ни с кем разговаривать не собираюсь, тем более, писать письма. Поможешь мне, отец? Подстрахуешь в случае чего?

- Руки мне освободи, сын мой. Наша святая церковь всегда была на стороне правды и справедливости. Со словом Божьим на устах мы неизменно побивали врагов наших, так было и будет во веки веков...

- Не очень ты похож на попа, батюшка... Рясы-то нет...

- В мирском одеянии, сын мой, по случаю жары. Военные, чай, тоже не всегда в форму одетые....

Две свечи горели, втиснутые в один стеклянный стакан, стоящий на добротной прикроватной тумбочке. Цементного пола свет почти не достигал. Матвей подвинул светильник к краю тумбочки и осмотрел лежащего на полу священника. Тот был одет в тёмного цвета рубаху и брюки. Журналист разглядел ещё лысину и окладистую бороду.

- Ты, батюшка, похож на Анатолия Вассермана... Знаешь такого? Эрудит на службе СМИ... - он наклонился, нащупал узлы верёвки и полоснул по ним ножом. - Да и возраст у вас одинаков... Тебе, как я погляжу, немногим больше шестидесяти?

- Не надо награждать меня чужими именами и достоинствами, сын мой, - ответил отец Леонид, с трудом поднимаясь. Кряхтя, он смахнул с себя пыль и грязь. - Попить бы...

Они посмотрели друг на друга. Внимательно, оценивающе...

- Шестьдесят шесть мне, Матвей. А ты, я вижу, совсем молод. И тридцати нет ещё...

Усы, чёрная, окладистая борода с заметными сединами, спокойный и задумчивый взгляд из-под густых бровей, умные глаза и тонкий рот... Однако глубокие морщины на лбу и вокруг темно-карих глаз свидетельствовали о том, что на его долю выпало немало тяжелых испытаний.

- Как же занесло тебя сюда, батюшка?

- Отрок этот, бесовский сын... Тьфу, ты, прости Господи... Исчадие ада! А вообще я и сам тут недалеко живу...

- А вот с водичкой придётся потерпеть... - Матвей подошёл к двери, дёрнул за ручку. - Заперто снаружи. Замок висит. Можно, конечно, попытаться его сбить, но лучше подождём хозяев... Посмотри, отец Леонид, есть ли в нашей келье что-нибудь тяжёлое...

- Да бес тут что разглядит, прости Господи... Вот, в углу батарея лежит. Меняли видать, когда-то, да так и бросили... - он подошёл, нагнулся и поднял с пола тяжеленное чугунное изделие. Подержал на весу, примерился...

- Силен ты, батюшка...

- Да, Бог силушкой не обидел... Сгодится снаряд, ежели что?

- Ещё как сгодится. Этой штукой можно стрелковое отделение остановить!

- А ты что себе возьмёшь, Матвеюшка?

- А у меня, батюшка, кулаки, что твоя батарея.

- Вот ладно-то... Остаётся только ждать супостата...

- Надеюсь, скоро заявятся. Свечи уже догорают...

Время шло, а за пленниками никто не спускался... Матвей и отец Леонид как-то сразу почувствовали симпатию друг к другу, ведь известно: общая беда сближает. Обоим захотелось поговорить по душам, узнать о своём товарище чуточку больше. Ведь обоим скоро предстоит бой не на жизнь, а на смерть...

Время шло... "Как там моя Наденька?" - с ужасом думал Матвей.

А жена журналиста не находила себе места. "Убили! - беззвучно кричала её душа. - Я так и знала, что случится беда!.. Что же делать?" Ей захотелось самой броситься на улицу, найти, обнять, принести домой бездыханное тело мужа... Или он ещё жив? Тогда его нужно скорее спасать! Она позвонила Вадиму и Иванушкину. Те, услышав об её опасениях, обещали скоро приехать... Господи, как хорошо, что есть друзья...

Свечи догорели и погасли. Узники темницы утонули в густом ночном мраке. Всё стихло, только попискивали мыши, да застенчиво звенели комары... Пленники сидели на полу, иногда шёпотом переговариваясь друг с другом. В маленькое слуховое окошко у самого потолка был виден кусочек звёздного неба...

- Расскажи о себе, Матвей, - попросил отец Леонид. - Страсть как хочется узнать, чем живёт сейчас наша молодёжь... Ведь раньше-то как было: при встрече человек приподнимал шляпу, а сейчас - достаёт из уха наушник. А в знак большого уважения – оба...

- Ну, слушайте, батюшка. Только я уже не просто «молодо-зелено», а молодёжь, нашедшая себя в этой жизни... Хотя... всегда стараюсь учиться у мудрых людей.

Давно это уже было... Словом, в одном из моих снов я неожиданно очутился на чужой планете... Никогда до этого о космосе даже не мечтал, а познания в астрономии были самые посредственные. В общем, я уснул и оказался неведь где...

Правда, сначала как будто долго куда-то летел, словно спускался с парашютом, растворяясь в свежести и радости... Я любовался удивительно красивым пейзажем, который открывался мне с высоты полета, и сознание было в полном восторге от развернувшейся панорамы. И вот, наконец, касание земли... Я начал постепенно приходить в себя и ощущать своё тело... Наконец понял, что лежу, распластавшись на лугу, и даже отчётливо чувствую, как правая щека плотно прижата к прохладной траве. Интересно ещё и то, что одновременно я видел себя как бы со стороны - упавшим среди цветов на какой-то поляне с раскинутыми в стороны руками. Некоторое время я, то ли не

мог, то ли просто боялся пошевелиться... Потом сел и осмотрелся. На стеблях сочных зелёных трав серебрились капельки росы, гордо покачивались высокие и яркие цветы... А сразу за лугом поднимался лес-великан, словно из древней саги! Лес - могучий, древний и загадочный!..

Через некоторое время ко мне подошли несколько человек. Они запомнились очень высоким ростом, крупными безволосыми головами, большими выразительными глазами и оливковым цветом кожи... Один из них удивлённо сказал своим спутникам: "Этого не может быть! - И потом обращаясь ко мне: - Ты как здесь оказался?" "Вот такой я по жизни любознательный, что вечно попадаю в какую-нибудь историю..." - постарался отшутиться я. "Раз так, то спрашивай, что ты хотел у нас узнать?"

Я уже тогда был в курсе, что правильно сформулированный вопрос, эффективнее хорошо поставленного удара, и начал усиленно придумывать что-нибудь умное... Что-то гонять и прокручивать в мозгу, но вскоре с ужасом понял, что мне нечего у них спросить. В моей голове не оказалось ни одной толковой мысли... Тем временем, необычный собеседник просканировал своим пристальным взглядом мою черепную коробку, (в это время я почувствовал себя навозным червем по уровню развития) и сначала, похоже, улыбнулся, а потом отчего-то вдруг рассвирепел и закричал: "Отправьте этого дурака обратно! И пусть на все свои вопросы он ищет ответы там, откуда пришел!" Двое других гуманоидов схватили меня за руки и развернули спиной к первому. "Постойте, - заорал я, - скажите хотя бы, куда я попал?" "Это – вторая планета звезды Проксион", - и после тех слов я получил мощнейший пинок пониже спины...

Проснулся я в своей кровати с неприятными ощущениями в задней части тела. За что себя хвалю, так это за то, что сразу же записал диковинное название на листок бумаги. Иначе потом ни за что бы ни вспомнил. Интернет в то время был еще не у всех, и утром я направился в библиотеку, взял звездный атлас и стал искать по названию. Честно говоря, из простого любопытства, в успех я не верил... Но! Представь мою бурную реакцию в тихой библиотеке, когда я нахожу... Проксион ( $\alpha$  CMi /  $\alpha$  Canis Minoris / Альфа Малого Пса) — самая яркая звезда в созвездии Малого Пса и одна из ярчайших звёзд в ночном небе! До сих пор живу с ощущением, что я полный дуралей, но на любой вопрос, при желании, могу получить исчерпывающий ответ.

- Ха, - усмехнулся отец Леонид. - Шикарный сон. Я бы сказал, вещий! Это Господь тебя наставлял, учил уму-разуму... Радуйся, сын мой, не оставит он тебя в беде... Особенно, если веру христову сердцем примешь.

- А ты, батюшка? Расскажи, как стал священником... Похитители наши что-то не торопятся с визитом...

Отец Леонид поднялся с пола, сделал несколько наклонов, помассировал руки и начал свой рассказ:

- Я стал священником двадцать лет назад, в «лихие» девяностые... Мне тогда было уже за сорок... А до этого я, как и ты, сомневался и искал свой путь к Богу. Но теперь знаю точно: каждого человека Господь сам призывает в нужное время. Так случилось и со мной...

Еще в отрочестве, когда я жил в Смоленске, приснился мне сон, очень похожий на твой. Как будто иду я вниз по улице, ведущей к Успенскому Собору. На мне странная

такая одежда типа широкого коричневого балахона, но меня это нисколько не удивляет, а даже радует, потому что я ощущаю себя монахом и страшно этому рад! Встречные тоже не обращают на меня особого внимания, как будто так и надо. Настроение у меня такое приподнятое, что я шагаю под горку и пою песню! Вдруг мне навстречу идут два немолодых человека, одетые во все чёрное (сейчас-то я знаю, что так одеваются монахи в схиме). Они останавливают меня и, поздоровавшись, спрашивают: "Кто ты такой?" А я гордо так им отвечаю: "Я - монах и иду по своим делам..."

Путники заулыбались и спокойно, по-доброму мне объясняют: "Посмотри на свою одежду, у тебя ведь обрезаны рукава и ворот..." Я осмотрелся, и точно, почувствовал себя немного даже голым, рукавов не было, вместо ворота огромный вырез, в общем, какой-то сарафан на лямках! Стало очень неловко и стыдно. "Не расстраивайся, - сказал один из них. - Это говорит лишь о том, что ты пока только хочешь стать монахом". "А что мне сделать, что бы стать им по-настоящему?" - спросил я.

И вот мне был дан ответ, после которого все они растворились в воздухе:

"Ты должен познать изумрудный цвет и обрести изумрудное качество. Поэтому ступай в мир и приобретай его. Если у тебя получится, мы сами тебя найдём и дадим новые одежды, уже настоящие!"

Сам понимаешь, что такие сны надолго запоминаются и интригуют потом своей недосказанностью. Слово "монах" меня тогда не заинтересовало, я таких людей видел только в советских фильмах, в тех нелицеприятных образах, в которых их нам преподносили, в общем, ничего хорошего. А вот «изумруд» запал в душу, и стал я постоянно задумываться об «изумрудном цвете и качестве». Но в те времена литературы на подобные темы не было, а людей, чтобы серьёзно побеседовать на данную тему, я тоже не встречал. Так и остались эти понятия для меня загадкой на долгие годы. Пока в 90-е годы одна женщина не объяснила, что у некоторых народов под «изумрудным качеством» подразумевается Любовь! И ты знаешь, я ей как-то сразу поверил. Но начались новые терзания: монахи-то сказали, что у меня это качество отсутствует... Как же его приобрести, коль ни пощупать, ни примерить нет возможности? Что это вообще такое? Конечно, потом перечитано на эту тему было много... И можно даже сказать, что в теории я преуспел, но лучше на душе от этого не становилось... Пока однажды не решил я посмотреть кино про Волшебника в стране Оз – аналог нашего Волшебника изумрудного города. Это был оригинал фильма 1939 года. Я его включил и начал внимательно смотреть. Хорошая сказка, естественно, расслабляет, а параллельно с этим меня посетили воспоминания из далёкого детства:

...Сначала я увидел, как мальчик, лет восьми сидит за круглым столом, застеленным бордовой скатертью с бахромой (тогда у всех были такие огромные круглые столы) и пишет на тетрадном листке письмо:

*"Дорогая редакция! Я ученик 2-го класса школы № 18 г. Смоленска. Мне очень нравится книга Волкова "Волшебник изумрудного города", пришлите мне, пожалуйста, её продолжение - "Урфин Джюс и его деревянные солдаты", так как в школьной библиотеке этой книжки нет и ни у кого из друзей тоже нет, а я очень хочу знать, что же было дальше в Волшебной стране и Изумрудном городе."*

Родители безропотно отправили моё письмо, потому что я им уже надоел своим нытьем, во что бы то ни стало купить мне эту книгу. Отправили, наверно, в какую-то большую типографию, потому что пришёл ответ, но там было сказано: «Извини мальчик, мы книги не рассылаем, а только печатаем...» - и пожелали удачи...

Я чуть не всплакнул, вспомнив того лопоухого мальчугана, старательно пишущего письмо взрослым дядям! Но перетерпел, смотрю фильм дальше... А следом мне пришли на память курсы английского языка для взрослых, на которые я как-то похаживал. Там мне для самостоятельной работы тоже досталась сказка "The Wizard Of Oz" – это было второе интересное совпадение. А третье – на доме, который стоит рядом с моим, красуется большущая вывеска какой-то турфирмы - «Гудвин»!..

Продолжаю просмотр фильм дальше и вот первое откровение: "...главное правильно выбрать путь! Ты всё время должен идти по желтой кирпичной дорожке..." И второе, наверно, самое важное: "О величине вашего сердца судят не по силе вашей любви, а по тому насколько люди любят вас!"

Священник с минуту помолчал... затем продолжил:

- Потом пару лет я работал при Храме. Однажды батюшка собрал нас, человек пять «трудников», и говорит: «Завтра едем в монастырь. Там с нами встретится игумен, и во время общения ему можно будет задать свои вопросы». Придумывая свой вопрос, я промучился весь вечер, перебрал сотню вариантов, но всё мне казалось «не то» и «не так». «Ну, и ладно... - подумал тогда я, - Будет день, будет и пища... Авось пронесёт». Поездка оказалась действительно интересной и полезной, мы многое узнали о внутренней жизни монастыря и быте братии. Настал черед вопросов. Я не ожидал, что их будут задавать по очереди, сначала наш батюшка, потом следующий... Дошла очередь до меня, и я, чтобы не опозориться выпалил: " Хочу построить Храм! С чего мне начать?"

Игумен посмотрел на меня оценивающим взглядом и сказал: "Храм строят не в бревнах, а в ребрах. Начни с себя сын мой".

После этого я и решил посветить свою жизнь служению Богу... Ты сам-то в Бога веруешь? – спросил священник у Матвея.

Тот пожал плечами:

- В трудные минуты моей жизни – да...

- Значит, «стержень» твоей Веры недостаточно прочен...

- А существует ли способ, чтобы её как-то... укрепить?

- Бог уже предоставил тебе такую возможность. Когда в жизни наступает «чёрная» полоса, ты не спрашивай «за что?», а думай – «для чего?» Каждый сам выбирает, на чью сторону ему встать: добра или зла, плоти или духа, Бога или дьявола... Верь в Спасителя, молись, и он не оставит тебя без поддержки и помощи.

- Я подумаю над этими словами, отче, - проговорил Матвей. – Однако, как говорится, «на Бога надейся, но сам не плошай...» Нам пора как-то выбираться отсюда...

- Тихо, сын мой, кажется, сюда идут!..

Матвей мгновенно вскочил. Священник потянулся за батареей.

Действительно, в подвал спускались, по крайней мере, двое. Они о чём-то оживлённо беседовали.

- Первого я беру на себя, - шепнул Матвей. - Второй - твой, батюшка!



Заскрежетал ключ в тяжёлом замке. Скрипнула открываемая дверь...

- Куда он пошёл, Надя? - кричал в трубку Иванушкин.

- Он мне не сказал!.. - рыдала та. - Может, по проспекту прогуляться, а может - по двору...

- Не плачь ты так, не убивайся! Сейчас мы разделимся на группы и прочешем все закоулки!

- Не расстраивайся, Надя, - влез в разговор Вадим. - Найдём мы твоего мужа! Матвей - парень не промах, морпех! Может, уехал куда-нибудь далеко...

- На чём уехал?

- А я откуда знаю? Подвёз кто-нибудь... А телефон молчит - отключил, зарядку бережёт!

- Он бы позвони-и-и-ил...

- Ну-ну, успокойся....

- Так и есть, свеча погасла, - послышался глухой, дребезжащий голос. - Включай фонарик... Эй, подъём, лежебоки! Наши дяди проголодались!

Едва в дверном проёме мелькнул силуэт первого мужчины, Матвей кинулся к нему и, обхватив руками за шею, с силой потащил на себя, одновременно сделав поворот в сторону, и швыряя тело вошедшего напрямиком в стену. В этот же момент отец Леонид, держа в руках тяжёлую батарею, ринулся в освободившийся проход навстречу второму гостю.

- Ну как? - тяжело дыша, спросил священник. - Мой впечатался в стену... Аминь, - он перекрестился.

- Мой тоже, - проверив пульс на сонной артерии жертвы, констатировал морпех.

- Куда сейчас?

- Я - наверх. Это крысиное гнездо должно быть уничтожено! Спасибо за помощь, батюшка...

- Э-э, нет, сын мой. Я пойду с тобой до конца... Тебе может понадобится прикрытие...

- Да уж, само собой! Я хочу сейчас проведать наших изголодавшихся друзей, что живут во второй квартире... Если ты со мной, то не отставай. Как себя чувствуешь, батюшка? Может, подождёшь меня во дворе?

- Я же сказал тебе, Матвей, что обеспечу прикрытие! - подбоченился отец Леонид. - Вперёд, Аника-воин!

Они поднялись на первый этаж, подошли к квартире № 2. Матвей позвонил. Через некоторое время дверь отворилась, и на пороге возник тот самый мужик в трусах. Электрошокера в руках не было. Видимо, он ожидал увидеть своих дружков, поэтому на секунду остолбенел. Матвей тут же нанёс сильнейший удар туда, куда мужчину можно бить лишь в крайних случаях, и то если перед тобой - настоящий враг. Дитина крикнул, глаза его тут же вылезли из орбит, он рухнул на колени. Тут морпех приложился ещё раз...

- Привели? Кого, попа или этого?.. - послышался из комнаты нетрезвый голос.

- Оба пришли, - ответил Матвей, прыгнул в помещение и начал «обработку» находящихся в нём людей по программе "блок-нырок-бросок", которым обучал его в годы службы мичман Григорьев, инструктор по рукопашному бою. Через несколько секунд четверо, находящихся в комнате людей лежали на полу. Двое хватили ртом воздух, держась за горло, третий выл, сжимая сломанную руку, а четвёртый вообще не подавал признаков жизни. Со стороны кухни на помощь пострадавшим ринулся ещё один отчаянный боец, да попал под тяжёлую длань служителя господ.

- Покойся с миром, - потирая кулак, пробормотал отец Леонид.

- Больше никого нет? - спросил Матвей, оглядывая квартиру. - Ага, вот мой телефон, - обрадовался он, забрал с подоконника свою "Нокию" и тут же набрал номер Наденьки.

Отец Леонид зашёл в маленькую комнатку, где никого не было. Старые обои, мебельная секция советских времён, облезлый диван, батальон пустых бутылок, стоящих вдоль стен, словно солдаты на параде... Не было никого, кроме мальчика, поставляющего упырям жертвы на заклятие. Он сидел на полу в самом углу, между его ног стояла миска, из которой малец вынул кость и начал сгрызать с неё мясо.

- Свят-свят... - перекрестился священник, глядя на ужасную трапезу. - Что же с тобой делать, дитя моё?... - он надолго задумался. - Видно, придётся временно пристроить в наш храм...

Старые часы, мерно тикающие в мрачной тишине квартиры, ответили боем на его слова.

- Батюшка! - раздался радостный возглас Матвея. - Сейчас сюда приедут ребята из Ленинградского ОВД! Во главе с майором Иванушкиным! Повяжут этих... уродов...

- А этого, - священник кивнул на мальчика, - я заберу с собой. Господь не допустит, чтобы из него вырос волк... Мы все не допустим...

- Ох, а мне ещё с женой объясняться..., - вздохнул Матвей, словно не услышав реплики отца Леонида. - Идите, батюшка, откройте им дверь, а я прослежу, чтобы никто не удрал...

Он вернулся в комнату, где находилась четвёрка травмированных бандитов, добавил тем, кто начал проявлять признаки активности... Затем обратил внимание на компьютер, сиротливо приютившийся у окна. Взял пару листов возле принтера, внимательно посмотрел... Затем свернул их вчетверо и засунул в карман джинсов.

В прихожей послышался топот ног. В комнату ворвался Иванушкин.

- Жив? - радостно воскликнул он и обнял журналиста. - А уж Надежда-то твоя тебя похоронила! Места себе не находит, бедная...

- Да, - виновато поморщился Матвей. - Так уж случилось...

- Ну, рассказывай, что тут произошло!..

- Познакомьтесь, отец Леонид... Товарищ по несчастью, - представил священника Матвей. - Он всё объяснит. А я не могу удержаться, чтобы не сделать фото-сессию... вот этих, братцев-кроликов, - кивнул он на поверженных врагов. - Сдаётся мне, что с кое-кем из них мы уже встречались...

## Глава 12. Мелодия апокалипсиса

- Граждане, сохраняйте спокойствие! – такие призывы звучали четыре раза в сутки из громкоговорителя проезжавшей под окнами бронемшины. – Оставайтесь дома и не поддавайтесь на провокации! Ситуация находится под контролем президента России! Правительство принимает все необходимые меры к восстановлению нормальной жизни в регионе! В ближайшее время будет организован подвоз питьевой воды, возобновлена подача в дома газа и подключено электричество! Из Санкт-Петербурга вышло несколько паромов с гуманитарной помощью!..

Аэропорт не работал, пограничные терминалы были закрыты, калининградский торговый порт также не мог функционировать без электропитания, работники доков принялись грабить корабли и склады. Похожая ситуация сложилась на железнодорожном вокзале. Предприятия встали, учреждения закрылись, магазины не работали, газеты не выходили. А сам город всё больше напоминал большую мусорную свалку...

В Калининграде было введено чрезвычайное положение. Улицы города патрулировали военнослужащие калининградского военного гарнизона. Но спокойнее от этого не стало. Напротив, появились слухи о том, что в Московском районе солдаты изнасиловали девушку, нанесли побои нескольким мужчинам, в Центральном районе устроили самосуд над грабителями и расстреляли их во дворе одного из жилых домов. В Ленинградском районе на спортивной площадке возле одной из школ военные повесили двух мародёров на турнике.

Силы Балтийского флота и его наземной группировки были приведены в повышенную боевую готовность. Со стороны Польши и Литвы участились провокации. Самолёты и корабли противника всё чаще нарушали воздушные и морские границы Российской Федерации.

Продукты в магазинах пришли в негодность, охранять их уже не имело смысла. Началась охота населения за сухарями и консервами. За банку тушёнки теперь вполне могли и убить.

Матвей пытался созвониться со своими друзьями. Все находились примерно в том же состоянии – недоумевали по поводу происшедшего, опасались за жизнь своих близких и пытались раздобыть хоть какой еды. Майор Иванушкин назвал положение дел «масштабным умопомешательством» и выразил уверенность, что оно было кем-то намеренно спровоцировано. «Позвоните профессору Винтеру, - напоследок сказал он. – Старик должен быть в курсе. Мне кажется, что население города попало под воздействие какого-то неизвестного психотропного оружия... Помните, ещё в июне я обратил ваше внимание на усилившуюся «ненормальность» в поведении горожан? Так это было только начало...»

Профессор Винтер (76)... Матвей и Наденька хорошо помнили аргентинского учёного, который в прошлом году активно помогал им устранять последствия экспериментов нацистской организации «Аненербе». «Со стариком надо немедленно связаться, - решил Матвей. – Пока зарядка аккумуляторов ноутбука и телефона ещё не кончилась».

Итак, шёл третий день «апокалипсиса».

Вчера Матвей съездил в ложу «Под тремя коронами». Его доставил туда и привёз обратно брат по масонству, который представился Антоном. Антон был Подмастерьем, страшно гордился своим положением и по всякому поводу и без того напускал на себя пелену таинственности.

На собрании обсуждался вопрос, как сохранить себя и других братьев-масонов, а также их семьи, в безопасности. О возникшей кризисной ситуации говорили вскользь, мол, пришло лихо и скоро уйдёт. Но, некоторое время необходимо потерпеть, продержаться. Ни у кого не возникло никаких сомнений, что большой беды для города не случилось. Всё идёт своим чередом, заданным курсом, а беспорядки – явление временное.

Это сильно озадачило журналиста.

- Меня терзают некоторые сомнения... – признался Матвей Мастеру.

- Откройся мне, брат, - ответил тот.

- Я чувствую свою... косвенную вину, в том, что произошло... Ведь моя статья, вышедшая перед... катастрофой, практически предупреждала калининградцев о возможных событиях. Многие вправе подумать, что я предвидел их... Или каким-либо образом связан с виновниками случившегося...

- Смею тебя заверить, брат, что мнения людей могут быть самыми разными и значительно отличаться от истины. Как говорится, на чужой роток не накинешь платок. В чём же твоя вина, брат? Ты написал замечательную статью, теперь люди будут прислушиваться в печатному слову вашей газеты. В своё время другие твои коллеги писали почти то же самое про наводнения в Хабаровском крае и в городе Крымск... Их тоже потом обвинили в том, что они причастны к случившимся бедствиям. Но никто при этом не подумал, как усилить меры безопасности, чтобы предотвратить беду...

- Я помню трагедию в Крымске... Много противоречивых фактов передавались тогда из уст в уста...

- Да, население тогда буквально отдали «на заклание»... Именно такое создалось впечатление. Потом уже, приехали спасатели и солдаты, специалисты разных мастей, стали наводить порядок... Но это уже после трагедии... Так что, не волнуйся, брат. Твоей вины здесь просто не может быть. Ты ничего не знал, только предположил... Кто ж ведал, что так и случится?

Матвей промолчал. Он, кажется, нашёл ответ на вопрос, который мучил его.

Домой журналист вернулся, неся в руках корзину, в которой тускло поблёскивали банки с тушёной и сгущённой, сухари, рыбные консервы, пакетики со специями, бутылки с питьевой водой, а также переносная газовая плитка с набором газовых баллончиков. Это были подарки ложи.

- Откуда такое богатство? – удивилась Наденька.

- Нашёл. Вернее, достал, - ответил Матвей.

- Добытчик ты наш, - ласково проговорила жена, обнимая мужа.

- Наши гаджеты ещё дышат? – спросил Матвей. – Надо бы поговорить с профессором Винтером. Мне кажется, он сможет нам объяснить то, что произошло на нашей общей родине... В его отсутствие...

- Да, это больше смахивает на какую-то эпидемию... Мой планшет работает. Давай, выходи на связь по скайпу...

Аксель Винтер, энергичный и жизнерадостный старичок 76 лет, проживал в Аргентине. В прошлом году он посетил свой город, в котором родился в 1940 году и покинул в 1944-м. Профессор с удовольствием любовался зелёными аллеями, новыми зданиями и старыми немецкими постройками, участвовал в научных диспутах и предавался воспоминаниям о своём детстве, а заодно организовал блестящую операцию по устранению неприятных последствий деятельности лаборатории «Аненербе».

К счастью, бравый старик был дома и на связи. В его возрасте уже сильно не побегаешь по экспедициям.

- Здравствуйте, дорогой профессор! Я и моя жена Наденька, которую вы хорошо знаете, приветствуем вас!..

После краткого приветствия Матвей изложил суть дела и выразил предположение о «массовом психозе», устроенный чьими-то руками.

- Люди словно с ума сошли, - доказывал он Винтеру, - хоть и трудно в это поверить! Вы бы знали, во что превратился ваш Кёнигсберг и наш Калининград! Это уму непостижимо! Предприятия не работают, транспорт стоит, народ взбесился! На улицах запросто убивают людей!..

- Постойте, – прервал его пожилой учёный. – То, что вы говорите, действительно невероятно, но не столь уж невозможно. Дело в том, что воздействовать на мозг человека пытались в той же «Аненербе» ещё 75 лет назад. Тогда были использованы специальные звуковые сигналы... Известно, друзья мои, что кроме различимого нашим ухом диапазона звуковых волн, существует еще ультразвук и инфразвук. Подобные волны часто возникают во время ураганов, при сильных грозах и землетрясениях. Часто они не воспринимаются нашим ухом, но бывает, что люди слышат нечто похожее на свист, издаваемый дельфинами. Эти звуковые колебания могут крайне негативно влиять на здоровье и психику человека: вызывать сначала беспокойство и тревогу, затем удушье, озноб, галлюцинации, потерю сознания и судороги. С ними часто сталкиваются моряки во время шторма, когда звуковые волны входят в резонанс с конструкциями судна. Думаю, что именно в этом кроется корень множества легенд о «летучем голландце» и покинутых своими экипажами кораблях. Вполне возможно, что подобное явление вызвал сильный ветер, погубивший в 1959 году группу Игоря Дятлова на Северном Урале, а в 1993 году группу Людмилы Коровиной в Бурятии, на склоне Хамар-Дабана...

- Да, пожалуй, у всех этих случаев есть много общего...

- Какие-нибудь звуковые эффекты, воспроизводимые наиболее часто и... наиболее масштабно, вы не припомните? – спросил профессор.

Матвей задумался.

- Одна дурацкая песенка! – вдруг воскликнула Наденька. – Такой же идиотской группы из Британии! Она постоянно звучала на протяжении всего лета! Во всех дворах, на всех радиостанциях, на любом рынке, в каждой подворотне!.. Правда, мы старались её не слушать, а сразу переключали каналы и отвлекались какими-нибудь разговорами...

- Это правильно, моя маленькая фея, – улыбнулся Винтер. – Только поэтому вы не попали под её воздействие! И я уверен, что таких, как вы – немало... А звуковые волны пытались использовать в качестве действенного оружия очень давно. Например, в лабораториях «Аненербе» работали над созданием акустических пушек, способных

сбивать вражеские самолёты. Параллельно велась разработка и «нелетального» психотропного оружия, позволяющего управлять людьми, сеять страх и панику среди солдат и гражданского населения, понуждающего их совершать немотивированные поступки. Программа исследований нацистов предусматривала даже производство специальных грампластинок, предназначенных для населения Великобритании! С продукцией именно такого рода мы сегодня и столкнулись...

- Но что нам делать? – воскликнул Матвей. – Это что, необратимый процесс?

- Ну, почему же... - старик на минутку задумался. - Согласно исследованиям профессоров Коха и Ильинского, кстати, ваших земляков, из России, главное - устранить источник звукового сигнала, мутирующего психику людей. Если это удастся, то возможны два пути...

- Какие?

- Первый путь – это ничего не делать. Психика сама восстановится, но должно пройти достаточно длительный период времени.

- Сколько, профессор?

- Это зависит от многих причин..., - замялся учёный. - Но, в среднем – около месяца-двух...

Матвей присвистнул.

- Другой путь – это, как говорят русские, «клин клином»...

- Поясните, пожалуйста...

- Всё очень просто. Нужно воздействовать на повреждённый, расстроенный мозг людей другой мелодией, «положительной», которая быстро «вправит» человеческие мысли, волю и эмоции на прежнее место. У того же Ильинского есть работа, к которой прилагается партитура подобной мелодии... Вам останется только включить её погромче и дать людям побыть некоторое время под её целебным воздействием!

- Действительно, всё просто, - прошептал Матвей. – Но, где, чёрт возьми, нам искать эту «песню»?

- Во-всяком случае, вы уже знаете, в каком направлении работать. Первым делом – избавьтесь от источника негативного звукового воздействия! А профессора Ильинского немудрено найти... Я не знаю, где он живёт и работает в настоящее время, но это нетрудно выяснить. И ещё... если я не ошибаюсь, он – масон.

- Ого! – воскликнул Матвей. – Ну, теперь-то мы его отыщем! К сожалению, я вынужден прервать нашу беседу, уважаемый профессор. Вот-вот иссякнет заряд батареи, и мы останемся без связи. Поэтому, вынужден распрощаться...

- Не унывайте, друзья! Я верю, что у вас всё получится! По-другому просто не может быть!

Матвей с Наденькой наспех поужинали. Спать совершенно не хотелось. Казалось, что каждый бесцельно проведённый день приближает город к неминуемой гибели. Нужно было решить, как поступить дальше. Если Ильинский масон, то найти его будет легко. Надо только связаться с Мастером. А это Хрусталёв может осуществить через своего другого брата-масона, Антона. Но это только полдела. Ведь от Иванушкина стало известно, что с места недавнего преступления похищено руководство по созданию

психотропного оружия. Возможно, это оно и сработало, слишком велика вероятность. Но, что за силы применили эту «адскую машину»? Масоны? Сами у себя похитили документ, убив при этом двоих братьев? А вдруг хранитель архива не хотел отдавать в руки постороннего этот важнейший документ и, чтобы завладеть им, пришлось убить бедного архивариуса? Тогда всё встаёт на свои места. Хранитель знал, к каким последствиям может привести использование данного оружия и попытался ознакомить неизвестного с секретным руководством «из своих рук», не собираясь отдавать его! За что и был убит. А того, в свою очередь, прикончили другие масоны. Он-то был в курсе, о каком оружии идёт речь. Нежелательный свидетель...

Наденька уложила дочку спать, тихо подошла к мужу. В очередной раз произнесла:

- Господи, когда же это кончится? Хотя бы электричество включили... Что там слышно про наших соседей, Польшу, Литву и Белоруссию? У них-то всё в порядке?

- У них порядок. В Литве и Польше опять – натовские учения...

- Господи, не дай бог, что случится, а нам и ответить нечем...

- Успокойся, родная, - обнял супругу Матвей. – Нам есть, чем им ответить. И они прекрасно это знают. Поэтому до сих пор не съели...

- Во дворе грабят машины... Говорят, заходят в подъезды, взламывают двери, нападают на жителей...

- Не бойся, к нам не сунутся. К тому же у тебя есть муж, который превращается в бешеного зверя, когда его семье угрожает опасность...

- А откуда ты принёс эти продукты? Тоже кого-нибудь ограбил?

- Разве я похож на грабителя?

- Ты? Нисколечко!

- Надо Иванушкину сообщить про профессора Ильинского, - заметил Матвей. – Пожалуй, пошлю я ему СМСку, договорюсь о встрече...

- Только не сегодня! Давай на завтра!

- Конечно, любимая. Завтра. Заодно и продумаем план дальнейших действий...

Сидеть без дела – нет сил!

Чуть слышно тикали часы. За окном вновь послышались крики, сменившиеся разъярённым воплем, который внезапно оборвался.

Наденька вновь захлопала носом.

- Успокойся, милая. Нам надо потерпеть ещё несколько дней. Всё закончится...

Непривычная тишина воцарилась в квартире Хрусталёвых.

- Малышка-то наша спит... И ей всё равно...

На лестничной клетке послышался какой-то шорох.

- Что там? – встрепелась Наденька.

- Тс-с-с...

Матвей бесшумно поднялся и подошёл к двери. В глазок ничего не было видно – на площадке не было света. Но, похоже, за дверью кто-то находился.

Дверь еле скрипнула – похоже, снаружи надавили на неё.

Сердце Матвея учащённо забилося. Наденька прижала руки к груди.

Дверная ручка дёрнулась и подалась вниз - на дверь вновь надавили. Но, запертая на замок, она не поддавалась. Что делать? Крикнуть? Попытаться отпугнуть?.. Матвей

решил выждать. Он нагнулся. Здесь, в прихожей, в углу стоял ящик с инструментами. Журналист взял в руки молоток. Наденька на цыпочках прокралась на кухню и вооружилась кухонным ножом.

Тишина... Наденька с ужасом смотрела на тонкую дверь. Матвей поднял руку, старясь успокоить её.

Казалось, с той стороны двери слышится чьё-то осторожное дыхание. Конечно, злоумышленники постараются беззвучно открыть её, чтобы не разбудить хозяев и напасть на них спящих... «Как только дверь откроется, первого бью молотком, отталкиваю назад и захлопываю дверь», - рассуждал Матвей.

«Мне страшно...» - прошептала Наденька.

«Иди и успокойся. Я разберусь» - так же шёпотом ответил он ей.

Вот что-то заскребло в замке... Проволока или отмычка. Для профессионала открыть такой замок не составит труда, - понимал Матвей. Поэтому он готовился к решительному отпору. Наденька сжимала нож. Было понятно, что тот, кто ворвётся в дом этой хрупкой женщины, тут же пожалеет об этом! Что совсем неудивительно, ведь можно любить животных, но люто ненавидеть и давить тараканов! А милая кошечка, загнанная в угол, может броситься даже на льва...

В замке что-то тихонько щёлкнуло. Человек с той стороны двери старательно искал какую-то потайную пружинку, которая могла бы повернуть отмычку в скважине. Ещё мгновение-другое и...

Но, снизу раздался чей-то истошный крик, хлопнула дверь, затем прогремел выстрел. Люди, находящиеся на площадке возле квартиры журналиста, метнулись вниз. Их торопливые шаги отчётливо слышались в прихожей Хрусталёвых.

- Завтра встречусь с Иванушкиным, - выдохнул из себя Матвей, - обязательно выпрошу у него пистолет!

- Два пистолета, - прошептала обессиленная Наденька. Ноги её подкосились, и она едва не рухнула на пол.

### **Глава 13. В город вернулась жизнь**

Майор Иванушкин откликнулся на СМСку Матвея. Он ответил, что сейчас постоянно патрулирует территорию района и вполне может заехать домой к Хрусталёву. Правда, время общения будет строго ограничено, поскольку ситуация в городе обостряется с каждой минутой, и его группа может понадобиться в любой момент для решения насущных задач.

Когда Сергей Васильевич появился в доме Хрусталёвых, свежий, шумный, энергичный, казалось, их посетил герой из какого-то другого мира! На некоторое время представилось, что никакого апокалипсиса и вовсе нет! Майор привёз с собой несколько пятилитровых баклажек питьевой воды.

- Пейте, наслаждайтесь! – с улыбкой заявил он, выставляя бесценное питьё в коридор на пол. И тут же, более осторожно: - Как малышка?



- Нормально, – шевельнулись в улыбке губы Наденьки. – Выздоровливает. Сергей Васильевич, вы хоть знаете, когда всё это закончится?.. Ведь так дальше нельзя... Нам что, бежать из города или оставаться здесь и сходить потихоньку с ума?..

- Успокойся, Надюша, - ответил Иванушкин. – Мы нашли причину этого массового психоза...

- Профессор Винтер говорит, что это из-за той самой надоедливой песенки...

- Он прав, Матвей. Именно из-за неё. Там настолько подобран ритм и музыкальные эффекты, что они стали способны воздействовать на мозг людей с необычайной силой. Не на всех, конечно, но на многих... Об этом нам сообщали учёные из БФУ, которые проводили свои акустические исследования и изучали их влияние на мозг. Мы связались с редакциями радиостанций и музыкальных каналов с целью выяснить вопрос, почему эта песня звучит в эфире гораздо чаще других...

- И что? – одновременно спросили Матвей и Наденька.

- Потянулась ниточка. Тут, ребята, целая диверсия. Международного масштаба. К этому делу подключили Интерпол, сейчас выясняют, кто является автором музыки данной песни... Ведь группа «Стальные крысы» сами музыку не пишут, поют, в основном, рэп... А у нас в настоящий момент повсеместно изымаются записи этой песенки...

- А электричество когда включат? Когда дадут газ?

- И то и другое в наш регион поставляется по магистралям через границу. Я отвечу так: краны намеренно перекрыты, оборудование выведено из строя. Нужны специалисты, поскольку те рабочие, которые остались там – повально походили с ума! Поэтому, я знаю, что скоро мы всё восстановим, но когда именно, затрудняюсь сказать... Кстати, прослеживается явная закономерность, на кого этот музыкальный удар подействовал более всего...

- И на кого же? На молодёжь?

- На молодёжь – в первую очередь. Кроме того, под этот удар попали гастарбайтеры, то есть люди неквалифицированного труда и малокультурные, водители... а вот интеллигенция среднего возраста осталась почти не затронутой, зато теперь на неё навалились все тяготы от происшедшего.

- А в силовых структурах? – поинтересовался Матвей.

Иванушкин лишь махнул рукой.

- Тоже досталось...

- Васильич, как бы мне получить пистолет? Тут вчера ночью нас пытались «вскрыть» и мы с женой уже заранее простились друг с другом...

- Вот как? – вскинул светлые глаза на журналистов Иванушкин. – Это плохо, - задумчиво произнёс он. Затем полез во внутренний карман. – Зная тебя, как умелого бойца, вручаю тебе, Матвей, табельное оружие. Верю, что ты будешь использовать его только в целях самозащиты... Но, после окончания этого, - он обвёл вокруг себя рукой, - беспредела, ты уж, не забудь, верни...

- И мне, - робко произнесла Наденька.

- Надя! – строго посмотрел на молодую женщину майор. – С этим не шутят. Хватит с вас и одного. Пожалуй, дам две обоймы. Вы уж поаккуратней...

- Спасибо, Василич...

- Да что уж там... Время нынче такое.

- У меня, Василич, новое предположение возникло...

- Ну-ну... - приготовился слушать майор.

- Сдаётся мне, что за всем этим безобразием стоят масоны. Попробую пояснить. Начнём с того, что к ним попало... точнее, им прислали руководство или инструкцию по созданию оружия массового воздействия на психику людей... Сначала его отправили в архив. Затем, оно было оттуда извлечено, причём, извлечено тайно...

- Чисто по-масонски, - пробормотал Иванушкин.

- Да. Затем это оружие было приведено в действие... Когда мозги населения оказались достаточно обработаны дурацкой музычкой, в регионе были отключены электричество, газ и вода, что явилось сигналом для начала бесчинств!

- Логично.

- Так вот, когда я брал интервью у одного местного масона, он признался, что статьи, подобные той, что написал я в крайний раз, про опасности, угрожающие Калининграду, каких не случилось бы в немецком Кёнигсберге, были изданы в тех самых городах, где впоследствии случились страшные катаклизмы! Вспомните наводнение в Хабаровском крае, когда население по пояс в воде стояло у сооружённых вручную дамб и плотин, стояли с брезентом сутками, сдерживая воду... Вспомните трагедию в Крымске, когда сливалась вода с водохранилищ, и её потоки сметали всё живое в море... Я уверен, такие же статьи были и в других регионах нашей страны, только не во всех случились такие страшные аварии...

- То есть, ты думаешь, что эти беды принесла не стихия?

- Стихия, конечно, была, только до поры она бесновалась в надёжной клетке..., но выпустить её демонов на волю помогли люди. Кто-то же допустил переполнение водохранилищ и открыл шлюзы...

- А почему этот масон с тобой так разоткровенничался? У них, насколько мне известно, свои тайны хранят очень цепко....

- К любому масону можно подобрать ключик, - уклончиво ответил Матвей. – Это внутри масонства – тайна на тайне. А для посторонних масоны стараются казаться благодетелями и покровителями, быть на виду.

- Давайте хоть позавтракаем! – объявила Наденька. – Картошка сварилась, тушёнку я открыла! Огурчики тоже есть...

- О, да у вас тут всё готово для длительной осады! – воскликнул со смехом Иванушкин. – Нет, я спешу, завтракать не буду, тем более, что уже перекусил... Так, значит, – попытался он «поймать» ход мыслей Матвея, - масоны умышленно провоцируют катаклизмы..., но для чего? Наверное, для того, чтобы вызвать недовольство у населения...

- Да, показать бестолковость российского управления, где чиновники всех **рангов** озабочены только собственным карманом, всюду процветает коррупция и воровство! Вы посмотрите, что случилось всего за полтора десятка лет «нового» правления! Детские лагеря и школы находятся, практически, без присмотра, на меры безопасности всем давно наплевать!.. В сельской местности упраздняют фельдшерско-акушерские пункты, некому оказать даже элементарную медицинскую помощь! Пахотные земли распродают под

коттеджи, леснические хозяйства в большинстве районов отсутствуют, в лесах – сплошные буреломы и никакой пожарной охраны...

- Да, бардака у нас хватает, - задумчиво произнёс Сергей Васильевич. – И раньше он был, а теперь его - в избытке! И никаких улучшений...

- Вот-вот! А потом появляются политики, которые заявляют: «Создадим свою, Сибирскую республику! Впредь обойдёмся без Москвы, сами у себя наведём порядок! У нас есть недра и другие природные богатства, которые должны принадлежать нам, народу, а не московским воротилам!..

- Естественно, на «Сибирскую республику» сразу наложат лапы США...

- После чего всем понятно, куда «уйдёт» Хабаровский край... или юг России!

- Таким образом, Россия будет разорвана на части и свершится вековая мечта ненасытного Запада...

- Что за страсти вы тут рассказываете? – Наденька поставила на стол блюда с картошкой и тарелку, куда выложила содержимое банки тушёнки. – Угощайтесь, Сергей Васильевич. Сейчас чайку приготовлю!

- Ох, и хозяйка у тебя, Матвей! – восхитился Иванушкин. – Да не суетись ты, красавица! Я уже ухожу... Так значит, ты, Матвей считаешь, что у нынешних масонских организаций осталась прежняя цель – развал нашей страны...

- Да. И начать этот развал они решили с отделения Калининградской области... Иначе, зачем весь этот спектакль?

- Действительно, - задумчиво произнёс Иванушкин. – Так ведь и формируется общественное мнение...

- А к ближайшим выборам... или в обозримом будущем появится радикальная партия, которая правильно расставит акценты в планах развития региона, и объявит дальнейший путь – на самоопределение!.. И – отделение...

- Грустная картина, – прокомментировал Иванушкин. – Но вполне реальная.

- Ты про Ильинского не забудь, – напомнила Наденька Матвею.

- Я помню, сейчас только подошёл к нему...

- Какой Ильинский? Великий артист? – не понял Иванушкин.

- Нет, один из дуэта профессоров, занимавшихся воздействием музыкальных волн на ритмы мозговой деятельности человека. Вполне возможно, что эта музыка – их рук дело. Но это ещё не всё. Наш друг из Аргентины, Аксель Винтер, утверждает, что вышеупомянутые господа разработали и музыкальный реаниматор – то есть мелодию, способную вернуть ущербный мутированный мозг в нормальное состояние! Вы представляете, если мы включим новую... «песню возрождения», а заодно возобновим подачу газа и электроэнергии в область, то нормальная жизнь восстановится! Надо только связаться с этим учёным и получить у него запись мелодии!

- Кстати, - добавила Наденька. – Он масон, как говорил Винтер.

- Теперь понятно, - вздохнул майор. – По твоим словам, масоны эту акцию затеяли, они же могут её и прекратить. Это напоминает чудовищный эксперимент – проверили работоспособность «нелетального оружия», подтолкнули общественное мнение на шаг вперёд к отделению от России, а сами остались в тени... Очень на них похоже! Значит, если существует цепочка: масонство – музыка, сводящая с ума, – энергетический

апокалипсис и безумие населения – музыка, возвращающая психику людей в нормальное состояние – конец катаклизма и получение бонусов на деятельность по отделению от России..., то значит, запись этой музыки должна находиться именно в масонской ложе. Или в виде файла в их сетевом информационном пространстве.

- А если попытаться завладеть им? – внезапно предложил Матвей.

- Каким образом? Предъявить им мы всё равно ничего не сможем...

- А если совершить внезапную атаку? Взять десяток-другой нормальных парней да атаковать штаб-квартиру!

- Силами спецназа?

- Да, только приодеть их так, чтобы они стали похожи на сброд разбойников, которые грабят богатые дома! Сами создали их, пусть сами и расхлёбывают! С ножом у горла каждый скажет, где какой файл находится, – уверенно произнёс Матвей. – Потом трансляция исцеляющей песни! А там, глядишь, всё вернётся на круги своя...

- Как у тебя всё просто! – вздохнул Иванушкин.

- Да! Просто и эффективно!

- Только я думаю, что торопиться не надо. Да, прямых доказательств того, что к этому причастны масоны, у нас нет. Я думаю, всё должно скоро разрешиться..., но другим путём.

- Каким же? Через неделю тут совсем людей не останется!

- Вот-вот! А нужно ли это масонам? Я полагаю, что нет. «Дурацкая песня» сейчас уже не звучит... Кстати, это очень заметно... Я думаю, не сегодня-завтра они сами включат необходимую мелодию. И сами восстановят энергоснабжение. Никому не нужен самоуничтоженный город... А мы нанесём ответный удар чуть позже, Матвей. Когда соберём доказательства... С твоей, между прочим, помощью... Посмотрим, как они завертятся после предъявления неопровержимых улик. Вот тогда можно будет поставить вопрос о запрете масонства в России...

- Их несколько раз запрещали, но они всегда возвращались...

- Но теперь у нас будут основания выдвинуть им обоснованные обвинения и раскрыть глаза общественности на истинные дела масонов... Тут они уже не получат роскошных особняков под логи! Масонство будет вне закона!

- Может, вы и правы, - вздохнул Матвей.

- Сергей Васильевич всегда прав, - подтвердила Наденька. Только почему-то не ест... Обижаете, товарищ майор...

- Надюша, я же предупредил, - улыбнулся Иванушкин. – Ладно, кусочек огурчика, так и быть, возьму. И – всё! Я – на работу! – Он поднялся из-за стола. – Запасы у вас, хоть небольшие, но есть. День-два продержитесь. А там, думаю, всё начнёт налаживаться. На улицу лишний раз не выходите. Шторы держите задёрнутыми... Ну, а если попытаются опять влезть в квартиру... соорудите что-то типа баррикады, бесшумно они её не преодолеют. А коль уж деваться станет некуда, открывайте огонь! Лучше, конечно, по конечностям... Но, я надеюсь, применять оружие вам не придётся.

Иванушкин пожал руку Матвею, приобнял Наденьку и вышел из квартиры.

- В следующий раз, когда встретимся, всё будет уже по-другому! – напоследок произнёс он.

- Дай-то бог!

- Словно луч солнца после грозы... Успокоил и дал надежду, - вздохнула Наденька.

Матвей подошёл к окну. Покорёженные, обгоревшие остовы машин, горы стекла и мусора, смердящие трупы... И ни одного живого существа. Пожалуй, только стаи ворон чувствовали себя здесь вполне уютно...

- Неужели масоны опять уйдут от возмездия? – процедил сквозь зубы Матвей.

- Ты о чём, любимый?

- Да всё о том же... В убийстве Пушкина обвинили Дантеса, а не масонство! В том, что все завоевания русской армии в Семилетней войне аннулированы – Петра III. Но не масонство!.. За восстанием декабристов, за множеством убийств и кровопролитный войн стоят масоны! Сегодняшний беспредел на улицах нашего Калининграда тоже организован ими! И опять они будут топтать нашу землю, мило улыбаться и заниматься самосовершенствованием и благотворительностью... И навязывать нам свои идеалы!

- Так что ты предлагаешь?

- Я найду доказательства их вины и обнародую их! Я напишу такую статью!..

Проснувшаяся Лиза что-то залепетала. Наденька тут же подскочила к дочке.

- Мы проснулись? Да, мы проснулись. Сейчас начнутся потягушечки... – она смочила ладонь минеральной водой. – А ну-ка, умоемся! А кто нам светит в окошко? Солнышко ясное! А кто там у окошка стоит и улыбается нам? Это наш папа стоит!

Ребёнок смотрел на маму и смеялся, болтая ножками. Жизнь продолжалась.

И вдруг послышалась музыка. Такая неожиданность в умирающем городе! Матвей прильнул к оконному стеклу. Звуки музыки приближались. Похоже, кто-то подключил усилитель и мощный динамик к аудиосистеме своей машины... Она ехала медленно, а бодрая мелодия разносилась далеко по округе... Неужели очередной сумасшедший меломан? Вот машина показалась на проспекте со стороны Центральной площади... Ничего в ней особенного нет, обычная иномарка тёмно-синего цвета... Да, современный динамик, из которого льётся песня... Слов не разобрать, какой язык – тоже непонятно. Но мелодия... Она, казалось, проникает в сознание человека, словно добрая хозяйка, вернувшаяся домой. Берёт веник, совок, быстро и уверенно наводит чистоту и порядок, разводит огонь в печи и начинает готовить обед...

А что, если это... та самая мелодия? Та самая песня?..

- Наденька, ты слышишь?

- Что? Музыку? Слышу! – она подошла к Матвею, держа ребёнка на руках. – Какая симпатичная песня... И как-то неожиданно звучит в такое время...

Машина,двигающаяся со скоростью не более пяти километров в час, проехала мимо окон дома, где жили Хрусталёвы, и направилась к эстакадному мосту. За ней невидимым шлейфом тянулась, наполняя всё пространство, волшебная мелодия, изгоняющая ненависть и зависть, страх и уныние.

- Ты думаешь, - с надеждой спросила Наденька, - что это та самая музыка, которую мы собирались отыскать?

- Да, милая.

- И масоны сами её включили?

- Выходит, что так.

- Теперь, всё пойдёт на лад?
- Непременно...
- Ты посмотри, как Лизонька заслушалась! Ей нравится эта мелодия...
- Да, это - настоящая «песня жизни»...
- Как это прекрасно, – на глаза Наденьки вновь навернулись слёзы.
- Успокойся, родная, – обнял жену и дочку Матвей. – Всё уже позади.

Вечером того же дня, когда Матвей насчитал одиннадцать проездов машины с «жизнепробуждающей» музыкой под своими окнами, в доме появился свет. Включились лампочки, загудел холодильник, вспыхнул экран телевизора. От радости Наденька и Матвей принялись обнимать друг друга и кричать бог весть что, в основном, конечно, «Ура!»

Тут же были поставлены на зарядку ноутбук, компьютер и телефоны. Вскоре из кухни послышался радостный голос Наденьки:

- Есть газ! Будем жить!

Чуть позже загудели трубы и из крана хлынула вода.

- Слава богу!

Казалось, радости супругов не было предела! А радовались вместе с ними, конечно, каждый в своём уголке, и другие калининградские семьи, пережившие невероятные тяготы этих нескольких дней.

Кошмарный эксперимент был завершён.

В город возвращалась жизнь.

### **ЭПИЛОГ. Все только начинается!**

Лето подошло к концу. Город вернулся к своей обычной жизни, горожане начали приводить Калининград в порядок. Заработали учреждения и предприятия, на улицы вновь вернулась деловая суета. Зазвенели трамваи, засновали трюдяги-автобусы.

Эти несколько дней безумия дорого обошлись городу. Разграбленные магазины, разбитые витрины и окна домов, искорёженные автомобили... десятки невинных жертв.

Неудивительно, что после таких страшных событий многих горожан потянуло к Богу...

Храм Святого Апостола Андрея Первозванного – это красивая одноглавая белокаменная церковь в стиле псковско-новгородского зодчества, построенная в Калининграде в 2007 году. Храм возвели на пожертвования горожан, в традициях северорусского церковного зодчества XVII века, а в его основании положили капсулу с землей из греческого города Патры, где был распят Апостол Андрей.

В последнее воскресенье августа здесь было решено крестить маленькую Лизу. Наденька на этом настаивала, а Матвей не возражал. Тем более что среди его друзей теперь был настоящий священник – отец Леонид.

По этому поводу возле храма собрались все друзья семьи Хрусталёвых, включая сотрудников редакции «Башни Вангеля». Крёстными родителями пожелали стать Вадим

Филатов и супруга Иванушкина – Марина, работающая юрисконсультком в туристической фирме.

День выдался ярким и жарким. После летнего зноя так приятно было войти под прохладные сумрачные своды церкви со множеством зажжённых перед ликами святых свечей...

Отец Леонид был сегодня в золотом праздничном одеянии. Он встретил всех приветливо, но сдержанно, и попросил подойти ближе к аналою, покрытому ризой, на котором лежали Крест и Евангелие, а рядом стояла купель.

- Слова о том, зачем человек приходит ко Крещению, - заговорил он своим густым басом, - нужно начать с того, что Бог сотворил весь мир и людей, наделил их сознанием и свободой для того, чтобы они возымели счастье любить. Этим наивысшим благом Господь Бог наделил людей, потому что Сам безмерно возлюбил их. А любовь сближает тех, кто любит. И поэтому Смыслом человеческой жизни стало также то, чтобы быть рядом с Богом... - слова проповедника, словно белые голуби, разлетались под сводами храма.

- Удаляясь от Источника жизни – Бога, – люди получают смерть. Смерть бывает двойкой. Во-первых, духовной, от которой каменеет сердце, утрачивается способность любить, сострадать, иметь искренние и чистые отношения с другими людьми. Человек в своей духовной смерти разлагается на гордыню, ненависть, зависть, лукавство... которые являются для него малым адом. Во-вторых, это - смерть физическая, то есть смерть тела. Ей предшествуют её предтечи: телесные немощи, болезни и старость. Однако, несмотря ни на что, Бог продолжает безмерно любить людей... - Батюшка сделал едва заметную паузу и внимательно посмотрел на Матвея, как бы вложив в свой взгляд какой-то особый смысл, и подытожив что-то недосказанное прежде и известное только им двоим. – Приходя в Церковь, люди ускользают из рук диавола и вступают в Царство Божие, становясь детьми Божиими. Таким образом, вступление в Церковь и приобщение всех её благ, каковыми являются Жизнь Вечная, воссоединение с Богом, воскрешение способности любить, радоваться чистой радостью и иметь духовное здравие, осуществляется только через Крещение...

Все присутствующие зажгли свои свечи и обряд начался...

После чина оглашения (отречения от сатаны и сочетания со Христом), началось непосредственно таинство Крещения. С лёгкой улыбкой, отец Леонид трижды погрузил малышку в купель со словами:

– Крещается раба Божия Елизавета во имя Отца, Аминь. И Сына, Аминь. И Святаго Духа, Аминь.

Слышали вы когда-нибудь вздох облегчения одновременно из десятка ртов? Но именно он вырвался у всех, когда Лизоньку завернули в крестильное полотенце. После чего совершилось Миропомазание, которое символизировало схождение на младенца Духа Святого и исполнение его силой Божией...

Примечательно, что малышка на всём протяжении службы ни разу даже не захныкала, а внимательно смотрела на огоньки свечей и прислушивалась к напевному голосу батюшки. Да и у всех взрослых возникло ощущение внутреннего тепла и покоя, а на душе стало легко и светло...

...При выходе из храма Матвей обратил внимание Наденьки на росток одуванчика, пробивающийся сквозь асфальт дорожки...

- Тебе это ничего не напоминает? – спросил он у своей жены.

- Бедный цветочек говорит мне о том, что жизнь продолжается и она прекрасна! – весело ответила супруга.

- А мне он напомнил о том, что всё мало-мальски значимое в нашей жизни совершается вопреки тяжёлым внешним обстоятельствам и только благодаря усилиям нашей воли. И когда мы начинаем понимать, что все хорошее или плохое зависит только от нас самих, вот тогда и начинаются перемены к лучшему...

- Ну, поздравляю, братцы! – подошёл к супругам Иванушкин. – Как собираетесь отмечать сие радостное событие?

- Весёлым застольем, конечно! – ответил Матвей.

- А я предлагаю праздник провести на природе, на нашем месте, на Куршской косе, и непременно – с шашлыками! Вы как, не против?

- А когда поедем? – заволновалась Наденька.

- Немедленно! Мясо организовал Коля, за рулём будет Володя. Берите крёстных – и в машину! А я сейчас ещё водочки захвачу!

Когда за дело берутся настоящие специалисты, важное мероприятие можно организовать и провести в самые короткие сроки. Так получилась и на этот раз – спустя всего час машина уже зарулиwała на дорожку, ведущую к излюбленному месту отдыха дружной компании.

Пока шла подготовка к застолью: женщины резали салаты, Коля управлялся с костром, а Володя нанизывал шампуры, Иванушки отвёл Матвея в сторону залива.

- Грибы уже пошли... - заметил журналист, кивая на кучку опят, облюбовавших берёзовый ствол.

- Я тоже заметил. Но об этом – потом. Сейчас я хотел бы ввести тебя в курс дел по обвинению масонов в имевших место... беспорядках...

- Неужели, что-то срослось? – обрадовался Матвей, прихлопнув комара на шее.

- Срослось. И многое... Вольные каменщики несомненно приложили к этому свою руку, и мы это докажем! Во-первых, пригодились листы бумаги, которые ты взял из той злополучной квартиры, где вас с отцом Леонидом держали в плену. На этих листах – инструкции боевым группам, как им надлежало действовать в период так называемого «музыкального эксперимента». Основное внимание уделено нагнетанию ужаса у населения... На этих листах – масонские отметки. Но это к делу не пришьёшь, а вот исследования жёсткого диска их компьютера показала тесную связь этих... выродков с масонской ложей... Все файлы были удалены, но наши спецы поработали на славу. И восстановили их.

- Молодцы. Надеюсь, моё имя нигде не засветилось?

- Нет, ни в коем случае. Скоро мы начнём по этому поводу процесс, а тебе надо бы написать статью... Но не о масонах, а о неких силах, заинтересованных в том, чтобы возбудить дело по отделению Калининградской области от России. И показать, что это – лишь первая ласточка в компании по плановому развалу нашей страны. Напиши, что они



подвергли население региона массовому психозу, «обработав» его сначала музыкой, способной производить серьёзные трансформации в человеческом мозгу, а затем – искусственно создав энергетический, транспортный, информационный и продовольственный коллапс! А то, что за всем этим стоят масоны, об этом скажем народу мы – полиция и прокуратура!

- Да, народ должен знать, кто над ним сыграл такую злую шутку... О, Василич, какой аромат! - улыбнулся Матвей, уловив волнующий запах костра и готовящегося на углях мяса. – «...И дым Отечества нам сладок и приятен...» - продекламировал он афоризм Грибоедова.

- Да, Матвей. Скоро и не таким дымом запахнет... Твои фотографии бандитов с той страшной квартиры тоже обработаны. Все заводили – масоны. Некоторые из них уже наладили связь с ложей. Думаю, скоро их начнут пытаться вытащить из кутузки... Мы пока не препятствуем этому. Чем явственнее нащупаем ниточку, тем крепче будет узелок, а уж мы постараемся затянуть им и щупальца ложи. Наша задача - не допустить подобных катаклизмов впредь. Ты же пока не предпринимай никаких действий. Ты здесь – не при чём. Наши с тобой приятельские отношения – просто дань прошлогодним приключениям!

- Вы думаете, они поверят в это?

- Нет, но доказательств у них не будет, а это – главное. Да, беспокоиться тебе не о чем – через месяц мы масонов прижмём, через другой – выдадим из Калининграда, а через третий – вообще запретим их деятельность на всей территории России!

- Эй, братцы, о чём там совещаетесь? – прикрикнула жена Иванушкина Марина на двоих, отделившихся от компании людей.

- Да мы обсудили кое-какие планы на будущее... - замялся Сергей Васильевич.

- Вот решили организовать поездку за грибами, - добавил Матвей.

- А что, хорошая идея!

- И Лизоньку с собой возьмём, пусть приучается к природе!

- И отца Леонида не мешало бы пригласить. Больно по душе он пришёлся всем нам, - добавил Николай.

## **КОНЕЦ**

апрель – июль 2016 г.

## **СНОСКИ**

1 – После взятия Кёнигсберга русскими войсками в ходе Семилетней войны (1758) население Восточной Пруссии присягнуло на верность Елизавете Петровне. Генерал-губернаторство Восточная Пруссия оказалось в составе России.

2 – Название проруби в водоёме, сделанной к христианскому празднику Крещения Господня для совершения обряда водосвящения.

3 – Николай Андреевич Корф (1710-1766) – генерал-аншеф, действительный камергер, сенатор, наместник Восточной Пруссии, генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга.

4 – В 1759 году под Кунерсдорфом русская армия, под командованием П. Салтыкова нанесла сокрушительное поражение войскам Фридриха II.

5 – Семилетняя война 1756—1763 гг. Война между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией — с одной стороны, и Пруссией, Великобританией и Португалией — с другой. В ходе этой войны Пруссия в 1761 г. оказалась на грани катастрофы, но новый русский император Петр III, сменивший императрицу Елизавету Петровну, заключил в 1762 г. союз с Пруссией. Взошедшая вскоре на русский престол Екатерина II союз расторгла, но войны не возобновляла и вывела все войска из Пруссии.

6 – Альбрехт Бранденбургский (1490-1568) – первый герцог Пруссии, бывший глава Тевтонского ордена.

7 – угощение (фр.)

8 – какой неприятный сюрприз (фр.)

9 – Граф Виллим Виллимович Фермор (1702-1771) – русский государственный и военный деятель, генерал-аншеф. Во время Семилетней войны командовал русской армией при Цорндорфе. Генерал-губернатор Смоленска.

10 – Санкт-Петербургский Академический Университет – занятия начались в январе 1726 года. Московский университет основан в 1755 году.

11 – Александр Иванович Шувалов (1720-1771)– доверенное лицо Елизаветы Петровны и Петра Фёдоровича, камергер, начальник Тайной Канцелярии, генерал-фельдмаршал, сенатор.

12 – слова Екатерины II

13 – красоты и обаяния (фр.)

14 – Голштиния – историческая область в Германии, часть Пруссии.

15 – широкий ассортимент (фр.)

16 – изделия (фр.)

17 – одеколон (фр.)

18 – нектар (фр.)

19 – равнодушной (фр.)

20 – штабной офицер

21 – текст дословный

22 – Магнус Иоганн фон Берг (Magnus Johann von Berg), на русской службе Максим Васильевич Берх (26 марта 1720 — 9 августа 1784) — генерал-аншеф русской императорской армии из остзейского рода Бергов. Один из первых русских партизан, на исходе Семилетней войны — руководитель лёгкой кавалерии

23 – прадед Александра Пушкина

24 – мужская куртка голландского происхождения. Была любимой одеждой Петра I.

25 – старинная дорожная осенняя или зимняя одежда, известная на Руси с XI века. Похожа на плащ. Как правило, он был суконным. Носили его богатые посадские люди в Киевском, Новгородском и Галицком княжествах. Мятель чёрного цвета носили монахи и

светские люди во время траура. В XVIII веке мятель еще бытовал как монашеское одеяние.

26 – слова из клятвы масона при приёме его в ложу

27 – князь Николай Васильевич Репнин (1734-1801) – крупный дипломат екатерининской эпохи, генерал-фельдмаршал, известный масон

28 – «Ложа покрыта» означает, что посторонних нет.

29 – подполковник (нем.)

30 – старший лейтенант (поручик) (нем.)

31 – Битва при Цорндорфе (1758). Селение в Пруссии близ Кюстрина. Ценой больших усилий русским удалось победить, хотя они длительное время сражались без руководства. Командовал русской армией тогда В.В. Фермор.

32 – Фридрих фон Зейдлиц Курцбах – немецкий военачальник. Командовал конницей в армии Фридриха Великого.

33 – Кёнигсбергское мясное блюдо, состоящее из нескольких биточков, политых каперовым соусом.

34 – Прегельская вонь (нем.)

35 – простейший вид устройства, позволяющий получать оптическое изображение объектов. Представляет собой светонепроницаемый ящик с отверстием в одной из стенок и экраном (матовым стеклом) на противоположной. Лучи света, проходя через отверстие диаметром от 0.5 до 5 мм, создают перевёрнутое изображение на экране. На основе камеры-обскуры были созданы первые фотокамеры.

36 – Самый яркий и любимый праздник жителей Кёнигсберга – Праздник Длинной колбасы. Подмастерья в праздничной одежде тащили огромную колбасу через город... Сопровождали их музыканты и знаменосцы. Сначала её преподносили к королевскому замку, где угощался герцог, затем – по городам-побратимам, где свою долю получали бургомистры, пивные мастера и священники. Заканчивалось шествие около постоянного двора пекарей, где пекари вместе с остальными горожанами съедали её. В 1601 году длина колбасы составляла более 400 м. Сегодня праздник возрождён.

37 – сливки и творог (нем.)

38 – крупные женские платья с очень широкой колоколообразной юбкой, фижмы – каркас из ивовых или стальных прутьев, используемый для придания пышности женской юбке.

39 – бальная записная книжечка

40 – Работа Канта «О мыслях по поводу истинной оценке живых сил» – 1746 г.

41 – Работа Канта «О применении связанной с геометрией метафизики в философии природы» - 1756 г.

42 – от фр. *menu* — маленький, точнее — *pas menu* — короткий шаг

43 – прекрасно! Отлично (нем.)

44 – женщина (нем.)

45 – Франческо Альгаротти (1712 – 1764) – венецианский философ.

46 – ещё одно местечко, под которым Фридрих Великий был спасён из-за разногласий между русским и австрийским командованиями.

47 – Глац, Швейдниц, Кольберг – прусские крепости

48 – река в Лейпциге

49 – (1740-1764) – российский император из Брауншвейгской династии Романовых. 5 октября 1740 года объявлен наследником российского престола. После смерти Анны Иоанновны (17 октября 1740 года) был возведён на престол. Регентом был Эрнст Иоганн Бирон. В результате дворцового переворота в 1741 году был свергнут и увезён в Соловецкий монастырь. Затем содержался в Шлиссельбурге. При попытке его освобождения в 1764 году поручиком Мировичем, был убит.

50 – Васи́лий Евдоки́мович Ададу́ров (Адоду́ров) (15 (26) марта 1709, Новгород — 5 (16) ноября 1780, Москва) — российский учёный (математик и филолог-русист), педагог, адъюнкт и почётный член Санкт-Петербургской академии наук, куратор Московского университета. Григорий Николаевич Теплов (20 ноября 1717[, Псков, Русское царство — 30 марта 1779, Санкт-Петербург, Российская империя) — русский философ-энциклопедист, писатель, поэт, переводчик, композитор, живописец и государственный деятель. Сенатор, действительный тайный советник, противник Петра III, ближайший сподвижник Екатерины Великой, близкий друг и наставник графа Кирилла Разумовского, глава гетманской канцелярии в Малороссии с 1741 года и фактический инициатор её упразднения. Действительный член Академии наук и художеств, адъюнкт по ботанике (с 1742 года), почётный член Императорской Академии наук и художеств (с 1747), фактический руководитель Академии с 1746 по 1762 год. Создатель устава Московского университета и «Проекта к учреждению университета Батурина».

51 – Место казней в Кёнигсберге

52 – Балтийское море

53 – Протестантская кирха в кёнигсбергском районе Хаберберг

54 – Парк кенигсбергского купца-мецената Сатургуса. Часть парка сохранилась до 1811 г. и на его основе был создан Ботанический сад Кенигсбергского университета. Сейчас там расположена Станция юных натуралистов.

55 – Манифест от 18 (29) февраля 1762 года

56 – научная дисциплина в агрономии, занимающаяся плодовыми деревьями и ягодными кустарниками

57 – см. «Таинственный остров Кнайпхоф»

58 – так назывался Верхний пруд у немцев

59 – «Таинственный остров Кнайпхоф»

60 – (1725 -1794) Поэт, историк, государственный деятель, великий масон

61 – По этому адресу расположен ОВД Ленинградского района г. Калининграда

62 – Жорж Шарль Дантес после усыновления носил фамилию Геккерн. Французский монархист, офицер-кавалергард, был сенатором Франции. Известен, прежде всего, как человек, смертельно ранивший А. С. Пушкина.

63 — главные герои романа «Люди и тени. Тайна подземелий Кёнигсберга»

64 – Константин Карлович (1801-1870), офицер русской императорской армии, лицейский друг Пушкина.

65 – Удалось установить, что в жизни А.С. Пушкина было до 29 состоявшихся и «улаженных» дуэлей. Фактически Александр Сергеевич дрался на дуэли 4 раза. Причиной

первой была острая эпиграмма юного Пушкина на его лицейского товарища Вильгельма Кюхельбекера. Во время поединка первым выстрелил Кюхельбекер и промахнулся настолько, что попал в фуражку стоявшего в стороне секунданта (Антон Дельвига). Александр рассмеялся, отказался от своего выстрела и больше не ссорился с «Кюхлей», более того, они стали друзьями на всю жизнь. Вторая дуэль, вызванная ссорой за карточным столом, состоялась в 1821 г. близ Кишинева. Пушкин стрелялся с офицером Зубовым. Пушкин принес на поединок черешню и, пока в него целились, выбирал спелые ягоды и выплевывал косточки. После неудачного выстрела противника Пушкин стрелять отказался. По данным Государственного музея А.С. Пушкина в Москве, Александр Сергеевич в 1822 г. дрался на дуэли с командиром 33-го егерского полка полковником С.Н. Старовым. Поединок с Дантесом был четвертым в жизни Пушкина. Но вспомним, что в ноябре 1836 г. усилиями друзей была расстроена дуэль с тем же Дантесом, а незадолго до этого Пушкин посылал вызов за неловкую реплику в разговоре с Натальей Николаевной своему царскосельскому знакомому графу Сологубу. И ту дуэль также удалось расстроить. Однако везение не могло продолжаться бесконечно.

Наряду с этим, поэт был отменным стрелком и попадал с 20 шагов пуля в пулю. Но во время дуэлей он ни разу не пролил кровь противника и в многочисленных поединках никогда не стрелял первым. Хорошо зная дуэльный кодекс, он, видимо, следовал высказанному им устами Моцарта принципу "Гений и злодейство - две вещи несовместные".

66 – до смертельного исхода

67 – Использовались гладкоствольные, крупнокалиберные дуэльные пистолеты системы Лепажя, с круглой свинцовой пулей диаметром 1,2 см и массой 17,6 г.

68 – Согласно многих источников, тело Дантеса прикрывала стальная кираса. По кодексу дуэльных поединков, стреляющиеся на пистолетах не имели права надевать крахмальное белье, верхнее платье их не должно было состоять из плотных тканей, полагалось снимать с себя медали, медальоны, пояса, помочи, вынимать из карманов кошельки, ключи, бумажники и вообще все, что могло задержать пулю.

69 – мой праздник в преисподней (англ.)

70 – «Стальные крысы» (англ.)

71 – согрей меня в горящих углях (англ.)

72 – Святитель Московский Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов) (1782-1867)

73 – «лицо Гиппократ», типичное для больных перитонитом

74 – псалом 37.

75 – пока дышу - надеюсь (лат.)

76 – об этом герое см. «Таинственный остров Кнайпхоф»